А. Б. Карповъ.

ПАМЯТНИКЪ КАЗАЧЬЕЙ СТАРИНЫ.

Краткіе очерки изъ исторіи Уральскаго войска.

Содержаніе:

Г. Уральскъ.
Войсковая Типографія.
1909.

Настоящіе историческіе очерки были напечатаны въ „Урал. Войск Вѣд." въ 1908 г. въ № 100 и въ 1909 г. въ №№ 1—10, 12, 13, 15—17, 19—21, подъ названіемъ „Памятникъ казачьей старины". Издавая эту статью отдѣльною книгою, я руководствовался тѣмъ интересомъ, съ которымъ отнеслось къ ней казачье населеніе, а также желаніемъ многихъ лицъ имѣть ее отдѣльнымъ оттискомъ. Предлагаемая статья представляетъ изъ себя изложеніе событій въ весьма краткомъ и сжатомъ видѣ. Многое въ этомъ очеркѣ совершенно не упомянуто или изложено въ формѣ намека о происшедшемъ; но эти пробѣлы впослѣдствіи, при составленіи исторіи войска, будутъ пополнены и событія будутъ изложены со всѣми ихъ подробностями.

10 марта 1909 г.
г. Уральскъ.

А. Б. Карповъ.

Памятникъ казачьей старины.

— „Этотъ храмъ замѣчателенъ своею древностію и событіями; не осталось теперь въ войскѣ ни одного зданія современнаго ему; чуденъ тѣмъ, что при бывшихъ многократно при войскѣ пожарахъ, гдѣ все подвергалось истребленію, его Господь сохранилъ и хранитъ до селѣ цѣло и невредимо. Это дорогой перлъ въ Войскѣ; онъ имѣетъ много дорогого и святого для каждаго изъ уральцевъ. Этотъ святой храмъ великъ и въ томъ отношеніи, что всѣ потрясенія и бунты, волновавшіе наше войско, онъ пережилъ и всему былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ... и нынѣ благодатію Божіею онъ смиренно и уединенно красуется, какъ глава и верхъ всѣхъ зданій".

Протоіерей Михайло-Архангельскаго собора Савва Ивановъ Назаровъ 1865 г. Изъ лѣтописи Михайло-Архангельскаго собора.

I.

— „*За Ураломъ за рѣкой*
Казаки гуляютъ,
И стрѣлою каленой
За рѣку пускаютъ.
Казаки не простаки—
Вольные ребята,
Все на шапкахъ тумаки,
Всѣ живутъ богато".

(Изъ пѣсни Уральскихъ казаковъ).

Прошло ровно 50 лѣтъ послѣ того, какъ переселились яицкіе казаки изъ своего стараго Кирсановскаго городка внизъ по Яику и у устья Чагана построили новый городокъ, назвавши его Яицкимъ. Настала осень 1700 г., завылъ степной вѣтеръ, завыла осенняя вьюга,

засыпала она казацкіе курени бѣлымъ рыхлымъ снѣгомъ. Но вотъ 8 го ноября выглянуло ясное красное солнце и засіяло оно своими лучами по чистому полю, засверкало алмазами по бѣлому снѣгу на крышахъ казачьихъ куреней. Громко и медленно зазвучалъ колоколъ съ колокольни привезенной изъ Кирсанова деревянной церкви. Радуясь веселому дню, тихо по его зову сходятся бородатые яицкіе казаки на церковную службу. Вотъ кончилась обѣдня. Говоритъ имъ священникъ свое пастырское слово; онъ проситъ помочь ихъ великому Божьему дѣлу—построить новую церковь. „Народу умножилось, тѣсно стало нынѣ въ нашей Кирсановской церкви, да и стара уже она стала“, говоритъ онъ.

Собрались казаки въ кругъ, думаютъ они крѣпкую думу, судятъ и рядятъ: рѣшили—быть новой церкви, построить ее недалеко отъ войсковой избы, а ради сегодняшняго свѣтлаго дня построить ее во имя архангела Михаила.

И началась постройка. Поѣхали съ весною казаки на Сакмару, нарубили сосноваго лѣса, спустили плоты къ городу. Застучали топоры, запилили пилы. Проходитъ годъ, другой, третій—выросла церковь. Все есть въ ней, да нѣтъ только колоколовъ. Собрались казаки въ кругъ и рѣшили послать легкую станицу къ Царю Петру просить его милости. Вернулась станица, привезла изъ Москвы съ собою два колокола и большую икону подъ серебромъ золоченую архистратига Михаила, жалованное войску Царемъ.

Настала зима 1708 г., зазвонили колокола на новой церкви и разнесли они казакамъ благую вѣсть, что служба уже началась, что настало снова 8 ноября, что освящаютъ новую церковь.

Проходятъ года, летятъ они одинъ за другимъ... Выходятъ изъ города полки за полками*) бить враговъ Царя русскаго, въ дальніе города противъ шведовъ „подъ Нарву", противъ бунтующихъ башкиръ, на Кубань, въ харьковскій походъ и всѣ строятся они у войсковой избы, вблизи новаго собора, смотритъ ихъ зоркимъ окомъ войсковой атаманъ, кропитъ ихъ святою водою священникъ, благословляютъ ихъ старшины святымъ походнымъ образомъ и, взглянувъ въ послѣдній разъ на св. церковь, на свои курени, уходятъ они одинъ за другимъ въ далекіе края на битву съ врагами. Вотъ одинъ за другимъ уходятъ въ далекую степь три полка въ походъ подъ Хиву. Ведутъ ихъ походные атаманы Иванъ Котельниковъ, Никита Бородинъ и Зиновій Михайловъ. Встали и они у собора. Благословили ихъ на путь атаманъ и священникъ, отслужили молебенъ. Послѣдній разъ взглянули они на его святыя стѣны, на кресты, простились со своими женами и ушли въ далекую невѣдомую степь со своимъ вождемъ Бековичемъ, ушли, чтобы больше уже никогда не видѣть родного Яика. Всѣ погибли они тамъ въ тяжелой неволѣ въ 1717 г.

Но вотъ насталъ 1723 г. Былъ жаркій іюльскій день. Забилъ, загудѣлъ тревожно набатный колоколъ. Собрались казаки въ кругъ, получили они недобрую вѣсть. Ѣдетъ въ городокъ изъ Казани полковникъ Захаровъ, а съ нимъ триста человѣкъ солдатъ, будетъ онъ переписывать всѣхъ казаковъ. И видѣли стѣны

*) Всѣ полки того времени были по 500 человѣкъ и состояли изъ 5 сотенъ, по 100 чел. въ каждой.

собора, видѣла эта площадь, какъ зашумѣли казаки. „Не бывало того никогда! кричали они,—чтобы казаковъ гдѣ переписывали!“ „Въ регулярство хотятъ отдать!“ кричали другіе: „бѣжимъ братцы на Кубань“! И всколыхнулось войско, заскрипѣли телѣги, заржали боевые кони. Двинулись казаки за Чаганъ со своими женами и дѣтьми. Запылалъ подожженный городокъ. Засвисталъ степной вѣтеръ. Напрасно гудитъ-звенитъ, зоветъ на помощь колоколъ,—широкой волною охватило пламя казацкіе курени, пылаетъ Михайло-Архангельскій соборъ, только и успѣли вынести изъ него образъ архангела Михаила, старинное евангеліе да служебныя книги. Растопились его колокола.

Бѣжавшіе казаки были возвращены и наказаны.

Въ этотъ же годъ быстро построили казаки на мѣстѣ сгорѣвшаго собора новый деревянный соборъ во имя Михаила архангела. Два года отстраивалась эта церковь. И вотъ рано весною 1725 г. собрался у отстроенной церкви войсковой кругъ, снарядилъ онъ въ Петербургъ къ Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ легкую станицу и послали ее съ походнымъ атаманомъ Иваномъ Логиновымъ, да съ есауломъ Иваномъ Крашиновымъ „со сказкою“, просить у царицы милости пожаловать войску, взамѣнъ растопившихся колоколовъ, другіе новые колокола. И приказала царица именнымъ указомъ въ 1725 г. 1 іюля своему „войску Яицкому для набатовъ и прочихъ надобностей“ отпустить изъ „Московской артиллеріи“ два колокола „вѣсу примѣрно: одинъ въ 68 п., другой въ 35 пуд., а буде таковой не сыщется, то больше или меньше пятью пудами“, для чего „ему, ата-

ману, купить въ Москвѣ судно изъ данныхъ ему прогонныхъ денегъ", о чемъ и извѣстили грамотою „Войскового атамана Григорія Меркурьева и все войско Яицкое".

Привезли колокола зимою. Съ трудомъ подняли ихъ на низкую пристроенную на сѣверной сторонѣ церкви шагахъ въ десяти деревянную колокольню. И стали служить колокола свою казачью службу войску; „большой колоколъ для повѣстки въ здѣшнемъ войскѣ для непріятельскаго нападенія, а другой, меньшій, для случающихся при войскѣ пожаровъ; когда что случится, непріятель или пожаръ, войско Яицкое было извѣстно, яко у оныхъ и голосы были разные"... Въ отличіе отъ тревожнаго звона, который производился частыми ударами, для созыва въ кругъ били въ большой колоколъ, но медленно и тихо.

Весною 1826 г. въ первый разъ ударилъ набатъ новый большой колоколъ. Это „подбѣгали подъ городокъ киргизъ-кайсаки съ Абазгаиръ-ханомъ въ большомъ собраніи" и привели съ собою своихъ сосѣдей каракалпаковъ. Подбѣжали, захватили нѣсколько лошадей въ степи и ушли.

Пролетали года. И каждый годъ подъ рядъ гудѣлъ этотъ колоколъ, билъ онъ сполохъ и вызывалъ казаковъ для встрѣчи подбѣгавшихъ подъ городокъ „воровъ-кайсаковъ". Каждый годъ по его зову выбѣгали казаки изъ своихъ куреней съ копьями, пищалями и сайдаками на городской валъ, вбѣгали пушкари на башни, съ зажженными фитилями становились они у своихъ пушекъ и ждали незванныхъ гостей... Долго служилъ вѣрную службу большой колоколъ, сзывая „славное Яицкое лыцарское войско" то на бой съ врагомъ, то для сбора на русское старое вѣче—вольный казацкій кругъ „думу-

думати". Видѣла широкая площадь у собора и у войсковой избы и шумные сходы—суды, и выборы походныхъ атамановъ и есауловъ, слышала она и шумные клики казаковъ, требовавшихъ вести ихъ въ походъ „за зипунами"... и шли казаки въ степь и грабили караваны хивинцевъ и бухарцевъ[1])... Шумно писали грамоту въ Военную Коллегію, что „они въ дальню турецкую службу обойдены"[2])—должно быть уже близко нечѣмъ было разжиться. Но вотъ въ 1740 году казаки рѣшили строить вмѣсто существующаго деревяннаго собора—каменный. Построили казаки на свой счетъ кирпичный заводъ и своими руками прикладывали кирпичъ къ кирпичу. Показывалъ имъ, какъ строить его, мастеръ „иногородецъ"[3]). Шесть лѣтъ строили его казаки на свои деньги своими руками. Окончили они его, вздохнули и любуются... Ничего, что окна не имѣли никакой симметріи, „иныя больше, иныя меньше, иное поставлено косо, иное прямо". Богъ труды любитъ, а яицкіе казаченьки тогда въ академіяхъ не учились, дѣлали все по своему разумѣнію, отъ чистаго сердца.

Рядомъ съ соборомъ на сѣверной сторонѣ его шагахъ въ 10 отъ собора поставили четырехъ-ярусную готической архитектуры колокольню.

Соборъ освященъ[4]) въ 1751 г. въ благочестивое цар-

---

[1]) Въ 1730 и 1735 гг.

[2]) Въ 1737 г.

[3]) Фамиліи мастера лѣтописи не оставили.

[4]) Эти свѣдѣнія заимствованы мною изъ лѣтописи Михайло-Архангельскаго собора, которую началъ вести протопопъ этого собора С. Назаровъ съ 1865 г., записавшій въ нее всѣ сохранившіяся преданія о соборѣ съ 1751 г., т. е. со дня освященія собора.

ствованіе государыни императрицы Елизаветы Петровны по благословенію Луки, епископа Казанскаго и Свіяжскаго, протопопомъ Максимомъ Павловымъ. (Въ немъ былъ св. антиминсъ, освященный тѣмъ-же епископомъ, но по вѣтхости въ 1861 г. замѣненный новымъ).

Въ мартѣ 1748 г. вечеромъ неожиданно набатный колоколъ всполошилъ мирно сидѣвшихъ въ своихъ куреняхъ удалыхъ казаковъ. Выбѣжали они съ оружіемъ, бѣгутъ къ войсковой избѣ и слышатъ тамъ шумъ. Видна кровь, слышатъ крики и стоны. Это казакъ Иванъ Скопчикъ въ войсковой избѣ изъ за мести тяжело ранилъ саблею войскового атамана Андрея Бородина, по иниціативѣ котораго былъ построенъ этотъ храмъ. Хлопочетъ около него его родной братъ, тоже Андрей, влекутъ казаки въ кругъ на расправу связаннаго Скопчика. И видѣла старая площадь у войсковой избы и видѣли стѣны собора, какъ шумно и грозно обступили казаки Скопчика, какъ стали пытать его „огнемъ и плетьми“. Видѣли стѣны, какъ озлобленная толпа, избивъ его на площади „безщадно кнутомъ“, сослала его на работу „въ дальніе сибирскіе города“. А черезъ мѣсяцъ умершаго отъ раны атамана схоронили.

Въ 1749 г. зазвонилъ его малый колоколъ—случился въ городкѣ большой пожаръ. Сгорѣло болѣе ста домовъ.

Ровно двадцать пять лѣтъ прослужили соборные колокола родному войску, то сзывая его на кровавыя битвы и походы, то на вольный казачій кругъ „думу-думати“. Но вотъ наступилъ страшный и тяжелый для войска 1751 годъ. Въ 9 час. утра 10 августа дрогнулъ, за-

звенѣлъ малый колоколъ, загудѣлъ, забилъ онъ тревогу—сполохъ, пронесся его звонъ тревожною вѣстью по всему городу, подхватили этотъ звонъ сосѣднія церкви. Выбѣжали казаки изъ „жила“ (жилища), видятъ — горятъ, разгораются большимъ пламенемъ старые базы у степной стороны городка, вблизи городского вала, на самомъ краю, у старицы, а вѣтеръ рветъ все и мечетъ и несетъ пламя широкой волною прямо на городокъ. Запылали густо построенные, прижатые другъ къ другу, хаты и курени. И куда не взглянешь—всюду пылаютъ дома и огненная волна несется, какъ потокъ, прямо на соборъ, на войсковую избу, на пороховой выходъ. Мечутся въ ужасѣ по узкимъ улицамъ жены и дѣти, спасаясь отъ пламени и бѣгутъ онѣ къ Чагану и Яику. Торопятся казаки къ войсковой избѣ спасать легкія пушки, соборъ и пороховой выходъ. Но не спасли казаки ни собора, ни войсковой избы, ни легкихъ пушекъ, только „едва отстоять могли казенный съ порохомъ выходъ, который близъ оныхъ пушекъ находился“.

Сгорѣлъ соборъ, сгорѣла его колокольня, остались только однѣ его почернѣвшія каменныя стѣны. Сгорѣли въ немъ: „напрестольное евангеліе, подъ серебромъ вызолоченное; крестъ животворящій подъ серебромъ вызолоченный; образъ серебряный Архистратига Божія Михаила въ окладѣ, подъ серебромъ вызолоченный, жалованный въ прошлыхъ годахъ; иконостасовъ пять поясовъ съ вырѣзью подъ серебромъ, вызолоченныхъ, въ которыхъ были праотцы и апостолы и святители; колоколовъ два, первый вѣсу въ 69 п. 9 ф., второй въ 44 пуд. 24 ф., которые были жалованы блаженной и

вѣчной славы достойной памяти отъ Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны въ 1725 г. именнымъ указомъ; малыхъ колоколовъ 4, вѣсу во всѣхъ 26 п. 20 ф.; знаменъ и значковъ, кои положены были въ оной церкви для сбереженія, вѣтхихъ, отставныхъ и никуда не годныхъ 20". Въ октябрѣ 15 числа собрались казаки въ кругъ и стали писать въ Военную Коллегію въ Петербургъ отписку: „Божіею волею отъ случившагося при войскѣ Яицкомъ пожара, -- писали они,— городокъ весь и божія церковь [1]) сгорѣли" и перечисливъ все, что у нихъ сгорѣло, они въ концѣ добавили: „Оный пожаръ зачался ни отчего иного, какъ токмо отъ зажженія злодѣйскихъ людей, токмо отъ вышеписанныхъ базовъ, гдѣ загорѣлось, нашлись прежде зажженія, стоявшія въ тѣхъ базахъ двѣ женки, кои напредь сего въ неоднократныхъ подозрѣніяхъ и приводахъ бывали[2]) того ради выбравъ мы старшинскаго сына Максима Пономарева послали до государственной

---

[1]) Сгорѣло въ этомъ пожарѣ, кромѣ каменнаго Михайло-Архангельскаго собора, «съ двумя предѣлами» и остальныя всѣ бывшія въ городкѣ церкви: 1) Во имя Преображенія Господня «близъ того собора не подалеку» стоявшая, 2) церковь во имя Пресвятой Богородицы съ предѣломъ во имя св. Алексѣя митрополита (бывшая Кирсановская церковь), 3) во имя святыхъ Петра и Павла. Кромѣ того сгорѣло 2263 двора, казачьихъ ружей 709, сайдаковъ 70, копій 268, сабель 306, арчаковъ 652, растопилось пушекъ 7, да подъ чугунными и мѣдными пушками погорѣло станковъ съ колесами 17; „а что чего казачьей пожитки погорѣло того казаки показать и изобразить сами не въ состояніи, да и справиться никакъ невозможно". (Дѣло III р. № 89, стр. 105).

[2]) Одна изъ этихъ женокъ была легендарная Шилиха, отъ которой и получилъ этотъ пожаръ названіе Шилихина пожара.

Преданіе о Шилихѣ записано Желѣзновымъ (Уральцы, т. III, стр. 53).

военной коллегіи въ числѣ легкой станицы есауломъ... и велѣли ему явиться и отписки подать".

Плохо жилось казакамъ въ эту зиму, зимовали они въ землянкахъ да въ оставшихся у городского вала со степной стороны въ 550 уцѣлѣвшихъ домахъ Но на другой же годъ принялись съ новою энергіею отстраивать свой городокъ. Построили каменную войсковую избу, названную тогда уже войсковою канцеляріею, стали отстраивать Михайло-Архангельскій соборъ. Въ этомъ же году получили они радостный указъ отъ Государыни Елизаветы Петровны о дарованіи имъ учуговъ у Гурьева съ рыбною ловлею, питейнымъ и таможеннымъ сборомъ „во всегдашнее пользованіе". Собрался радостный войсковой кругъ у погорѣвшаго собора на широкую площадь. Выбиралъ кругъ 57 депутатовъ для заключенія и подписки контракта на право владѣнія пожалованнымъ учугомъ. И видѣла это старая казацкая площадь и стѣны величаваго собора, какъ въ этомъ кругу тихо и степенно расхаживали сказочные герои, орлики пріяицкіе „казаки-лыцари" три Ивана: Иванъ Шатало, Иванъ Пыжало и Иванъ Кладъ и ихъ славный сподвижникъ Петръ Бирючьихъ Лапъ[1]), изъ которыхъ первые два были выбраны въ депутаты, гдѣ и подписались въ контрактѣ.

---

[1]) Соч. I. Желѣзнова „Уральцы", т. III, стр 1. Подписи первыхъ двухъ имѣются на этомъ контрактѣ въ дѣлѣ В. Арх. III р № 4. Подписались сотниками: Иванъ Михайловъ сынъ Шатала и Иванъ Дмитріевъ сынъ Пыжало. Подпись Петра Бирючьихъ Лапъ имѣется въ дѣлѣ III раз., № 76, стр. 59.

II.

— „Вы вставайте-ка, ребятушки,
Пробуждайтесь, добры молодцы,
Добры молодцы—горынычи.
Неспокойно на Яикѣ здѣсь:
Помутился нашъ Яикушка
Отъ истоковъ до синя-моря,
До синяго, до Каспійскаго....
Взбунтовался нашъ казачій кругъ
Всѣ отъ стара и до малаго!...

(Изъ пѣсни Уральскихъ казаковъ).

Кое-какъ обстроили казаки свой городокъ; но не счастливый былъ для нихъ этотъ годъ. Пріѣхалъ къ нимъ по приказанію епископа казанскаго Луки протопопъ изъ Сызрани Петръ Степановъ, сталъ онъ службу служить въ кое-какъ обстроенномъ соборѣ, служитъ онъ ее не постарому, да и крестится-то онъ не какъ надобно, а молитвы поетъ по своему, по новому. Зароптали казаки въ соборѣ, разсердился протопопъ и „казака Куприна, не вѣдомо за что, прибилъ и обруднилъ (окровянилъ) до крови",—и вышла въ церкви „великая смута"... Дали ему казаки 140 рублей [1]) и уѣхалъ онъ изъ казачьяго городка.

Уѣхалъ. А на другой-же годъ пришла изъ Оренбурга команда солдатъ съ офицерами; стали они ловить всѣхъ старообрядческихъ поповъ и монаховъ, вязать ихъ и ссылать въ Оренбургъ. Волновались казаки въ

---

[1]) Войсков. Арх. III раз., № 89, лист. 659.

кругу, волновался и причтъ соборный. Уговаривалъ казаковъ соборный протопопъ Петръ Діонисьевъ и священникъ Артемьевъ стоять за старую вѣру и спасать и прятать „мучениковъ за Христа".

Поймали „солдаты и солдатскіе командиры" въ Яицкомъ городкѣ „лже-учителей, держателей, лже-старцевъ и лже-старицъ" 144 человѣка и повезли ихъ въ Оренбургъ, но многіе изъ нихъ „будучи еще на Яикѣ и здѣсь (въ Оренбургѣ) подъ карауломъ голодомъ себя уморили", остальныхъ-же „опредѣлили въ Оренбургѣ въ каторжныя работы [1]).

Въ 1755 г. опять пришли солдаты и по указу Оренбургскаго губернатора Неплюева и по распоряженію епископа казанскаго Луки схватили они на Яикѣ еще 165 человѣкъ „лже-старцевъ и лже-старицъ" и услали въ Оренбургъ „въ каторжныя работы". Арестовали они и священниковъ Михайло-Архангельскаго собора Діонисьева и Артемьева за то, что они „не желали служить по исправленнымъ при патріархѣ Никонѣ книгамъ и за раскольничьи суевѣрія", арестовали и повезли ихъ „на вѣчную ссылку въ Казанскій монастырь". А всѣ тѣ старшины, которые укрывали иноковъ „и ереси учителей по тамошней закоснѣлости ихъ и немощи и по глубокой старости" были „только оштрафованы лишеніемъ чиновъ ихъ и отставкою отъ службы, а рядовые казаки наказаны плетьми" [2]).

---

[1]) Войск. Арх. III разр., № 89, листъ 661.—Одно изъ сильныхъ гоненій на Яикѣ на старообрядцевъ.

[2]) Дѣло Войсков. Архива III раз., № 891, листы 663 и 330—351. Это были однѣ изъ причинъ постепеннаго озлобленія казаковъ, выразившагося потомъ въ вооруженномъ мятежѣ въ 1772 и 1774 г.г.

Но не стерпѣла казацкая душа обиды. Зашумѣли казацкіе круги одинъ за другимъ. Услышали они въ кругахъ и о новомъ приказѣ,—уничтожали у нихъ наемку, вводили взамѣнъ ея очередную службу. Вводили имъ въ первый разъ „штатъ"—ужасное для казаковъ слово!

И видѣли тогда соборныя стѣны и широкая площадь, какъ волновались и шумѣли казаки въ кругахъ, какъ уговаривалъ ихъ войсковой атаманъ Илья Меркульевъ. Какъ выбрали они изъ своей среды двѣ легкихъ станицы и послали одну изъ нихъ въ Петербургъ съ жалобою на Неплюева и на епископа Луку къ самой Государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ и въ военную коллегію, а другую въ Оренбургъ къ Неплюеву. Какъ писали они въ своихъ просьбахъ къ царицѣ заступиться за ея вѣрное Яицкое войско, не дать его въ обиду и велѣть ему жить по старому, какъ дѣды ихъ жили. „Если утвердятъ штатъ тотъ, то войску будетъ отягощеніе и разореніе... войско, по учиненіи штата, всѣхъ своихъ прежнихъ вольностей лишится"—писали они. Просили они царицу и военную коллегію отпустить имъ обратно на Яикъ священниковъ Діонисьева и Артемьева [1]). Просили они милости у царицы—отпустить взамѣнъ погорѣвшихъ колоколовъ новые колокола уже къ отстроенному собору.

Въ слѣдующемъ-же 1756 г. по повелѣнію Елизаветы, не смотря на всѣ протесты Неплюева и епископа Луки, приказано было немедленно возвратить войску изъ ссылки обоихъ священниковъ и „впредь посвящать въ

---

[1]) Дѣло Войсков. Архива III раз., № 89, листъ 581.

священно-служители избранныхъ обществомъ лицъ изъ казаковъ"; епископа Луку велѣно было перевести въ Бѣлогородскую епархію „въ предвареніе всеобщаго смятенія", какъ написано въ указѣ [1]). Неплюеву же военная коллегія приказала не вмѣшиваться во внутреннія дѣла войска и оставить казаковъ „служить по прежнему обыкновенію".

Отпущены были и колокола на Михайло-Архангельскій соборъ, которые и по нынѣ находятся на его колокольнѣ.

А круги все шумнѣй и шумнѣй. И видѣлъ соборъ, какъ раздѣлились казаки въ буйныхъ спорахъ на „старшинскихъ" и „несогласныхъ"; какъ требовали казаки съ войскового атамана Андрея Бородина и со старшинъ уплаты удерживаемаго съ нихъ жалованья, какъ требовали они отчетъ съ нихъ въ расходѣ казачьихъ денегъ; какъ посылались къ царицѣ Екатеринѣ одна станица за другой съ жалобами на атамана и старшинъ, о смѣнѣ и наказаніи ихъ, обвиняя ихъ въ насиліяхъ и поборахъ. Видѣлъ соборъ, какъ пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ Череповъ съ драгунами, какъ собралъ онъ казацкій кругъ, какъ кричалъ онъ на нихъ и топалъ ногами, какъ въ отвѣтъ на просьбы казаковъ смѣнить атамана и лихоимныхъ старшинъ, грянули залпомъ драгунскія ружья, какъ со стономъ упали убитые и раненые казаки, какъ застучали пули по каменнымъ стѣнамъ собора.

Но среди смуты получили священники радостную

---

[1]) Дѣло Войск. Арх. III разр., № 89, листы 663 и 330—351.

вѣсть:—приказано было имъ въ декабрѣ 1765 г. „изъ прибыльныхъ вѣсовыхъ и поведерныхъ денегъ“ выдавать жалованье и съ этихъ поръ стало войско платить священникамъ по 30, а пономарю 10 р. въ годъ.

Шли годъ за годомъ. И съ каждымъ годомъ на площади у собора все болѣе и болѣе волновались казацкіе круги. Все сумрачнѣе и озлобленнѣе были лица казаковъ.

Одна за другой приходили тревожныя вѣсти, волновали они тихій и мирный городокъ; то и дѣло сзывалъ набатный колоколъ собора казаковъ бородачей думать тяжелыя думы. Получился въ 1769 г. снова приказъ служить по очереди—отмѣняютъ наемку. Опять вводятъ штатъ.

— „Не бывало того при нашихъ дѣдахъ и отцахъ, не бывать и у насъ!!“—шумятъ казаки, и шлютъ въ Петербургъ одну станицу за другою съ просьбой объ отмѣнѣ службы по очереди. Но не успѣли казаки и оглянуться, какъ пришла другая бѣда. Пришелъ указъ отъ государыни, чтобы послали казаки немедленно въ составъ „Московскаго легіона“ 334 человѣка и чтобы были при нихъ трубачъ и цирульникъ. Какъ громъ поразило казаковъ это извѣстіе. И слышалъ соборъ, какъ кричали, волновались тогда казаки. Страшныя, неслыханныя еще ими слова „цирульникъ“, „легіонъ“, „трубачъ“, то и дѣло раздавались въ кругу „Не желамъ, погрѣшно!!“ кричатъ казаки,—„мы не донцы, чтобы намъ бороды скоблили!!—и не хотятъ казаки итти въ легіонъ, не хотятъ допустить себя до позора:—„лишиться отечества“.

— „Не можно сему быть—пишутъ они отписку:— „понеже войску Яицкому даровано отъ царя Михаила Ѳеодоровича право служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ невредиму стоять“. И понеслась легкая станица въ Петербургъ, ѣдутъ при ней два сотника и 10 казаковъ просить объ отмѣнѣ и очереди и службы въ легіонѣ.

А казаковъ хватаютъ, порятъ плетьми, держатъ подъ карауломъ. Идетъ въ войскѣ смута... „такъ какъ въ нарядъ легіонной команды нѣсколько человѣкъ замучили до смерти не упоминая того, что до четырехъ сотъ человѣкъ довольное время подъ карауломъ содержались, чрезъ что жены ихъ и дѣти лишились всякаго пропитанія и принуждены были скитаться по міру“ [1]).

Пришелъ приказъ о нарядѣ полка въ Кизляръ, но казаки не идутъ на службу по очереди, не хотятъ они примириться со штатомъ. Два канонира Иванъ Головановъ и Никифоръ Фофановъ пришли къ войсковому атаману и объявили, „что имъ отцы и матери идти въ походъ благословенія не даютъ, потому, что пушки и лафеты и картечи съ зарядами по новому штату поделаны“... За что они „хотя плетьми и сѣчены, однако-же скованы и подъ караулъ посажены“..

Идетъ смута въ войскѣ; шумятъ казаки.

Былъ нѣмымъ свидѣтелемъ соборъ и того тяжелаго времени, когда пріѣхалъ въ городокъ генералъ Траубенбергъ съ капитаномъ Дурново для разбора казачьихъ жалобъ. Видѣлъ онъ, какъ тогда суровые, возмущенные казаки искали у него правды, какъ входили къ

---

[1]) Челобитная войска Екатеринѣ II 15 января 1772 г.

нему на допросы, какъ въ кругу раздавался тихій, сдержанный ропотъ тысячи озлобленныхъ людей, какъ готовились кровавыя событія.

Между тѣмъ 9 января 1772 г. возвратился изъ Петербурга со станицею сотникъ Кирпичниковъ и въ собравшемся по звону набата казачьемъ кругу объявилъ казакамъ копію указа Военной Коллегіи, еще отъ 1765 г., но не объявленнаго до сихъ поръ казакамъ. Въ указѣ говорилось, что атаманъ и старшины отрѣшались отъ должностей и подвергались штрафу за беззаконныя дѣйствія противъ казаковъ. Зашумѣли казаки. Послали они депутацію къ Дурново и Траубенбергу и просили прочитать подлинный указъ, но имъ приказали разойтись.

Настало зловѣщее утро 13 января 1772 г. Заунывно загудѣлъ набатный колоколъ. Тысячныя толпы казаковъ медленно, молча сходились къ Михайло-Архангельскому собору и, отслуживши въ храмѣ молебенъ „о дарованіи побѣды и одолѣнія надъ врагомъ“, предшествуемые образами и церковными хоругвями, толпы эти во главѣ съ причтомъ и священникомъ собора Михаиломъ Васильевымъ, молча двинулись къ войсковой канцеляріи. Не доходя до канцеляріи, казаки остановились, и послали къ Траубенбергу священника Васильева и двухъ казаковъ[1]) послѣдній разъ просить его исполнить указъ государыни и смѣстить ненавистныхъ имъ атамана и старшинъ и выдать имъ удержанное атаманомъ жалованье.

[1]) Одинъ изъ нихъ Шигаевъ былъ потомъ однимъ изъ сподвижниковъ Пугачева.

Но Траубенбергъ приказалъ разойтись. „Не разойдетесь, буду по войску изъ пушекъ палить!“ сказалъ онъ депутатамъ.

И слышалъ соборъ, какъ любимый казацкій старшина Мартемьянъ Бородинъ, „видя, что изъ того произойдетъ напрасное и неповинное кровопролитіе, усердно его, генералъ-маіора, просилъ, чтобъ онъ отъ той стрѣльбы удержался, троекратно просилъ, и въ ноги ему, генералу, неоднократно кланялся, однако онъ, генералъ-маіоръ, не послушалъ“ [1]).

И грянули пушки... Свистнула картечь, ударила она по каменнымъ стѣнамъ собора, пали на землю обрызганныя кровью святыя иконы, упали церковныя хоругви и прикрыли собой трепещущія тѣла убитыхъ и раненыхъ братьевъ.

— „На зачиняющаго Богъ!“ закричалъ сотникъ Краденовъ и, какъ одинъ, молча, стихійно бросились казаки на пушки Началась кровавая братоубійственная рѣзня [2]). И были стѣны собора нѣмыми свидѣтелями этой ужасной рѣзни, видѣли онѣ, какъ раздалась ружейная пальба, какъ была перебита регулярная команда, какъ ворвались озлобленные и освирѣпѣвшіе казаки въ Войсковую Канцелярію, какъ изрубили они саблями Траубенберга, тяжело ранили капитана Дурново,

---

[1]) Показанія старшины Мартемьяна Бородина 18 января 1772 г.

[2]) І. Желѣзновъ въ своихъ запискахъ по этому поводу замѣчаетъ: „отъ Черепова казаки не хотѣли слушать грамоту, а отъ Дурново и Траубенберга хотѣли, да имъ не читали; - г. Череповъ угостилъ казаковъ только пулями и казаки пули выдержали, а г. Траубенбергъ и г. Дурново огорошили казаковъ уже картечью и казаки картечи не выдержали...“ (Дѣло Войск. Архива III разр., № 86, листъ 80).

убили ненавистныхъ старшинъ, какъ раненаго атамана Тамбовцева выволокли за волосы на крыльцо и умертвили.... Около двухсотъ человѣкъ съ обѣихъ сторонъ пало въ этой бойнѣ. Цѣлый день озлобленные казаки искали въ городкѣ ненавистныхъ имъ казаковъ и старшинъ. Собравшись въ кругъ, они били ихъ на смерть, убили дьяка Суетина, писаря и другихъ казаковъ.

Каждый день звучалъ колоколъ, каждый день собирались казаки, готовились новыя кровавыя событія, свидѣтелями которыхъ былъ этотъ величавый, старинный соборъ.

Прошло два дня, страсти утихли. Казаки очнулись. Въ собравшемся у собора кругѣ они стали писать о случившемся въ Петербургъ и въ Оренбургъ къ губернатору Рейнсдорпу. Изложивъ въ своей челобитной Екатеринѣ II всѣ свои жалобы на притѣсненія атамана и старшинъ, не исполнившихъ указа военной коллегіи, и обвинивъ въ происшедшихъ событіяхъ 13 января во всемъ генерала Траубенберга, заключили свое челобитье слѣдующимъ: „въ чемъ припадая ко священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и предаемся въ Высочайшую Вашу монаршую власть и благоволеніе; а теперь все войско Яицкое пришло въ тишину и спокойствіе и всегда въ повелѣніяхъ Вашего Императорскаго Величества находимся; и служить до послѣдней капли крови обязуемся такъ, какъ отцы наши и дѣды, не щадя животъ своего, вѣрно и безпорочно служили, а болѣе сіе предается въ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе“. Челобитную подписали 23 человѣка.

III.

„Подымалася погодушка
Полуденная
Заносила погодушка
Всѣ пути дороженьки,
Всѣ пути широкіе"...

(Изъ пѣсни Уральскихъ казаковъ).

(Мякушинъ, сбор. пѣсенъ Ур. каз.)

Шли дни, недѣли. Пришла весна. Но не затихли еще буйные крики въ казачьихъ кругахъ. Часто одинъ за другимъ собирались они по звону колокола. Выбирались и смѣнялись одни старшины за другими. Наступилъ май, а отвѣта изъ Петербурга не было.

Но вотъ въ концѣ мая проскакалъ по главной проѣзжей улицѣ городка на взмыленномъ конѣ илецкій казакъ Никита Ерзиковъ; остановилъ онъ лошадь у войсковой канцеляріи и доложилъ бывшимъ тамъ старшинамъ, что получена недобрая вѣсть: посланъ изъ Оренбурга въ Яицкій городокъ генералъ Фрейманъ съ большимъ отрядомъ и что онъ приближается къ илецкимъ форпостамъ. Зазвонилъ набатный колоколъ. Собрались казаки. Невеселыя вѣсти. Рѣшили казаки не пускать генерала въ городъ и просить помощи у киргизскаго хана Нурали. Прошло еще нѣсколько дней. Ждутъ казаки отвѣта изъ Петербурга, а его все нѣтъ и нѣтъ. Но вотъ войсковая канцелярія получила рапортъ отъ есаула Гавріила Сергѣева, находившагося на

Иртецкомъ форпостѣ; пишетъ онъ, что Фрейманъ уже переправляется черезъ р. Иртекъ и намѣренъ слѣдовать дальше къ городку. Опять ударилъ набатный колоколъ. Собрались казаки въ кругъ. И видѣлъ старый соборъ, какъ буйно шумѣли тогда казаки, какъ тысячныя толпы ихъ требовали вести ихъ на встрѣчу къ Фрейману. „Не пустимъ его въ городокъ, пока не получимъ отъ государыни отвѣта!", кричали одни. „Бѣжимъ лучше на Сыръ-Дарью!", кричали другіе. „Въ Астрабадъ, къ казылбашамъ (къ персамъ)!" разносятся крики въ кругу. „Въ Астрабадъ лучше!" кричатъ казаки изъ казылбашъ. Шумитъ кругъ. Не слышно зова старшинъ. Входятъ въ середину круга „старики-старожилые"—„Атаманы молодцы! что намъ бѣжать? говорятъ они: бѣжать мы всегда успѣемъ, поѣдемъ лучше къ генералу на встрѣчу, можетъ быть, и бѣжать не придется". И слышали стѣны собора, какъ раздались дикіе клики изъ тысячи грудей: „Любо! Любо! атаманы молодцы!".

И какъ пчелы въ ульѣ, зашумѣли казаки—„Въ походъ! Въ походъ!!". Рѣшили они оставить въ городкѣ изъ десяти человѣкъ двухъ. Выбрали они атамана и повѣреннаго отъ войска Василія Трифонова, двухъ полковниковъ Ульянова и Пономарева.

Утромъ рано 1 іюня, отслуживши молебенъ въ Михайло-Архангельскомъ соборѣ „о покореніи и преодолѣніи враговъ", распустивъ свои „хорунки", двинулись казаки за городъ. Ѣдетъ впереди ихъ атаманъ и повѣренный Трифоновъ. Сотня за сотней проходятъ въ городскія ворота, проходитъ тысяча, другая, третья, проходитъ калмыковъ три сотни. Ѣдутъ и легкія мѣд-

ныя пушки. Звенятъ онѣ и гремятъ сзади отряда, ѣдутъ съ ними канониры Максимъ Лелековъ, Никифоръ Фофановъ и Иванъ Головановъ. Ведетъ пушки сотникъ Петръ Краденовъ. Ѣдутъ казаки къ Генварцеву, къ рѣчкѣ Эмбулатовкѣ встрѣчать регулярный отрядъ. Слышали они отъ развѣдчиковъ, что въ отрядѣ у Фреймана двѣ тысячи солдатъ, полкъ оренбургскихъ казаковъ да ставропольскихъ калмыкъ шесть сотенъ.

Ушли казаки. Опустѣлъ городокъ. Остались одни только жены да дѣти, да горсть казаковъ во главѣ съ Сенгилевцевымъ Ждутъ изъ отряда вѣстей. Прошелъ день, наступила ночь.

Проходитъ новый томительный день, а изъ войска не слышно вѣстей. Наступилъ третій день—день Святой Троицы. Раздался по всѣмъ церквамъ городка колокольный звонъ. Сзываетъ онъ казаковъ на святую молитву. И идутъ, собираются къ церквамъ осиротѣлыя жены и дѣти. Сотнями сходятся они въ Михайло-Архангельскій соборъ, падаютъ ницъ на его холодный полъ и шлютъ молитвы за милыхъ сердцу мужей и братьевъ. Молятся, а тамъ у Ембулатовки кипитъ бой, льется кровь, грохочатъ пушки.

Наступилъ вечеръ, а вѣстей изъ войска все нѣтъ и нѣтъ.

Наступило утро 4-го іюня. Съ ранняго утра стоятъ столпившись на валу у городскихъ башень казаки. Смотрятъ они въ степь, ждутъ вѣстей изъ отряда. Вотъ вдали по Оренбургской дорогѣ показалась пыль. Скачетъ казачья станица. Вотъ ближе и ближе подвигаются всадники къ валу. Машутъ они руками, что то радостно кричатъ и мчатся во весь опоръ. И видятъ казаки съ

вала, какъ въ серединѣ у нихъ ѣдутъ на коняхъ незнакомые люди — это плѣнные оренбургскіе казаки.

Въѣхала станица въ городъ, ведутъ казаки плѣнныхъ, сыпятся къ пріѣхавшимъ вопросы. „Всѣ цѣлы, всѣ живы, цѣлый день бились“, на ходу отвѣчали говцы. Остановились у войсковой канцеляріи казаки, отдали они Сенгилевцеву пакетъ. Толпятся у собора жены и дѣти. Гудитъ набатный колоколъ. Высыпалъ весь городокъ, всѣ собрались къ собору. Всталъ войсковой писарь въ кругъ. „Послушайте, атаманы-молодцы! говоритъ онъ: „полученъ рапортъ отъ войска“. Замеръ кругъ. И слышали стѣны собора, какъ развернувъ полученную бумагу, войсковой писарь сталъ громко читать кругу:

— „Войска Яицкаго, въ войсковую канцелярію, отъ войскового повѣреннаго и походнаго атамана Трифонова съ старшинами рапортъ. Вчерашняго числа, т. е. на святую живоначальную Троицу, на восходѣ солнца, получено нами извѣстіе, яко генералъ Фрейманъ съ войсками приближается къ рѣчкѣ Ямбулатовкѣ, почему я съ командою и вступилъ за оную рѣчку для встрѣчи, а потому какъ верстахъ въ трехъ или четырехъ поверстались, стала быть переговорка, чрезъ что мы, какъ прежде письменно, такъ при томъ и словесно, требовали почему и зачѣмъ онъ къ намъ слѣдуетъ, если-же у него отъ Высочайшей власти повелѣнія нѣту, чтобъ онъ назадъ возвратился, но генералъ Фрейманъ, не принимая ничего въ резонъ, съ самаго завтрака и началъ по насъ изъ пушекъ стрѣлять и такое страшное во весь тотъ день съ обоихъ сторонъ сраженіе и изъ пушекъ

стрѣляніе, даже до захожденія солнца, происходило, однако его до рѣчки Ямбулатовки не допустили, съ нашей же стороны урону, кромѣ двухъ казаковъ, легкими ранами раненыхъ, и двухъ лошадей убитыхъ болѣе не стоитъ, а нынѣ паки къ нему, генералу, дабы возвратился назадъ, все войско подступило и что произойдетъ денесено будетъ. Съ ихъ-же стороны всего побитыхъ десятковъ до трехъ, въ полонъ взятыхъ восемь оренбургскихъ казаковъ, которые для подлежащаго отосланы къ вамъ въ войско. Чего для и паки просимъ пожаловать священникамъ побить челомъ, дабы оные за православный народъ всѣ сіи дни помолебствовали, чтобъ Господь намъ помогъ одолѣть противника нашего, о чемъ войсковую канцелярію за извѣстіе симъ рапортуемъ. Іюня 4 дня 1772 г., войсковой повѣренный Василій Трифоновъ, по приказу его подписалъ писарь Иванъ Герасимовъ, походный атаманъ Иванъ Ульяновъ, по приказу его подписалъ походный писарь Иванъ Раскащиковъ"[1]).

Загудѣлъ кругъ. Зазвонили колокола въ церквахъ, зовутъ они казаковъ на молитву. Служатъ священники обѣдни, служатъ они молебны „на одолѣніе и побѣду на враговъ".

А тамъ, у Эмбулатовки, снова бой, снова гремятъ пушки, льется кровь. Скачутъ туда на помощь казаки изъ нижнихъ форпостовъ, везутъ съ собою запасныя пушки, порохъ и ядра.

---

[1]) Этотъ оригинальный рапортъ въ копіи находится въ дѣлѣ войск. архива III разр., № 85, списокъ № 72; подлинное-же въ Петербургѣ въ дѣлахъ архива Аудиторіи экспедиціи, связка 492, стр. 39. Копія снята І. Желѣзновымъ.

И слышали стѣны собора горячія молитвы оставшихся женъ и матерей. И видѣли эти стѣны, какъ, осѣняя свои широкія груди двуперстнымъ крестомъ, падали ницъ бородатые казаки на его холодный полъ. Наступило 5-е іюля. Ярко освѣщало солнце безмолвную знойную степь. Видятъ казаки съ башень—стелется по Оренбургской дорогѣ и клубами разносится вѣтромъ сѣрая пыль. Пыль все ближе и ближе. Видно, какъ среди пыли блестятъ казацкія копья, развѣваются „хорунки“. Но вотъ передовые казаки помчались карьеромъ, несутся они къ войсковой канцеляріи, бьютъ они въ колокольнѣ Михайло-Архангельскаго собора „сполохъ“. Гудитъ колоколъ. Скачутъ къ собору сотня за сотней, гремитъ артеллерія. Шумъ, крики. Сбѣгаются къ казакамъ ихъ жены и матери.

И видѣли старыя стѣны собора, какъ въ этомъ послѣднемъ вольномъ казацкомъ кругу раздавались грозные крики: „Не сдадимъ городка! умремъ!“—кричали одни. „Бѣжимъ лучше, братцы!“—кричали другіе.

И видѣли стѣны собора, видѣла старинная широкая площадь, какъ въ этомъ послѣднемъ казацкомъ кругу у собора запыленные и усталые старшины успокаивали казаковъ, какъ входили они въ кругъ, снимали шапки и, поклонившись народу, держали ему рѣчи.

— „Послушайте атаманы-молодцы!“—говорили они —„пощады намъ отъ Фреймана ждать нечего! Сами слышали отъ плѣнныхъ, что хочетъ онъ въ нашъ городокъ изъ пушекъ палить, хочетъ онъ бомбами весь городокъ разнести, испепелить! Бѣжимъ лучше, атаманы-молодцы, въ Золотую Мечеть (въ Хиву) или въ Астра-

бадъ къ казылбашамъ (персамъ). Вожей (проводниковъ) туда у насъ много: не мало среди насъ казаковъ-казылбашъ; они всѣ дороги туда знаютъ!“.

— „Любо! Любо!“ —шумитъ кругъ.

И былъ старый соборъ нѣмымъ свидѣтелемъ того, какъ засуетились казаки, какъ стали вывозить они своихъ женъ и дѣтей къ Яику, какъ усаживали они въ ихъ легкія будары и сплавляли внизъ по рѣкѣ. Слышалъ онъ и скрипъ тысячи телѣгъ, нагруженныхъ имуществомъ, и ржавіе лошадей, уходившихъ за Чаганъ. Прошло два дня и, казалось, навсегда покинули старый соборъ его вѣрные дѣти. Сиротливо стоялъ онъ среди опустѣвшей площади и безлюднаго городка. Лишь кое-гдѣ по улицамъ бродили голодныя собаки, да забытый въ попыхахъ скотъ. Тихо и мертво было въ городкѣ.

Но вотъ рано утромъ 7-го іюля въѣхали черезъ городскія ворота калмыцкіе разъѣзды. Движутся они осторожно по улицамъ, глядя по сторонамъ, но всюду мертво и тихо. Входятъ слѣдомъ за ними въ городъ оренбургскіе казаки, идетъ пѣхота, гремитъ артиллерія. И видѣли стѣны собора, какъ часть войска заняла площадь у собора, войсковую канцелярію и сосѣднія казачьи дома, какъ остальныя войска ушли за городской валъ и встали въ степи на бивакѣ, какъ были поставлены повсюду пикеты и караулы, какъ послали за бѣжавшими казаками оренбуржцевъ и калмыкъ уговаривать бѣглецовъ вернуться обратно.

И видѣлъ соборъ, какъ три дня подрядъ собирались его вѣрныя дѣти, какъ шли казаки угрюмые и запыленные толпами изъ за-Чагана со своими женами и дѣтьми

обратно въ свои дома и курени. Какъ переправлялись они изъ-за Яика со своимъ скотомъ и съ табунами. Какъ черезъ три дня объявилъ имъ Фрейманъ, чтобъ набата больше не бить, что круги у нихъ уничтожаются, что не будетъ больше войсковой канцеляріи, а будетъ комендантская канцелярія. Не будетъ больше атамановъ, а управлять будутъ коменданты. И совершилось!... Не стало на Руси послѣдняго вольнаго города, замолкло послѣднее русское вѣче!

И видѣли стѣны собора, какъ хватали зачинщиковъ мятежа, ковали ихъ въ цѣпи и отсылали въ Оренбургъ на судъ [1]. Угрюмые, съ затаенною черною думою, ходили казаки по городку. Не стало у нихъ атамана, не стало старшинъ-совѣтниковъ. Запрещено было собираться въ

[1]) Вотъ списокъ отправленныхъ Фрейманомъ въ Оренбургъ главныхъ виновниковъ: сотники: Иванъ Кирпишниковъ, Иванъ Сѣтчиковъ, Петръ Краденовъ, Семенъ Артикѣевъ, Федотъ Марковцевъ, Андрей Азовсковъ, Максимъ Изюмниковъ, Даніилъ Абрамовъ, Логинъ Шапошниковъ, Иванъ Портновъ, Василій Гороховъ, Иванъ Герасимовъ, Тимофей Севрюгинъ, Михаилъ Чеботаревъ, десятники: Иванъ Кузнецовъ Ермолай Ходинъ, Ильмасъ Кизикѣевъ, Федоръ Свіягинъ; казаки: Петръ Герасимовъ, Савелій Ѳоминичихинъ, Яковъ Ходинъ, Григорій Силкинъ, Козьма Носовъ, Максимъ Выровщиковъ, Емельянъ Чимевъ, Алексѣй Ларшинъ, Иванъ Горячкинъ, Степанъ Толкачевъ, Андрей Портновъ, Федоръ Логиновъ, Василій Трифоновъ, Степанъ Павлонъ, Семенъ Матросовъ, Иванъ Голованов, Никифоръ Фофановъ, Степанъ Рѣчкинъ, Григорій Алферовъ, Матвѣй Гордѣевъ, Степанъ Кошечкинъ, Петръ Погодаевъ, Козьма Храмовъ, Григорій Плотниковъ, Тимофей Любавинъ, Андрей Легошинъ. (Дѣло войск. арх. III разр., № 37, стр. 29—31).

Это были первые казаки, отправленные для слѣдствія въ Оренбургъ, но число арестованныхъ казаковъ все увеличивалось и дошло наконецъ до того, что въ тюрьмахъ оренбургскихъ не доставало мѣста, почему ихъ вынуждены были разсадить по лавкамъ гостиннаго и мѣнового дворовъ. Слѣдствіе производилъ полковникъ Нероновъ. Казаковъ допрашивали „съ пристрастіемъ", палачи уставали работать.

Пушкинъ „Исторія Пугачевскаго бунта".

круги, чтобы посовѣтоваться о дѣлахъ. Сталъ съ августа управлять ими комендантъ полковникъ Симоновъ. Далъ ему въ помощники Фрейманъ двухъ старшинъ изъ казаковъ: Мартемьяна Бородина и Мостовщикова, оставилъ онъ ему двѣ легкихъ пѣшихъ команды, а самъ уѣхалъ съ войсками въ Оренбургъ.

Тяжело казакамъ, собрались они за городомъ въ кругъ и послали государынѣ Екатеринѣ съ легкой станицей челобитную: „вмѣсто атамана—писали они—нами командуетъ изъ регулярныхъ полковникъ Симоновъ; а прежніе наши обряды вовсе опровержены и открылся штатъ, который видно требованъ бывшими нашими начальниками и ихъ согласными; а мы того штата не желаемъ“...

Между тѣмъ слѣдствіе въ Оренбургѣ шло своимъ чередомъ. И видѣли стѣны собора, какъ ежедневно хватали все новыхъ и новыхъ казаковъ, приводили ихъ къ комендантской канцеляріи и отправляли въ Оренбургъ. Много казаковъ стало разбѣгаться по уметамъ и хуторамъ „для того, что по убитію, де, генерала съ командою, разложена на войско сумма денегъ за пограбленное у генерала и прочихъ имѣніе, и велѣно собрать съ кого сорокъ, съ кого тридцать, а съ нѣкоторыхъ по 50 рублей. А какъ такой суммы заплатить нечѣмъ, то войсковая команда строго взыскиваетъ, и такъ, де, многіе отъ того разбѣжались; а съ женъ, де, нашихъ взять нечего; что хотятъ, то и дѣлаютъ съ ними. А заступить, де, за насъ некому; а сотниковъ, де, нашихъ, которые было вступились за войско, били кнутомъ и послали въ ссылку. И такъ, де, мы въ

конецъ разорились и разоряемся. И черезъ это, де, мы всѣ погибаемъ, да и намѣрены, по причинѣ той обиды, разбѣжаться всѣ; да мы, де, прежде хотѣли бѣжать въ Золотую Мечеть"...[1])

Но вотъ наступилъ 1773 годъ. Настало лѣто, знойные іюльскіе дни. Медленно черезъ городскіе ворота въѣзжали въ городокъ сотни запыленныхъ телѣгъ и везли преступниковъ. Повсюду по бокамъ шли солдаты и солнце играло на ихъ острыхъ трехгранныхъ штыкахъ и жгло своими лучами сѣрыхъ, покрытыхъ пылью и закованныхъ въ цѣпи колодниковъ. Это везли казаковъ изъ Оренбурга для казни въ Яицкій городокъ.

Двигаются эти телѣги въ городкѣ среди тысячной толпы горожанъ, стонутъ и тяжко рыдаютъ казацкія жены и матери, глядя на своихъ измученныхъ и закованныхъ въ цѣпи мужей и дѣтей.

И видѣлъ старый соборъ, какъ проѣзжали мимо него эти телѣги, какъ поровнявшись съ нимъ снимали колодники свои шапки и, осѣняя широкія груди крестомъ, тихо шептали молитвы. Видѣлъ старый соборъ, какъ остановились они у комендантской канцеляріи; какъ запрудили телѣги всю площадь; какъ сотни колодниковъ разсадили по ближайшимъ домамъ, какъ раздавались на площади стоны и рыданія женщинъ.

Видѣлъ соборъ, какъ на другой день повели этихъ казаковъ тысячною толпою на казнь на площадь у Петропавловской церкви.

---

[1]) Жалобы яицкихъ казаковъ Пугачеву, изъ допроса Пугачева. Чт. Имп. Общ. Ист. и древности 1858 г., книга 2, стр. 12.

Ужасныя были эти казни. „Около 130 человѣкъ были умерщвлены посреди всевозможныхъ мученій: иныхъ, пишетъ Рябининъ, растыкали по кольямъ, другихъ повѣсили ребромъ за крючья, нѣкоторыхъ четвертовали. Около 140 человѣкъ сослано въ Сибирь; другіе отданы въ солдаты (всѣ потомъ бѣжали)“; остальные были прощены и приведены ко вторичной присягѣ.

IV.

.... „Что убили во полку у насъ хорунжаго....
Что ни лучша изъ насъ перва воина
Что Иванушка Семеныча Барханскова [1]....
.... Онъ вскричалъ, взгаркнулъ громкимъ голосомъ:....
— „Ужъ ты, гой еси, мой племянничекъ
Что Степанушка сынъ Михайловичъ! [2]
Подбѣги ко мнѣ ты скорехонько!
Поддержи, подыми знамя царское
Знамя царское все Алтынское [3]
Не допусти ты знамя до сырой земли!
Сбереги, соблюди знамя царское
Знамя царское все Алтынское!"
И онъ палъ-то къ коню на черну гриву,
Со черной гривы на сыру землю".

(Изъ пѣсни Урал. казаковъ).

Мякушинъ. Сбор. пѣсенъ Урал. казаковъ.

Все, казалось, было тихо въ Яицкомъ городѣ, но подъ наружной покорностью въ душѣ казаковъ таились злоба и отчаяніе. Упраздненіе круговъ, лишеніе права выбирать атамановъ, назначеніе командиромъ чуждаго для нихъ человѣка, безконечные тяжелые поборы въ возмѣщеніе разграбленнаго имущества Траубенберга, Суетина и другихъ, гоненія за старую вѣру, свирѣпые палачи, тюрьмы, гдѣ томились доселѣ свободные казаки, кнутъ, позорныя клейма, страшныя пытки, эшафотъ, „глаголи", висѣлицы и горькія неуда-

[1]) Знаменщикъ у Пугачева.
[2]) Казакъ Горбачевъ.
[3]) Голштинское знамя, бывшее у Пугачева.

чи глубоко засѣли въ казацкихъ головахъ и не давали покоя ихъ озлобленному сердцу. Толпами собирались они по дальнимъ хуторамъ и уметамъ. Тамъ среди нихъ являлись незнакомые имъ люди и уговаривали ихъ бѣжать въ турецкія области. Невѣдомый ими ранѣе человѣкъ еще осенью 1772 г. обѣщалъ имъ по 12 р. жалованья каждому, если они бѣжатъ „на рѣку Лобу къ турецкому султану". Это былъ „раскольникъ Емельянъ Пугачевъ".

Радостью свѣтились лица пріѣзжавшихъ оттуда казаковъ. У нихъ рождалась надежда выйти изъ того угнетеннаго и безвыходнаго положенія, въ которомъ они находились. „То-ли еще будетъ! Такъ-ли мы тряхнемъ Москвою!" говорили тогда казаки.

Насталъ августъ 1773 года. Вблизи собора по куренямъ, среди казачьихъ хатъ, появились пріѣхавшіе съ умета казака Кожевникова два казака: Зарубинъ (онъ-же Чика) и Мясниковъ. Ходили они изъ дома въ домъ и тихо тихо что то говорили съ казаками.

На другой-же день стало извѣстно въ городкѣ, что явился на Яикъ государь Петръ III-й, что онъ не умеръ... Онъ пріѣхалъ на Яикъ звать вѣрное яицкое войско на свою государеву службу, хочетъ идти на вѣроломныхъ бояръ, которые лишили его престола, хочетъ онъ заступиться за угнетенный народъ, хочетъ дать онъ казакамъ ихъ старыя вольности, пожаловать ихъ „крестомъ и бородою".

Дошелъ слухъ и до коменданта Симонова. Полетѣли на уметъ посланные имъ казаки и привели Кожевникова. Но ни Чики, ни Мясникова, ни назвавша-

гося Петромъ Третьимъ человѣка не нашли,—они скрылись.

Засуетились въ комендантской канцеляріи. Высыпали солдаты съ лопатами и стали окапывать рвомъ и валомъ старую казацкую площадь. Окружили они рвомъ старый Михайло-Архангельскій соборъ съ его колокольней, комендантскую канцелярію, пороховой выходъ и сдѣлали крѣпостцу—„кремль“ [1]). Вслѣдъ-же за этимъ скоро пріѣхалъ изъ Оренбурга инженеръ, но укрѣпить кремля не могъ, „а мѣсто, гдѣ нынѣ находится ретраншаментъ, построенный г. полковникомъ Симоновымъ,—писалъ онъ въ Оренбургъ,—занять фортификаціей способа не нахожу по причинѣ узкаго мѣста“.

Кожевниковъ при допросѣ „съ пристрастіемъ“ сталъ выдавать казаковъ, причастныхъ къ дѣлу. И видѣлъ старый соборъ, какъ одинъ за другимъ приводились въ кремль связанные казаки, какъ допрашивали этихъ казаковъ.

---

[1]) Кремль до этого времени нигдѣ въ офиціальныхъ бумагахъ не упоминается. Въ кремлѣ, какъ видно изъ плана того времени, находились соборъ съ колокольнею; въ 7 саженяхъ отъ него, на югъ, комендантская канцелярія, въ 20 саженяхъ отъ канцеляріи пороховой погребъ, а между ними и западнѣе ихъ арестный домъ и кладовая. Валъ, вырытый въ началѣ пугачевскаго бунта, шелъ (приблизительно), начиная отъ старицы, сѣвернѣе собора на 10 саженъ и поворачивалъ на югъ тамъ, гдѣ теперь Большая улица (по восточной ея сторонѣ), и огибалъ пороховой погребъ съ юга саженяхъ въ 5 отъ него. На востокъ отъ собора оставалось свободнаго мѣста около 33 саженъ, гдѣ по восточной сторонѣ площади, вдоль старицы, тоже былъ валъ, который соединялся съ вышеуказаннымъ валомъ. Нынѣ на востокъ отъ собора до старицы не болѣе 5 саженъ—это объясняется тѣмъ, что въ позднѣйшіе года берегъ старицы ежегодно въ весеннее половодье подмывался вплоть до 1820-хъ годовъ.

Но вотъ настало 18 сентября. Услыхали въ городкѣ казаки, что Петръ III появился уже вблизи Чагана и стоитъ тамъ съ вѣрными ему казаками близко, отъ моста въ трехъ верстахъ. Пріѣхавшіе оттуда говорили взволнованному народу о его одеждѣ, о его видѣ, раздавали народу его манифесты. А тамъ за рѣкою Чаганомъ, одѣтый въ парчевый обшитый позументомъ кафтанъ, въ полосатыхъ канаватныхъ шароварахъ, запущенныхъ въ козловые, съ желтою оторочкою сапоги, въ куньей папахѣ съ бархатнымъ малиновымъ верхомъ съ золотой кистью [1]), на бѣлой красивой лошади, гарцовалъ среди собравшихся къ нему казаковъ широкоплечій, мужественный, со смѣлымъ взглядомъ человѣкъ, назвавшій себя Петромъ III,—виновникъ будущихъ кровавыхъ событій, Емельянъ Пугачевъ. Блестѣло серебромъ и сердоликами его киргизское сѣдло и конская сбруя... Вокругъ развѣвались „хорунки“ и среди нихъ настоящее царское „голштинское Дельвичева драгунскаго полка знамя“ [2]).

Въ городѣ все пришло въ смятеніе. По хатамъ тайно читали его манифестъ: „Сей именной указъ Яицкому войску — говорилось въ манифестѣ — старшинѣ Мартемьяну Бородину и всѣмъ старшинамъ и казакамъ и всякаго званія людямъ именное мое повелѣніе, какъ дѣды и отцы ваши служили мнѣ, великому Государю, вѣрно и неизмѣнно до капли своей крови; второе — когда вы исполните именное мое повелѣніе и за то будете жалованы крестомъ и бородою, рѣкой и землею, травами

---

[1]) Желѣзновъ, Уральцы, томъ 3, стр. 175.

[2]) Исторія до сихъ поръ не выяснила, какими судьбами попало къ самозванцу это загадочное знамя.

и морями, денежнымъ жалованьемъ и хлѣбнымъ провіантомъ, и свинцомъ, и порохомъ, и вѣчною вольностью!" [1]).

Читали казаки манифестъ и одинъ за однимъ уходили за Чаганъ на встрѣчу „государю".

И видѣлъ старый соборъ, какъ посланы были полковникомъ Симоновымъ пятьсотъ яицкихъ и оренбургскихъ казаковъ, какъ вышли изъ кремля вслѣдъ за ними три роты пѣхоты съ двумя пушками подъ командой маіора Наумова; какъ поѣхалъ капитанъ Крыловъ съ двумя сотнями яицкихъ казаковъ впередъ; какъ вернулся этотъ отрядъ обратно, но въ немъ не было тѣхъ двухъ сотенъ, которыя шли впереди,—онѣ остались тамъ, гдѣ развѣвалось царское голштинское знамя.

А на другой день услыхали казаки, что „государь" поѣхалъ брать крѣпости по Яику.

И видѣлъ соборъ, какъ въ концѣ сентября выступилъ изъ кремля войсковой старшина Мартемьянъ Бородинъ и маіоръ Наумовъ съ тремя сотнями казаковъ, какъ переплыли они за Яикъ и поѣхали бухарской стороною къ Оренбургу.

Все, казалось, стало тихо опять въ городкѣ, но въ этой обманчивой тишинѣ слышался злобный шопотъ; пріѣхали изъ подъ Оренбурга казаки, говорили они лихія вѣсти, тысячныя уста радостно сообщали другъ другу, что Оренбургъ уже взятъ. Казаки изъ кремля каждый день выбѣгали и скрывались въ степи. Заволновались киргизы, тысячными толпами стали нападать они на казацкіе форпосты, на русскія села, гдѣ „чинили

---

[1]) Пушкинъ. Исторія Пугачевск. бунта, стр. 282.

великія злодѣйства": отгоняли они скотъ, убивали людей, брали ихъ въ плѣнъ, жгли форпосты и ходили на приступы къ крѣпостямъ.

И видѣли стѣны собора, какъ послалъ Симоновъ наказать киргизъ двѣ сотни казаковъ съ сотникомъ Димитріемъ Логиновымъ, видѣлъ соборъ и то, какъ посылаемые изъ кремля команды казаковъ для ловли бунтовщиковъ перестали повиноваться коменданту и стали освобождать ихъ, а вязать вѣрныхъ долгу старшинъ и уходить изъ городка.

Утромъ 29 декабря, Симоновъ послалъ старшину Мостовщикова съ казаками за городъ на развѣдки; черезъ нѣсколько часовъ прискакали отъ него три казака и объявили Симонову, что Мостовщиковъ въ 7 верстахъ отъ города былъ окруженъ и захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ казаками.

Между тѣмъ съ нижнихъ форпостовъ пріѣзжали одинъ за однимъ казаки и доносили полковнику Симонову, что тамъ собралось и пришло изъ Оренбурга больше двухъ тысячъ казаковъ и башкиръ, что кромѣ того около Кожехаровскаго форпоста собралось до тысячи казаковъ и что они захватили съ собою и посланнаго изъ Яицкаго городка съ двумя сотнями сотника Дмитрія Логинова.

Тяжелые дни наступили для гарнизона. Каждый день высылались Симоновымъ оставшіеся у него казаки для развѣдокъ. Выѣдутъ казаки за городской валъ, а тамъ встрѣчаютъ ихъ свои братья-казаки. „Бывало съѣдутся примѣрно со стороны Царицы отецъ, а со стороны Царя сынъ,—разсказывала монахиня І. Желѣзнову,—лошади подъ обоими семьянны (т. е. изъ одного двора,

одной семьи). Какъ съѣдутся, лошади-то и заржутъ,— знамо, спознаютъ другъ дружку. По лошадямъ и воины то спознаютъ другъ друга. Отецъ кричитъ сыну. „Эй, сынокъ, иди на нашу сторону! не то убью!“, а сынъ отцу въ отвѣтъ: „Эй, батюшка! иди на нашу сторону! не то убью“. А тутъ подскачетъ какой нибудь полковникъ, да и гаркнетъ: „Въ полѣ съѣзжаются — родней не считаются! — Бей!“. И хватитъ, выстрѣлитъ кто нибудь изъ пищали, иль-бо отецъ въ сына, иль-бо сынъ въ отца!“ [1]).

Но наступило зловѣщее 31 декабря. И видѣли стѣны собора ужасную братоубійственную рѣзню. Съ распущенными „хорунками“, съ пушками, подъ предводительствомъ Толкачева, тысячныя толпы казаковъ вошли въ городокъ и обложили кремль. Началась безпрерывная пальба. Засѣвши въ высокія избы, казаки, большею частью гулебщики (охотники), скрываясь за каждымъ прикрытіемъ, били у осажденныхъ не только людей, стоящихъ на виду, но и тѣхъ, которые на минуту приподнимались изъ за вала; они попадали даже въ щели; изъ которыхъ стрѣляли осажденные [2]). Гарнизонъ хотѣхъ зажечь дома, ближайшіе къ валу, но бомбы падали въ снѣгъ и угасали или тотчасъ были заливаемы. Лишь кое-какъ къ вечеру удалось зажечь ближайшія избы и пожаръ быстро распространился. Казаки отошли.

Они завалили бревнами обгорѣлую площадь, всѣ

---

[1]) Желѣзновъ, Уральцы, томъ 3-й, стр. 146. Разсказъ Монахини.

[2]) Выстрѣлы, говоритъ Пушкинъ, „сыпались подобно дроби, битой десятью барабанщиками“.

улицы и переулки, возвели вокругъ кремля до шестнадцати батарей, подѣлали въ избахъ двойныя стѣны и, засыпавъ промежутки землею, сдѣлали въ нихъ бойницы и начали вести подкопъ.

Осажденный тысячный гарнизонъ мужественно производилъ ежедневно, одну за другой, вылазки и старался жечь дома и отгонять далѣе отъ кремля осаждающихъ; ежедневно съ утра до вечера происходила пальба и пули стучали по каменнымъ стѣнамъ, собора.... лилась кровь, братъ убивалъ брата....

Видѣлъ соборъ, какъ укрѣплялъ полковникъ Симоновъ кремль, какъ разставлялъ онъ пушки, какъ устраивалъ батареи, какъ втащили одну легкую пушку на его колокольню и стали разстрѣливать казацкіе курени.

Видѣлъ онъ какъ повсюду вокругъ него шла каждый день братоубійственная рѣзня, свистѣли пули и ядра, гремѣли пушки.

Наступило 19 января 1774 г., среди ружейной пальбы въ казачьихъ хатахъ, раздались радостные клики; собрались казаки за домами тысячными толпами— это пріѣхалъ въ Яицкій городокъ „самъ великій Государь Петръ Өедоровичъ“... Въ рядахъ храбраго гарнизона шли разговоры о томъ, что къ бунтовщикамъ пріѣхалъ „злодѣй Пугачевъ“.

Шли съ обѣихъ сторонъ приготовленія къ рѣшительному бою. Настала ночь. Осаждающіе со стороны старицы стали вести подкопъ подъ батарею въ кремлѣ, и лишь забрежжило утро, раздался страшный взрывъ, полетѣли глыбы земли.

И былъ свидѣтелемъ соборъ, какъ среди тучи пыли и клубовъ чернаго дыма раздались клики старшинъ: „На сломъ! на сломъ! атаманы-молодцы!“ И тысячи озлобленныхъ людей съ дикимъ крикомъ бросились на штурмъ. Жены, одѣтыя въ казацкое платье, шли рядомъ съ мужьями, съ сабляли и кинжалами въ рукахъ, онѣ такъ-же смѣло и храбро лѣзли на валъ, какъ и ихъ мужья и братья... шли и дѣти на штурмъ; а среди нихъ съ копьемъ въ рукѣ, шелъ „самъ великій государь Петръ III“. Грозно вставши во рву и опершись о копье, онъ громко сзывалъ „атамановъ-молодцовъ“ на смертный бой. И видѣлъ соборъ, какъ шла убійственная рѣзня, какъ свистали пули и ядра, какъ сыпалась картечь, какъ стучали пули по его каменнымъ стѣнамъ... какъ „молодцы—атаманы“ ставили лѣстницы къ валу, лѣзли безъ лѣстницъ. Видѣлъ соборъ, какъ братъ шелъ на брата, слышалъ онъ, какъ младшій братъ съ вала кричалъ старшему брату: „братецъ родимый, не подходи! убью! и какъ отвѣчалъ ему старшій братъ:—„посмотрю, какъ ты убьешь!“ Какъ младшій братъ снова просилъ и молилъ: „Пожалуйста, братецъ родимый, не ходи! убью!“ А братъ съ лѣстницы ему въ отвѣтъ: „Я тѣ дамъ, убью! Постой—влѣзу я на валъ, надеру тебѣ вихоръ,—впередъ не будешь стращать старшаго брата!“. И полѣзъ старшій братъ, и выпалилъ младшій братъ въ него изъ пищали!—и покатился старшій братъ въ ровъ [1]). И видѣлъ соборъ, какъ его вѣрныя дѣти и какъ храбрые защитники

[1]) Братья Горбуновы. Соч. Желѣзнова. „Уральцы“, томъ III, разсказъ Ивана Бакирова, стр. 166.

кремля падали, обливаясь кровью, какъ рѣзали и рубили они другъ друга. И лишь знаютъ однѣ только стѣны собора, какъ груды труповъ покрыли площадь кремля, какъ полосою лежали они во рву, какъ въ кремлѣ, среди страшной рукопашной схватки, забившись въ уголъ землянки, лежалъ на рукахъ у матери четырехълѣтній сынъ капитана Крылова, будущій великій баснописецъ, какъ онъ вздрагивалъ при каждомъ громѣ орудій.

Видѣли темныя стѣны собора, какъ послѣ десятичасовой безпрерывной пальбы и рѣзни отступили его дѣти и скрылись въ узкихъ улицахъ городка за бревенчатымъ валомъ.

И потянулись опять безконечные дни вылазокъ гарнизона, пальбы изъ орудій и ружей.

Но среди свиста пуль и грохота пальбы казаки дѣлали новую попытку взорвать крѣпость. День и ночь со стороны Чагана у Чечеры (какъ назывался тогда крутой яръ къ Чагану) рыли они землю и вели подкопъ подъ колокольню собора. Медленно шла эта работа, нужно было прорыть подземный ходъ въ сто саженъ длиною. Безъ инженеровъ, безъ саперовъ, на глазъ, вырыли онѣ его, и, какъ по шнуру, подвели подъ колокольню.

И видѣлъ соборъ, какъ 19 февраля, ночью, робко отъ осажденныхъ, припавъ къ землѣ, пробирался къ кремлю малолѣтокъ-казакъ, какъ впустили его въ кремль, какъ разсказалъ онъ гарнизону объ этомъ подкопѣ. Какъ засуетились въ гарнизонѣ, какъ поспѣшно стали вынимать изъ нижняго яруса сложенные тамъ запасы пороха. Какъ черезъ два часа послѣ этого, рано утромъ,

на разсвѣтѣ раздался взрывъ, зашаталась его колокольня, развалился нижній ярусъ [1]), какъ осѣла она и подавила нѣсколько человѣкъ, бывшихъ вблизи. Засуетились на ней шесть пушкарей, зашаталась стоявшая на вершинѣ колокольни пушка, выскочили пушкари [2]). Всполошился горнизонъ, всталъ онъ въ ружье. Приготовилъ онъ ядра и пушки. А противъ кремля стояли, скрываясь за своимъ валомъ и въ узкихъ улицахъ, тысячною толпою изумленные казаки. Они ждали страшнаго взрыва, они думали, что каменный градъ отъ взрыва, колокольни смететъ безстрашныхъ защитниковъ кремля. Они оторопѣли, напрасно старшины кричали: „На сломъ! на сломъ! атаманы-молодцы!“ — Казаки не двигались съ мѣста и лишь съ отчаяніемъ слали въ кремль градъ пуль и палили изъ пушекъ.

Казаки готовились къ другому штурму. Въ кузницахъ приготовлялись ломы и лопаты. Возвышались новыя батареи. Дѣлались новые подкопы по яру старицы вокругъ всего кремля—подъ его стѣны, подъ батареи, подъ комендантскій домъ. Шла глухая подземная борьба. Осажденные вели контръ мины, перегораживали крѣпость новою стѣною и кулями, наполненными кирпичемъ взорванной колокольни. Они рыли промерзшую на цѣлый аршинъ землю и дѣлали все новые и новые окопы.

---

[1]) Пушкинъ пишетъ, что колокольня была о шести ярусахъ, между тѣмъ въ лѣтописи Михайло-Архангельскаго собора говорится, что она была о четырехъ ярусахъ. За неимѣніемъ въ настоящее время какихъ либо другихъ указаній, этотъ вопросъ остается невыясненнымъ.

[2]) Взрывъ былъ настолько слабъ, что одинъ, спавшій на колокольнѣ у пушки солдатъ даже не проснулся.

И видѣлъ все это старый соборъ. Видѣлъ онъ ежедневную, безпрерывную пальбу изъ орудій и ружей. Видѣлъ онъ, какъ на разсвѣтѣ 9 марта двѣсти шестьдесятъ солдатъ вышли изъ кремля и съ крикомъ — ура! бросились на главную казачью батарею, безпокоившую и день и ночь осажденныхъ, какъ градъ пуль и картечи встрѣтилъ храбрецовъ, какъ начался среди заваловъ и въ тѣсныхъ проходахъ между избами рукопашный бой. Какъ, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, озлобленные казаки кололи ихъ копьями, рубили саблями, топорами, какъ у раненыхъ и убитыхъ отсѣкали они головы. Какъ, пробившись черезъ окружившее ихъ кольцо, оставивъ въ схваткѣ до 30 убитыхъ и до восьмидесяти тяжело раненыхъ, солдаты едва спаслись въ кремль. Пріунылъ храбрый гарнизонъ. Проходили недѣли напрасно ждалъ онъ со дня на день выручки. Ея не было.

И видѣли каменныя стѣны собора, какъ шла вокругъ кремля отчаянная борьба, какъ безпрерывно гремѣли пушки, свистѣли ядра и пули, какъ изнуренные тяжелою работою солдаты почти не спали, какъ половина ихъ всегда стояла подъ ружьемъ, а другая съ ружьями въ рукахъ сидѣла и дремала, чтобы по первому зову снова встать и идти на валъ... какъ постепенно лазареты наполнялись больными, какъ таяли съѣстные припасы, какъ стали выдавать гарнизону только по четверть фунту муки, какъ не стало ни крупъ, ни соли. Видѣлъ соборъ, какъ вышли изъ кремля изможденныя женщины и какъ прогнали ихъ казаки обратно...

Какъ среди свиста пуль гибли отъ голода храбрые

и мужественные солдаты. Ѣли лошадиное мясо, ѣли кошекъ, и собакъ, ѣли обглоданныя собаками кости павшихъ еще осенью лошадей. Но и эти запасы истощились. По указанію яицкихъ казаковъ, бывшихъ въ осадѣ, нашли особый родъ глины и стали солдаты изъ нея приготовлять и варить кисель[1]).

Видѣлъ соборъ ужасы голода, какъ шатались обезсиленные солдаты, какъ умирали дѣти больныхъ матерей. Какъ снова вышли за валъ толпою обезсиленныя и измученныя голодомъ женщины, какъ валялись они въ ногахъ у казаковъ и молили оставить ихъ въ городѣ. Но ожесточенныя сердца не знали милосердія. Ихъ отгоняли и требовали выдачи захваченныхъ въ плѣнъ казаковъ.

„Отдай намъ нашихъ казаковъ!—кричали Симонову изъ городка—тогда мы примемъ женщинъ!"

Но Симоновъ плѣнныхъ не отпустилъ и женщинъ прогнали обратно въ кремль. Казаки оставили только казачекъ.

— Сдавайтесь! кричали гарнизону казаки: Оренбургъ, Уфа и Казань взяты! Сдадитесь—получите награды и милость отъ государя Петра Ѳедоровича; не сдадитесь—пощады не будетъ!

---

[1]) Описывая берегъ старицы 1830-хъ годовъ, Н. Савичевъ въ своемъ очеркѣ „Физіономія Уральска за 100 лѣтъ" (Урал. Войск. Вѣд." за 1874 г. № 18) между прочимъ говоритъ: „Помню какъ мы лакомились (въ дѣтствѣ) точно конфектами кусочками глины одного изъ слоевъ обрыва. Это былъ сжатый, тончайшихъ частицъ, илъ пепельно-зеленоватаго цвѣта. Объ этой мелочи я разсказывалъ здѣсь потому, что такую-же глину разваривали и ѣли измoренные голодомъ защитники кремля у Михайло-Архангельскаго собора во время осады Пугачева. Этотъ слой глины шелъ по старицѣ до самаго собора и немного за него".

Но мужественный и храбрый гарнизонъ рѣшилъ лучше умереть съ голоду, чѣмъ нарушить долгъ службы и заклеймить себя позорною сдачей.

Наступила страстная недѣля. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Но мужество не покидало гарнизонъ. Собравшись въ военномъ совѣтѣ, гарнизонъ рѣшилъ или пробиться силою или умереть съ оружіемъ въ рукахъ, какъ подобаетъ честному и вѣрному долгу воину. Наступило 16 апрѣля—день назначенный *для* вылазки. *И* видѣлъ старый соборъ, какъ полуживые люди, какъ тѣни—солдаты, надѣвали свою аммуницію, заряжали ружья и готовились къ бою—смерти. Выйдти изъ городка не представлялось возможнымъ. Вокругъ кремля казаками были возведены высокіе валы и батареи, а за ними дальше шли узкія улицы городка, гдѣ изъ за каждаго угла ждала храбрецовъ смерть.

Въ этотъ же день въ казачьихъ домахъ суетились съ ранняго утра и большія толпы казаковъ выѣзжали за городъ. Къ нимъ пришла вѣсть, что на выручку гарнизона подходитъ къ городку генералъ Мансуровъ, что войска „батюшки Петра Ѳедоровича“ разбиты.

Въ полдень увидѣлъ часовой, поставленный на крышѣ собора, какъ въ пятомъ часу пополудни поднялась по дорогѣ пыль какъ скакали казаки обратно къ городку, какъ собрались они въ кругъ. Шумный былъ этотъ кругъ, казаковъ охватило отчаяніе. Ихъ ждала неминуемая гибель, они видѣли отрядъ Мансурова и поняли, что противъ него имъ не устоять.

Они рѣшились. Схвативъ своихъ главарей Каргина и Толкачева, они толпою направились къ кремлю. Осажденные ждали штурма и готовились къ отчаянной оборонѣ. Но судьба рѣшала иное. Казаки молили о пощадѣ, они сдавали гарнизону своихъ связанныхъ вождей. И видѣлъ соборъ, какъ радовались осажденные, какъ жадно ѣли они хлѣбъ, принесенный казачками.

А на другой день растворились городскія ворота, и съ барабаннымъ боемъ вошелъ въ городъ отрядъ генерала Мансурова. И слышалъ соборъ радостные клики истомленнаго шестимѣсячной осадой храбраго гарнизона. Видѣлъ онъ какъ потомъ мимо него провели Каргина, Толкачева, Горшкова и несчастную красавицу—казачку Устинью Кузнецову—жену „батюшки-государя“ и „подъ крѣпкимъ карауломъ“ повезли въ Оренбургъ. Какъ открылась въ кремлѣ слѣдственная комиссія; какъ ковали въ цѣпи казаковъ, какъ пытали ихъ тяжкими муками. Какъ бѣжали казаки на вольную Волгу, въ степи и собирались тамъ, далеко отъ пытокъ и палачей, подъ царское Голштинское знамя, гдѣ разливался кровавою волною мятежъ, гдѣ всюду царило пламя озлобленнаго бунта, гдѣ предъ дикою и буйною силой горѣла Казань и лежала свободная отъ войска дорога на Нижній и Москву! А тамъ, въ Москвѣ, восемьдесятъ тысячъ закрѣпощенной и обнищалой черни ждали со дня на день своего заступника „батюшку Петра Ѳеодоровича“. Сама императрица Екатерина была неспокойна въ своемъ дворцѣ.

Прошли дни и снова стало тихо до сихъ поръ въ

шумномъ и буйномъ городкѣ. Вскрылся Яикъ и мимо казачьихъ форпостовъ поплыли трупы убитыхъ при боѣ подъ Татищевской крѣпостью казаковъ. Плывутъ они замерзшіе, окровавленные, и колыхаются надъ водой. Выходятъ казачки и жадными очами смотрятъ онѣ на плывущіе трупы и ищутъ средь нихъ своихъ, дорогихъ ихъ сердцу, людей. Вотъ старая, сѣдая, сгорбленная казачка цѣлыми днями стоитъ на берегу Яика и ловитъ одинъ трупъ за другимъ, пригребаетъ она ихъ къ берегу и приговариваетъ: „Не ты-ли, мое дѣтище? не ты-ли, мой Степушка? не твои-ли черны кудри свѣжа вода моетъ“? Смотритъ и, видя лицо незнакомое, тихо отталкиваетъ трупъ[1]).

Прошло пять мѣсяцевъ.

Наконецъ, настало 17 сентября. По большой улицѣ городка предъ удивленнымъ казачьимъ населеніемъ проѣхала толпа казаковъ; среди нихъ сидѣлъ связанный съ угрюмымъ лицомъ самъ „батюшка Петръ Ѳедоровичъ“. Тихо проѣхала команда къ собору, въѣхала въ кремль и сдала арестанта предсѣдателю слѣдственной комиссіи генералъ-поручику Маврину. А чрезъ нѣсколько дней вошелъ въ кремль со своимъ отрядомъ генералъ Суворовъ и въ двадцати шагахъ отъ южной стѣны собора, на порогѣ комендантской канцеляріи, встали другъ противъ друга „великій воръ и злодѣй“ Емельянъ Пугачевъ и геніальный полководецъ того времени, русскій герой, знаменитый Суворовъ, который „съ любопытствомъ разспрашивалъ славнаго мя-

[1]) Пушкинъ, „Исторія Пугач. бунта“, стр. 239.

тежника о его военныхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ“[1]).

Но вотъ вывели закованныхъ въ цѣпи его сообщниковъ, собрали въ кремль къ комендантской канцеляріи бывшихъ въ городкѣ казаковъ и показывали имъ этого злодѣя и бунтовщика. Грустно стоялъ, понуря голову, ихъ „батюшка Петръ Ѳедоровичъ“ среди своихъ сподвижниковъ, среди тысячной толпы казаковъ, еще такъ недавно готовыхъ по одному его слову сложить свои головы.

И видѣлъ соборъ, какъ законнаго Пугачева посадили въ двухколесную телѣгу, какъ сѣлъ онъ въ этой телѣгѣ въ деревянную клѣтку. Какъ окружили эту телѣгу двѣ роты пѣхоты, казаки и какъ двинулся этотъ отрядъ съ двумя пушками во главѣ съ знаменитымъ Суворовымъ мимо его каменныхъ высокихъ стѣнъ.

Уѣхалъ Суворовъ и тихо снова стало въ городкѣ. Только въ комендантской канцеляріи иногда раздавались стоны допрашиваемыхъ съ пристрастіемъ казаковъ.

Но наступилъ конецъ января 1775 г. Собрали казаковъ въ комендантскую канцелярію и прочитали имъ указъ государыни.

„Указъ нашему сенату. На всеподданнѣйшее прошеніе нашего генерала Потемкина, учиненное именемъ всѣхъ испытанныхъ въ ревности и усердіи войска Яицкаго чиновъ, кои во время извѣстнаго неустройства нѣкоторыхъ изъ собратій ихъ въ вѣрноподданнической своей должности остались непоколебимыми, равнымъ образомъ и тѣхъ, кои, познавъ тягость содѣяннаго ими

---

[2]) Пушкинъ „Исторія Пугач. бунта“, стр. 187.

вѣроломства съ чистосердечнымъ возвратились раскаяніемъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ для совершеннаго забвенія сего на Яикѣ послѣдовавшаго нещастнаго произшествія, рѣку Яикъ, по которой какъ оное войско, такъ и городъ его названіе свое до нынѣ имѣли, по причинѣ той, что оная рѣка проистекаетъ изъ Уральскихъ горъ, переименовать Ураломъ, а потому и оное войско наименовать Уральскимъ и впредь Яицкимъ не называть, равно и Яицкому городку называться отнынѣ Уральскимъ, о чемъ сенатъ имѣетъ публиковать. Екатерина"[1]).

Между тѣмъ 10 января въ Москвѣ были преданы казни главные виновники мятежа. Пугачеву и Перфильеву отрубили головы и у мертныхъ руки и ноги, Шигаева, Падурова и Торнова повѣсили. Чику повезли казнить въ Уфу[2]). Тѣла казненныхъ были сожжены и пепелъ ихъ развѣянъ по вѣтру палачами[3]).

Такъ кончились кровавые пугачевскіе дни. И знала одна только императрица Екатерина, почему она про-

---

[1]) Этотъ указъ снятый фотографическимъ путемъ, имѣется въ Войск. Архивѣ въ матеріалахъ по исторіи войска и хранится вмѣстѣ съ негативомъ

[2]) По преданіямъ казаковъ, записаннымъ Желѣзновымъ, Чика (онъ-же Зарубинъ) скрывался до своей смерти на Яикѣ подъ фамиліей Зумоpшеевъ, и предъ смертію исповѣдывался у благочиннаго Асафа Корчагина и подтвердилъ свое настоящее званіе. Также говорятъ, что вмѣсто Пугачева казнили другого. Соч. Желѣзнова „Уральцы", томъ III, стр. 173.

[3]) Остальные участники мятежа были наказаны слѣдующимъ образомъ: яицкіе казаки Василій Плотниковъ, Денисъ Караваевъ, Григорій Закладновъ, мещерецкій сотникъ Канзефъ Усаевъ, ржавскій купецъ Долгополовъ „высѣчь кнутомъ, поставить знаки и, вырвавъ ноздри, сослать въ каторгу". Яицкіе казаки: Иванъ Почиталинъ, Илья Ульяновъ и илецкій Максимъ Горшковъ—всѣхъ троихъ „высѣчь кнутомъ и, вырвавъ ноздри, сослать въ каторгу". Яицкихъ казаковъ: Тимофея Мясникова, Михаила Кожевникова, Петра Кочурова, Петра Толкачева, Ивана Хар-

стила свое Яицкое войско. Знала только она одна, кто руководилъ Пугачевымъ, кто прислалъ къ нему изъ Петербурга настоящее царское Дельвичева драгунскаго полка знамя. Унесла-ли она эту тайну съ собой въ могилу, или лежитъ эта тайна до сихъ поръ гдѣ-нибудь въ тайникахъ петербургскихъ архивовъ—можетъ сказать намъ только одна правдивая исторія, когда она откинетъ завѣсу съ этого темнаго и далекаго прошлаго.

Прошли годы. Тихо стало вокругъ собора, не стало въ кремлѣ ни регулярнаго гарнизона, ни коменданта. Стала опять канцелярія называться войсковою, стали опять управлять казаками свои наказные войсковые атаманы. Только не стало у казаковъ артиллеріи, ее отобрали.

Долго еще на западной стѣнѣ стараго собора были видны двѣ большихъ пробоины отъ пушечныхъ ядеръ [1]), да во многихъ мѣстахъ сколотые пулями кирпичи.

Вошла жизнь въ обычную колею. Также катилъ свои воды быстрый Яикъ, теперь уже Уралъ, также сходились въ соборъ на молитвы бородатые яицкіе, теперь уже уральскіе, казаки.

Но разсердился Уралъ. Сталъ онъ весною разливать широко свои воды и, врываясь въ старое свое русло

чева, Тимофея Сладкова, Петра Горшенина, Понкрата Ягунова· „высѣчь кнутомъ и, вырвавъ ноздри, послать на поселеніе“... Остальные казаки были всѣ прощены; жена-же Пугачева Устинья, дочь яицкаго казака Петра Кузнецова, была заключена въ крѣпость (по преданію въ Петропавловскую), гдѣ и прожила до конца своей жизни.

Сентенція 1775 г. января 10. О наказаніи Пугачева и его сообщниковъ. Пушкинъ „Ист. Пуг. бунта“, стр. 303—221.

[1]) Лѣтопись Михайло-Архангельскаго собора.

„старицу“, подмывать берегъ у собора. Что ни годъ то оторветъ онъ сажень—другую земли, и сталъ подходить къ старому собору, какъ будто бы старый богатырь захотѣлъ уничтожить и послѣднiе слѣды яицкой старины. Засуетилось начальство и въ iюнѣ 1779 г. войсковая канцелярiя вошла съ представленiемъ къ Оренбургскому военному губернатору Рейнсдорпу о „чинимомъ отъ стремительнаго Урала рѣки теченiя берегу и казачьимъ домамъ поврежденiи“. Рейнсдорпъ предложилъ канцелярiи освидѣтельствовать и описать то мѣсто, которому угрожалъ Уралъ и пригласить для этого Свiяжскаго баталiона (бывшаго тогда въ Уральскѣ) подполковника Сѣверякова; для изысканiя-же „вѣрнаго и надежнаго способа къ устраненiю опасности отъ Урала и для положенiя угрожаемой мѣстности на планъ“ обратиться къ совѣту и помощи офицеровъ Свiяжскаго баталiона, „знающихъ геодезiю и инженерiю“, и съ мнѣнiемъ Сѣверякова представить свои соображенiя къ Рейнсдорпу. Результатомъ этого всего было разрѣшено Рейнсдорпомъ въ 1780 году вырубить на дачахъ Нижнеозерной крѣпости 300 деревъ и употреблять ихъ „единственно“ на защиту угрожаемаго берега.

И началась работа у старицы; сотни казаковъ стали разбирать плоты, стали вбивать они бревна у крутого берега одно возлѣ другого.

Нѣсколько недѣль дѣлали они эту единственную и, увы, не надежную защиту.

„Въ тридцатыхъ годахъ — пишетъ Савичевъ[1])— этотъ

[1]) „Урал. Войск. Вѣдомости“ 1874 г. № 18. „Физiономiя Уральска 100 лѣтъ“.

слабый оплотъ противъ силы стихіи требовалъ ремонта, но, не дождавшись его, подгнилъ и сталъ разрушаться, а въ пятидесятыхъ годахъ не осталось ни одного бревна изъ укрѣпленія".

Но не дождался старый Яикъ Горыновичъ, когда стали гнить бревна; еще ранѣе, видя неустанныя заботы своихъ дѣтей по укрѣпленію берега, смутился онъ и съ тихимъ ропотомъ самъ отошелъ отъ собора, пересталъ подмывать его берега и снова быстро и задумчиво покатился по своему руслу.

Въ это-же время казаки построили, вмѣсто развалившейся каменной колокольни, рядомъ со старою, деревянную и поставили туда уцѣлѣвшіе колокола.

V.

.... „Во кругу стоитъ у казаченьковъ,
Стоитъ раздвижный стулъ,
На стулу сидитъ у казаченьковъ
Сидитъ самъ Волконскій князь,
Передъ нимъ стоитъ, у казаченьковъ,
Стоитъ самъ Павловъ казакъ.
Онъ стоитъ—стоитъ, разудаленькій,
Стоитъ самъ не тряхнется,
Его русыя кудерюшки,
Кудри, не шалохнутся“...
(Изъ пѣсни Урал. каз.)

Видѣлъ соборъ въ 1803 г., лѣтомъ, какъ часто заходилъ въ него памятный для уральцевъ князь, оренбургскій губернаторъ Волконскій, какъ ходилъ этотъ князь по казачьимъ хатамъ, по старицѣ съ кучей ребятишекъ, какъ угощалъ онъ ихъ конфетами и орѣхами, давалъ имъ мѣдныя деньги, а самъ тихонько развѣдывалъ, что думаютъ казаки о новомъ положеніи, которое онъ въ скоромъ времени долженъ былъ ввести въ войскѣ. Много было въ городкѣ въ это время разныхъ слуховъ среди казаковъ, о скоромъ введеніи новаго штата, о введеніи службы по очереди. И говорили иногда старые казаки у собора князю Волконскому: — „Бери бѣлый царь хоть всѣхъ насъ на свою государеву службу — всѣ пойдемъ съ охотой! во очереди намъ не надо! Пусть остаётся по старому наемка. Хоть два гро-

ша казакъ возьметъ, да всетаки пойдетъ по охотѣ, а не какъ рекрутъ по очереди“[1]).

— Эхъ, батюшка, говорили казаки Волконскому: скажи казаку:—„Ступай въ огонь“! перекрестится казакъ и пойдетъ въ огонь! Скажи казаку: „Прими штатъ“! перекрестится казакъ и скажетъ: „Приму смерть, а не приму штатъ!“.

Пожелалъ Волконскій собрать казаковъ на смотръ. Даютъ приказаніе сотникамъ собрать и вывести сотни за городъ, но казаки не слушаютъ. Наконецъ кое-какъ выѣзжаютъ за городъ. Тамъ велитъ имъ встать во фронтъ. —не хотятъ.

— „Зачѣмъ во фронтъ!? Мы развѣ солдаты!“

Выѣхалъ къ нимъ атаманъ Давыдъ Мартемьяновичъ Бородинъ, но и его не слушаютъ. Два старыхъ, сѣдыхъ, едва держащихся на сѣдлахъ, казака разъѣзжаютъ по толпамъ и поддерживаютъ въ нихъ духъ непокорности.

Выѣхалъ къ нимъ Волконскій. Приказываетъ онъ имъ встать во фронтъ. Но казаки не становятся,—знай свертываются они въ круги, носятся какъ дикое стадо.

Посовѣтывалъ атаманъ Волконскому обратиться къ старикамъ.

— „Эй, почтенные старцы! Пожалуйте ко мнѣ!“ кричитъ старикамъ Волконскій.

---

[1]) Дѣло III разр., № 85, списки №№ 45, 48 и 49, замѣтки Желѣзнова „Кочкинъ Пиръ“. Далѣе все относящееся до введенія новаго положенія и о безпорядкахъ въ войскѣ по этому поводу въ 1803 г. мною заимствовано изъ этихъ записокъ.

Поскакали старички къ князю, сняли они шапки, отвѣсили по низкому поклону и спрашиваютъ:

— „Чего изволитъ ваша милость?"

— „Вотъ что старички почтенные! Велите-ка вашимъ дѣткамъ встать рядышкомъ. Я хочу взглянуть на нихъ, какія у нихъ лошадки, какое вооруженіе, какое цвѣтное платье,—думаю сбрызгу! Хочу полюбоваться вашими молодчиками-дѣтками".

Старички поклонились и поскакали—одинъ въ сторону, другой—въ другую.

— Становитесь, атаманы-молодцы, въ рядъ:—князь хочетъ полюбоваться на васъ!

— Становитесь, становитесь! Наши велятъ, наши!—закричали въ толпѣ.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ какъ казаки стояли стройною линіею, въ одну шеренгу, упираясь однимъ флангомъ въ Уралъ, а другимъ къ Чагану.

Князь поѣхалъ по рядамъ, похвалилъ казаковъ, назвалъ ихъ молодцами, орлами... казаки повеселѣли и сказали князю:

— Не угодно ли, Ваше Сіятельство, полюбоваться на нашу потѣху?

— На какую?

А извѣстно на какую: проскачемъ мимо васъ, шапки будемъ съ полу поднимать, на головахъ, на ногахъ скакать и прочее такое...

— Хорошо, хорошо!...

И пошла потѣха... Только пыль заклубилась по степи, какъ лихіе бородатые казаки-лыцари стали проноситься мимо князя въ своихъ цвѣтныхъ кафтанахъ. Смотритъ

князь и любуется. А казаки несутся... достають они съ земли шапки, скачуть на головахъ и на ногахъ, палятъ на скаку изъ пищалей, соскакиваютъ на полномъ ходу съ сѣдла на землю и опять па сѣдло. Носятся какъ вихрь.

Доволенъ князь. Подозвалъ онъ старичковъ и говоритъ:

— „Ухъ, куда какіе молодцы ваши дѣтки! А вотъ скоро покажу я вамъ и своихъ дѣтушекъ.

Проживъ съ мѣсяцъ, уѣхалъ князь Волконскій изъ Уральска и сказалъ онъ, прощаясь казакамъ:

— Ждите меня ребятушки, скоро къ себѣ въ гости; не одинъ пріѣду, а съ дѣтушками!

— Милости просимъ!—отвѣтили казаки, а сами подумали: „Вѣкъ-бы не видать не только твоихъ дѣтушекъ, но и самого тебя!“

Немного погодя стали отправлять полкъ въ Грузію. Собралъ его у канцеляріи войсковой атаманъ Давыдъ Мартемьяновичъ Бородинъ, объявилъ полку, чтобы онъ одѣлъ однообразное платье.

— Не желамъ, погрѣшно! заявили казаки, мы не регулярные; въ чемъ ходили наши праотцы, въ томъ и мы будемъ ходить, въ томъ и дѣтушекъ нашихъ желаемъ водить. Не надо формы! кричатъ казаки.

Пришла осень. Стали казаки переносить изъ старой войсковой канцеляріи всѣ дѣла, всю мебель въ новую войсковую канцелярію, построенную далеко отъ собора [1]).

---

[1]) Эта новая тогда канцелярія было то зданіе, въ которомъ находится теперь войсковая больница.

Собралъ тогда къ старой войсковой канцеляріи войсковой атаманъ Бородинъ казаковъ и велѣлъ одѣться въ праздничное и парадное платье,—у кого какое есть, — взять оружіе и явиться къ канцеляріи, поднять знамена и, отслуживъ молебенъ, перенести знамена изъ старой канцеляріи въ новую.

— Не хотимъ!—закричали они—это похоже на солдатскій парадъ, а мы, благодаря Всевышняго, еще не приняли штата. Не пойдемъ къ молебну, а перенесемъ просто, какъ въ старые годы переносили. Иное дѣло походъ,—тогда и безъ наряда молебны съ хорунками служились!

Видѣлъ все это соборъ. Видѣлъ онъ, какъ среди шума тысячной толпы нѣкоторые казаки послушались атамана: принарядились и съ церемоніей перенесли знамена и стали называть этихъ казаковъ „согласными", а тѣхъ, которые не послушались, „несогласными".

Видѣлъ соборъ, какъ опустѣла старая войсковая канцелярія, какъ сняли съ нея двери, вынули рамы и стекла и оставили ее сиротливую и пустую на произволъ времени и стихіи [1]). Перевели со старой площади къ новой войсковой канцеляріи и кладовыя и арестный домъ, и пороховой выходъ, и стала казацкая площадь базаромъ.

Насталъ ноябрь. Услыхали казаки, что ѣдетъ къ нимъ изъ Оренбурга князь Волконскій, но уже не одинъ, а со своими „дѣтками" вводить штатъ.

---

[1]) „Крѣпко выстроенная, каменная войсковая изба, современная Пугачеву, стояла около сохранившагося до селѣ собора, на базарной площади, ее не поддерживали и она, мало по малу, сама разрушилась". Уральскіе очерки. М. М. Михайлова. Морской сборникъ за 1859 годъ, № 9-й.

Стали собираться у стѣнъ собора на базарѣ казаки, стали шептаться они между собою, сурово нахмурились ихъ брови.

Собрался кругъ, всталъ среди нихъ высокій и рослый казакъ знаменитый Ефимъ Павло́въ, глава „несогласныхъ".

— Подарками, братцы, тутъ ничего не возьмешь, говорилъ онъ казакамъ, отцы наши и дѣды и праотцы, правда, отдѣлывались деньгами, но тогда времена такія были, тогда и начальство наше за одно съ нами было, а теперь, братцы, время не то,—теперь антихристъ и начальниковъ нашихъ отмѣтилъ своею тамгой—темлякомъ да шпагой! Нѣтъ, братцы, мысль ваша не хороша. Пострадаемъ, а ужъ докажемъ начальству, что мы не ясачные татары, не пахатные солдаты, а вольные люди—славные яицкіе казаки! Всѣхъ не перевѣшаютъ, всѣхъ не переказнятъ. Всю бѣду, весь отвѣтъ принимаю на себя: первый пойду на эшафотъ, первый положу голову на плаху, а ужъ дѣтямъ и внукамъ оставлю памятникъ! [1])

— И мой деньга не сурба (не щербата)!—говорилъ татаринъ-казакъ Сеита Байтановъ:—и мой шафотъ (животъ) плаха не боится! [2])

Но вотъ разнеслась въ городкѣ вѣсть, что князь Волконскій уже близко. Тысячною толпою пошли казаки за городъ встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью.

„Вышли казаки за городъ, но князь хлѣба-соли не принялъ"—пишетъ Желѣзновъ въ своихъ запискахъ:

— Не приму я отъ васъ хлѣба-соли, пока вы не примете отъ меня, что я вамъ дамъ.

[1]) Войск. Арх., дѣло III, № 85, листъ 17. Записка I. Желѣзнова.
[2]) Тамъ-же.

— Отъ добра, батюшка, не откажемся, а если что не по насъ, то не обезсудь, кормилецъ,—совѣсть претитъ, не надо! сказали казаки.

— А это что? сказалъ князь, указывая на солдатъ и башкиръ, стоявшихъ подъ ружьемъ.

— Не знаемъ, батюшка, должно полагать—дѣтки твои, съ которыми обѣщался къ намъ быть.

— А что, каковы?—спросилъ князь.

— Нечего сказать, молодцы! Да ужъ на возрастѣже твои дѣтки-то,—у кого усъ рѣжется, а кто и бородкой обложился. Игрушки у нихъ въ рукахъ такія славныя, свѣтлыя, что твое зеркальцо; не безчестно и взрослымъ молодцамъ такими игрушками играть, не точію твоимъ дѣткамъ! И у насъ, кормилецъ, есть игрушечки; хоша на видъ-то не мудреныя, но въ дѣлѣ то куда какъ добрыя! Только не обезсудь:—мы оставили ихъ дома,—думали не спонадобятся.

Затопалъ на нихъ князь. Да, знаете ли, я васъ сейчасъ разстрѣлять велю!

— Вели, есть когда милости твоей не жаль царскаго пороха. А только мы не буяны,—буяны не съ хлѣбомъ-солью выходятъ!—сказали казаки и посмотрѣли вокругъ себя.

А вокругъ нихъ стоятъ съ одного бока башкиры, съ другого солдаты, а прямо батарея изъ 8 или 12 орудій съ зажженными фитилями.

— Не трусьте, не робѣйте, братцы,—говорилъ тихонько Павловъ, обходя казаковъ,—хоша онъ и князь Волконскій, а мы простые казаки, хоша онъ и отъ царя приславъ, а стрѣлять по насъ не посмѣетъ: бе-

зоружнаго человѣка ни въ какомъ царствѣ не бьютъ, а въ нашемъ и подавно!

Волконскій успокоился, велѣлъ войскамъ войдти въ городъ и разойтись по обывательскимъ квартирамъ, а „несогласнымъ“ сказалъ, чтобы они разошлись по своимъ домамъ. Но несогласные не идутъ.

— Гдѣ наши дома?—говорятъ они:—ты заполнилъ ихъ своими дѣтками! Вишь сколько нагналъ сюда всякой сволочи! И насъ, видно, хочешь въ полонъ взять. Что-жъ?—Бери! мы всѣ тутъ; супротивности никакой не дѣлаемъ. Зачѣмъ пришелъ къ намъ съ армеюшкой,—то и дѣлай, а въ дома мы не пойдемъ!

Волконскій—пишетъ Желѣзновъ—плюнулъ и уѣхалъ въ городъ.

Разсыпались башкиры по городку и стали въѣзжать въ казачьи дома на постой.

Проходитъ день, проходитъ ночь, наступаетъ снова день, а „несогласные“ казаки не идутъ въ городъ. Лежатъ они за валомъ на снѣгу, мерзнутъ, голодаютъ, но не идутъ.

Наконецъ, вечеромъ, на другой день выѣхалъ князь за городъ съ толпою башкиръ и съ ротой солдатъ, подъѣхалъ къ „несогласнымъ“ и говоритъ:

— Повинуетесь волѣ начальства?

— Рады повиноваться, да ты прежде скажи, въ какую силу повиноваться?—отвѣчаютъ казаки.

— А вотъ въ какую силу!—говоритъ князь—

Кочкинъ! [1]) кричитъ онъ: катай ихъ, дураковъ, въ нагайки!

И совершенно неожиданно для князя началось невѣроятное и страшное побоище. Башкиры бросились на казаковъ. Схватили Павлова, раздѣли, но не успѣли и рукъ на него поднять, какъ близкіе къ нему казаки сами сбросили съ себя одежды, растянулись на снѣгу и закричали:

— Ужъ есть когда Павлова бить, то и насъ бить!

На другомъ концѣ башкиры раздѣли Федосѣева, казака, упорствовавшаго болѣе другихъ,—и около него раздѣлись и повалились на снѣгъ казаки и тоже закричали:

— Его бить—и насъ бить!

Стали бить всѣхъ, кто попадалъ подъ руки, а они всѣ попадали подъ руки, всѣ лѣзли туда, гдѣ били жарче и больнѣе. Сдѣлалось побоище страшное. Ни у одного казака не осталось живого мѣста на тѣлѣ— избили всѣхъ до полусмерти, слабыхъ разогнали, а болѣе упорныхъ связали и развезли по казачьимъ и по „караульнымъ домамъ",—кончаетъ Желѣзновъ свое описаніе этого побоища.

И началось слѣдствіе. Ефима Павлова, Сеита Байтанова и много другихъ казаковъ прогнали сквозь строй черезъ три тысячи ударовъ, поставили клейма, вырвали ноздри и сослали на вѣчно въ каторжныя работы, дру-

---

[1]) Маіоръ Кочкинъ, командиръ баталіона. Это побоище у казаковъ извѣстно подъ названіемъ „Ко кина пира" по фамиліи этого маіора, распоряжавшагося побоищемъ. На этомъ мѣстѣ вплоть до 1872 года стояли три креста. Впослѣдствіи при расширеніи города, эти кресты пришлись какъ разъ посрединѣ Большой улицы противъ дома Ип. Сел. Сладкова и бывшей киргизской школы, за аркою Наслѣд. Цесаревича и были сняты какъ мѣшавшіе проѣзду.

гихъ, прогнавши сквозь строй, сослали въ Сибирь на поселеніе, или отдали въ солдаты.

Но въ чемъ-же заключается этотъ страшный для казаковъ „штатъ“?

Въ общихъ чертахъ онъ состоялъ въ слѣдующемъ: войско должно было выставлять изъ числа 14.618 человѣкъ мужскаго населенія 10 полковъ по 500 чел. каждый; полки должны были имѣть номера, и выходить изъ войска по мѣрѣ требованія правительства. Каждый казакъ долженъ былъ нести службу по очереди, а не по найму. Высшіе должности въ войскѣ замѣщались офицерами изъ казачьяго сословія. Въ войскѣ положено завести однообразную форму одежды и оружіе, какъ-то: мундиръ, шинель, саблю, винтовку, пику, пистолетъ и проч. Управленіе войскомъ сосредоточивалось въ войсковой канцеляріи, состоящей подъ предсѣдательствомъ атамана изъ двухъ непремѣнныхъ совѣтниковъ и двухъ асессоровъ, выбираемыхъ черезъ каждые три года большинствомъ голосовъ всѣхъ находящихся въ войскѣ служащихъ и отставныхъ „чиновниковъ“ (офицеровъ); атаманъ утверждался Высочайшей властью, совѣтники — Военною Коллегіею, асессоры—Оренбургскимъ инспекторомъ. Кромѣ этихъ чиновъ выбирались въ такомъ-же порядкѣ казначей и два пристава (одинъ по соляному, а другой по винному сбору). Въ Уральскѣ открывалась должность полиціймейстера.

Вотъ въ краткихъ чертахъ то, что вводилъ новый „штатъ“. Эта организація, за весьма малыми исключеніями, осталась въ войскѣ вплоть до 1874 г., когда ввели новое положеніе о службѣ войска.

Штатъ былъ введенъ. Съ этихъ поръ казачьи полки стали имѣть номерацію. Первый вышедшій полкъ назывался № 1, слѣдующіе соотвѣтствующими номерами до № 10; когда возвращался № 10, то снова полки считались съ № 1 и т. д.

Но службу по очереди отмѣнили и не заставляли имѣть форму,—ее вводили постепенно и лишь въ 1837 году она была введена окончательно.

Ушелъ отрядъ съ княземъ обратно въ Оренбургъ, а въ городѣ осталась часть войска на постоянныя квартиры.

Въ это-же время, приблизительно въ 1803—1804 г., всѣ церкви въ Уральскѣ, бывшія до сихъ поръ старообрядческими, переименованы въ единовѣрческія. И много вѣрныхъ дѣтей своихъ не видалъ съ этихъ поръ старый соборъ въ своихъ древнихъ стѣнахъ. Ушли отъ него его дѣти, чтобы не слышать „никоніанскихъ“ священниковъ, чтобы не видѣть нарушеній привычныхъ для нихъ обрядовъ. Ушли они отъ него и стали молиться по домамъ.

Не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ снова у собора стали собираться шумные круги. Казаки не хотѣли примириться со „штатомъ“. Молча, пассивно они протестовали противъ каждаго нововведенія. Въ 1806 и 1807 годахъ въ шумныхъ кругахъ у собора казаки отказывались брать слѣдуемое имъ по новому штату жалованье.

Но что это былъ за безпорядокъ, кто имъ руководилъ, чѣмъ мотивировали свой отказъ казаки, какъ и гдѣ судили виновниковъ и кто они были—неизвѣстно. Величавыя стѣны стараго собора, свидѣтели этого далекаго былого, сурово молчатъ и никому не говорятъ

своихъ тайнъ. Въ бумагахъ-же войскового архива имѣется лишь слабый намекъ на это происшествіе. Объ немъ говорится въ опредѣленіи Войсковой канцеляріи за 1837 г. 1-го іюля, гдѣ видно, что въ 1836 г. былъ представленъ начальнику штаба Оренбургскаго корпуса „списокъ 117 казаковъ, сосланныхъ въ Сибирь, послѣ наказанія (т. е. послѣ ударовъ шпицрутенами сквозь строй, а можетъ быть еще и по наложеніи клеймъ и рванія ноздрей) въ 1806 и 1807 г. за непринятіе присланнаго отъ казны для войска жалованья“.

Этотъ списокъ былъ представленъ, въ виду послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія въ 1836 г. о прощеніи виновныхъ и возвращеніи ихъ въ войско. Тогда-же были возвращены изъ ссылки и участники безпорядковъ 1803 г., въ томъ числѣ и Ефимъ Павло́въ.

Наступилъ для войска тяжелый 1807 годъ. И видѣлъ старый соборъ какъ 11 іюля загорѣлся городъ, видѣлъ онъ море огня, какъ горѣло все вокругъ него, какъ сгорѣлъ почти весь городъ. Сгорѣли двѣ церкви, городская полиція со всѣми дѣлами, винный подвалъ, провіантскій магазинъ и 2120 домовъ и восемь человѣкъ. Осталось послѣ пожара только 1464 дома да уцѣлѣлъ Михайло-Архангельскій соборъ.

Видѣлъ соборъ, какъ сталъ отстраиваться городъ по новому плану. Не стало въ городкѣ уже узкихъ переулковъ—стали улицы широкими и прямыми. Перенесли въ это время и крѣпостной валъ [1]).

---

[1]) До 1751 года городской валъ (стѣна) шелъ отъ Чагана до Урала, тамъ, гдѣ нынѣ Петропавловская церковь по Петропавловской улицѣ); въ 1751 году валъ сдѣлали новый, онъ проходилъ по нынѣшнему буль-

Прошло семь лѣтъ отъ страшнаго пожара. Кое-какъ оправился городъ, обстроился онъ заново. Все было тихо и мирно въ городѣ, но надъ Михайло-Архангельскимъ соборомъ висѣла гроза, гроза страшнѣе пожара, грозою этой были люди.

Въ 1814 году соборный протопопъ Іосифъ Андреевъ 4 марта написалъ въ войсковую канцелярію, что старый соборъ, благодаря подмыву рѣкою Ураломъ, отстоитъ отъ берега не болѣе 7$^1/_2$ саженъ и, по его усмотрѣнію, подвергается „опасности отрыва водою", а потому Андреевъ усиленно проситъ войсковую канцелярію заблаговременно войти куда слѣдуетъ съ представленіемъ „о сломаніи той церкви", вмѣсто которой „выстроить таковую же на другомъ, удобнѣйшемъ и безопасномъ отъ воды мѣстѣ", а до того времени протопопъ предложилъ совершать службы съ причтомъ въ Петропавловской и Казанской церквахъ „гдѣ и могутъ быть размѣщены иконостасъ и св. иконы съ прочими церковными принадлежностями".

Изъ журнала Войсковой канцеляріи за этотъ годъ отъ 6 марта видно, что канцелярія вошла съ представленіемъ къ Казанскому и Симбирскому архіепископу Павлу и просила его разрѣшенія „сломать Соборно-Архангельскую церковь и вмѣсто нея построить новую". Отъ епископа 16 апрѣля послѣдовало на это полное согласіе.

вару и рынку (гдѣ и теперь видно возвышеніе посрединѣ улицы). Этотъ валъ просуществовалъ до 1784 г. Въ этомъ году валъ перенесли на нынѣшнюю Крестовую улицу, а въ 1807 году, послѣ пожара городъ распланировали по новому, въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ теперь, и валъ перенесли по прямой линіи отъ Чагана до Салдатской старицы, по тому мѣсту, гдѣ нынѣ стоитъ арка. Этотъ валъ еще существовалъ въ 1880 годахъ.

Въ іюнѣ того-же года войсковая канцелярія просила Оренбург. губ., князя Волконскаго, о командированіи въ Уральскъ архитектора для составленія плана новой церкви, для чего и былъ посланъ изъ Оренбурга губернскій архитекторъ Дельмедико [1]).

Насталъ іюль мѣсяцъ, поѣхалъ войсковой атаманъ Бородинъ по Уральску, ѣдетъ мимо собора и вспомнилъ, что пора его сломать. Пріѣхалъ онъ домой и обвиняя въ бездѣйствіи войсковую канцелярію, предложилъ ей 28 іюля „означенную церковь, тѣмъ же лѣтомъ, посредствомъ-ли найма, или войскомъ, непремѣнно сломать: буде-же войсковая канцелярія,—заключилъ атаманъ,—сего зачѣмъ либо не разсудитъ и въ будущее лѣто предстоять будетъ опасность отъ могущаго быть большого водополія, то я предъ правительствомъ отвѣчать за это не буду“.

Предложеніе это было „заслушано“ въ канцеляріи въ день полученія его, и канцелярія рѣшила „учинить въ г. Уральскѣ публику“ (т. е. сдѣлать публикацію), не будетъ ли желающихъ взять на себя подрядъ сломки собора, которые для торга должны явиться въ канцелярію на 1 августа, а протопопу Андрееву предложено принять мѣры къ перенесенію изъ собора иконъ, книгъ и церковныхъ принадлежностей въ другія церкви: Петропавловскую или Казанскую по его усмотрѣнію.

Но не суждено было совершиться этому суровому дѣлу. Собрались толпами горожане, стали просить они началь-

---

[1]) Составленный имъ проектъ новаго храма былъ использованъ для постройки въ 1837 году новаго Александро-Невскаго собора.

ство пощадить святыню, предложили прихожане лучше укрѣпить берегъ, чѣмъ ломать памятникъ старины.

Вняло начальство народу и отмѣнило свой приговоръ. Пошла переписка объ укрѣпленіи берега. Выслали въ сентябрѣ изъ Оренбурга въ Уральскъ инженеръ-полковника Ракузу.

Внимательно онъ „осматривалъ берегъ стараго теченія рѣки Урала, который въ весеннее время ежегодно, по разлитіи воды, подмываетъ и отъ времени предвидѣна будетъ опасность въ разрушеніи собора, разстояніемъ отъ берега сего въ 11 саженяхъ и на укрѣпленіе мѣста сего, дабы привесть въ безопасность оную церковь, сочиненъ будетъ прожектъ“.

Какой „прожектъ“ былъ сочиненъ этимъ инженеромъ и былъ ли онъ использованъ, въ дѣлѣ не видно. Надо полагать, что къ этому времени Уралъ пересталъ подмывать берегъ и вопроса болѣе объ этомъ не возбуждалось.

Минуло спокойныхъ 14 лѣтъ. Въ 1821 году, 21 іюля произошелъ въ Уральскѣ четвертый большой пожаръ, испепелившій городъ[1]). Съ утра погода была вѣтренная, бурная, по улицамъ носились тучи пыли, той пыли, которая такъ хорошо извѣстна обывателямъ Уральска. Въ два часа дня загудѣли церковные колокола. Загорѣлось въ татарской слободкѣ, въ Куреняхъ[2]). Городъ горѣлъ, какъ факелъ. Сильною южною бурею переносило пожаръ съ одного дома на другой и не успѣлъ наступить вечеръ, какъ пылалъ весь городъ вплоть до самаго вала. Спаслись только Новоселки; въ городѣ-же выгорѣло все за исключеніемъ небольшого числа домовъ, спасшихся случайно. Въ ширину пожаръ распространился отъ Чагана

1) Первый въ 1722, второй—1751, третій 1807 г.
2) Такъ называется старая часть города Уральска.

до улицы, пролегавшей около войсковой канцеляріи (нынѣшней больницы), называемой теперь Крестовоздвиженской (широкая улица, отдѣляющая городъ отъ Новоселокъ). Казенныя зданія, сосѣднія съ канцеляріею: войсковое казначейство, арсеналъ, пороховой погребъ и острогъ — спасены[1]).

И среди бушующаго пламени, среди свиста вѣтра, тучи пыли и черныхъ облаковъ дыма стоялъ величаво Михайло-Архангельскій соборъ. Вокругъ него, рядомъ съ нимъ — всюду пылали въ Куреняхъ казацкіе дома, казалось вотъ-вотъ языки пламени обоймутъ его и погубятъ своими жаркими объятіями, вотъ вотъ готовъ былъ онъ вспыхнуть и превратиться въ жалкую руину. Но Провидѣніе спасло его и на этотъ разъ.

Наступило утро и среди груды развалинъ, среди дымящихся остатковъ города гордо стоялъ пощаженный стихіей старый Михайло-Архангельскій соборъ.

Прошло четыре года. Все было тихо въ городкѣ. Но насталъ 1825 г. Заволновались казаки. Требовали отъ войска выставить 104 человѣка взамѣнъ больныхъ

---

[1]) Сгорѣло въ этотъ пожаръ церквей 2, Казанская и Петропавловская, каменная мечеть, домовъ обывательскихъ каменныхъ 109, деревянныхъ 1269, а всего 1378; войсковыхъ домовъ каменныхъ 2, училищный деревянный домъ, 2 винныхъ подвала, вина въ нихъ 15.626 ведеръ. По оцѣнкѣ въ этотъ пожаръ сгорѣло домовъ на 2.479.341 р. 70 к. Общественныхъ зданій на 102.000 р., соборная татарская мечеть въ 11.292 р., уѣздное правленіе и 2 питейныхъ дома 45.611 р., имущества всѣхъ сословій 84.112 р. А всего-же на сумму 2.723.356 р. Городъ сгорѣлъ отъ поджоговъ, которые начались съ 8 іюля и слѣдовали одинъ за другимъ 10,11,14,15,16, 17,18,19,20 іюля и лишь 21 пожаръ принялъ грандіозные размѣры. Всѣ пожары были въ полдни между 11 и 3 часами. Поджигателями являлись бродяги изъ иногородцевъ. Савичевъ „Физіономія Уральска за 100 лѣтъ“. („Ур. Войск. Вѣд.“ 1874 г. № 33).

и неспособныхъ казаковъ въ Московскій полкъ. До сихъ поръ этого не было еще у казаковъ—полкъ обыкновенно уходилъ и возвращался на Уралъ безъ всякаго пополненія въ теченіи всей его службы. А тутъ вдругъ требуютъ пополненія. И зашумѣли казаки.

Казалось, что казни, ссылки и жестокія наказанія должны были бы давно образумить казаковъ, но снова заволновались они и въ излюбленномъ своемъ мѣстѣ, у стараго собора

„Во среди торгу, да базарушки,
Среди красной площади"...

стали опять собираться они въ круги. Сурово ходили по площади среди нихъ старики и говорили имъ, что наемки дѣлать не слѣдуетъ, что это несправедливо и никогда этого не было. Особенно выдѣлялся среди нихъ старикъ-казакъ Михаилъ Логашкинъ и его сынъ Карпъ Логашкинъ. Выѣхалъ къ казакамъ на площадь къ старому собору войсковой атаманъ Назаровъ съ офицерами и сталъ ихъ уговаривать.

Изъ шумной толпы вышелъ къ атаману Карпъ Логашкимъ и сталъ ему говорить грубость за грубостью.

— Полкъ дадимъ, а сотню не дадимъ! Это новость! требуете незаконно!.

— Ты грубіянъ и молодъ... съ тобой и говорить не хочу!—буду говорить съ тѣми, которые постарше и умнѣе тебя!—сказалъ атаманъ.

— Что, развѣ молодые не такъ-же служатъ, какъ и старые? перебиваетъ его Логашкинъ.

— Чей ты?—спрашиваетъ его Назаровъ.

— Не знаешь развѣ меня? Есть когда не знаешь, то справься по бумагамъ!.

А сзади и вокругъ атамана шумитъ обступившая его толпа.

— Что Логашкинъ говоритъ, на то и мы согласны! что за нимъ, то и за всѣми!.

Уѣхалъ атаманъ изъ круга и снова слѣдствіе и расправа.

Всѣхъ подсудныхъ было около 50 человѣкъ, изъ нихъ 40 были наказаны: служащихъ казаковъ прогнали сквозь строй черезъ 1000 человѣкъ по три раза, а остальныхъ черезъ 500 человѣкъ одинъ разъ и всѣхъ оставили въ войскѣ.

Такъ кончилась послѣдняя вспышка старины*).

---

*) Войск. архивъ, дѣло III раз., № 51, записки І. Желѣзнова.

VI

,,Не грозна туча изъ за облака
Туча поднималася,
Пріѣзжалъ къ намъ на быстрый Уралъ
Къ намъ небывалый гость
Небывалый гость—Царь-наслѣдничекъ...
Старики, братцы, старожилые
Къ нему собиралися
Съ лицомъ радушнымъ
Ему поклонилися:
— ,,Ты заставь, заставь, Царь-наслѣдничекъ,
Насъ жить по старому,
Ты покинь, покинь Царь-наслѣдничекъ,
Насъ на быстрой рѣкѣ"..
Не золоченая туто трубочка,
Трубочка вострубила,
Говорилъ-же тутъ Царь-наслѣдничекъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
— ,,Вы подите-ка, послужите за горы Кавказскія,
,,Усмирите-ка злую вы орду, орду некорливую,
Некорливую орду,—черкесъ со лезгинами!"...
(*Пѣсня Уральскихъ казаковъ*).

Мякушинъ. Сбор. пѣсенъ Урал. казаковъ.

Наступило лѣто 1836 г. Получило войско радостное извѣстіе что въ 1837 г., въ первый разъ за все существованіе войска, посѣтитъ ихъ будущій Царь, Августѣйшій Атаманъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Радостно готовилось войско для встрѣчи дорогого гостя. Ремонтировался атаманскій домъ, готовили для высокого гостя помѣщеніе, готовили для него по мѣрѣ силъ своихъ торжественную и веселую встрѣчу. Не жалѣли ни силы, ни денегъ, ни времени.

Были выписаны изъ Москвы мебель, экипажи, вина. Приготовили особый полкъ для встрѣчи.

Стали готовить и старый соборъ къ пріѣзду Наслѣдника. Передѣлали его старыя главы, которыя до этого „были устроены ступкой, безъ подшейниковъ, какъ у древнихъ храмовъ“ [1]). Тогда-же выложили его кирпичный полъ массивными желѣзными плитами, спеціально выписанными для этого изъ Москвы.

Наконецъ наступилъ жданный 1837 годъ. Былъ этотъ годъ „неизрѣченной радости и большой печали“—разсказывалъ I. Желѣзнову одинъ казакъ старикъ [2])—„радостенъ былъ тѣмъ, что войско наше сподобилось встрѣчать и принимать гостя дорогого,—царь-наслѣдника. Объѣзжая свою Рассею, царь-наслѣдникъ посѣтилъ и нашъ городокъ,—хотѣлъ, значитъ, взглянуть своимъ державнымъ окомъ, какъ живутъ, поживаютъ дѣтки его любезные, казаки уральскіе. Рази это для насъ не радость! Гмъ. Какой еще надо радости? Хорошо. Наше начальство заслышало, что ѣдетъ такой великій и безцѣнный гость, встрепенулось словно отъ сна и подняло дымъ коромысломъ: пошла значитъ чистка, уборка, стройка, перестройка! Къ примѣру—улицы всѣ расчистили, песочкомъ усыпали, гдѣ нужно канавки провели, мостики черезъ нихъ подѣлали съ перилами и выкрасили. Всю большую улицу пиками, ружьями, хорунками въ узоры убрали и изукрасили; изъ плошекъ вензеля разные вывели, чтобы люминацію сочинить. За башней по

[1]) Лѣтопись Михайло-Архангел. собора.

[2]) Урал. Войск. Архивъ, III разр., № 86, листы 2—29. Разсказъ Желѣзнова „Туча каменная“, до сихъ поръ еще нигдѣ ненапечатанный.

обѣ стороны дороги смоляныя бочки разставили, чтобы зажечь ихъ, т. е. сдѣлать честь царь-наслѣднику, есть когда онъ будетъ въѣзжать ночью. Обывателямъ всѣмъ, не обходя никого—ни богатаго, ни бѣднаго,—приказано было крыши домовъ выкрасить подъ одинъ цвѣтъ—подъ красный, а ворота подъ голубой иль-бо сѣрый. На притчинныхъ и видныхъ мѣстахъ, у кого заборы были изъ плетней, тѣмъ велѣли сдѣлать изъ досокъ. И всѣ обыватели съ покорностью и великою радостью это исполнили. Такимъ манеромъ славный городокъ нашъ Уральскъ уподобился настоящему цвѣточку,—любо-дорого было смотрѣть. Помню тогда-же старики говорили, что отъ самаго зачатка нашего городка не былъ онъ никогда въ такой красѣ, какъ въ то радостное для насъ время“.

Такъ приготовились встрѣтить своего державнаго гостя вѣрные его дѣти славные уральскіе казаки!

Тогда не было еще телеграфа и о прибытіи наслѣдника давали знать конные гонцы, казаки. Отъ одного изъ такихъ гонцовъ было получено, что 15 іюля вечеромъ Наслѣдникъ прибудетъ въ Уральскъ.

Все засуетилось въ Уральскѣ, у атаманскаго дома, переименованнаго во дворецъ, всталъ почетный караулъ. „Народа собралось на улицѣ видимо-невидимо—пишетъ въ своихъ запискахъ очевидецъ этого событія—полковникъ П. А. Назаровъ[1])—штабъ и оберъ-офицеры заняли позицію у подъѣзда. Казакъ привезъ извѣстіе, что Его Высочество изволилъ выѣхать изъ Гниловскаго фор-

1) Записки казачьяго офицера полковника П. А. Назарова хранятся въ Войск. Архивѣ въ числѣ матеріаловъ для исторіи войска.

поста, а потомъ самый послѣдній прискакалъ къ дворцовому подъѣзду съ объявленіемъ, что Наслѣдникъ подъѣхалъ къ Савушкину (въ 10 верст. отъ Уральска). Спустя нѣсколько минутъ у городской башни (тамъ, гдѣ нынѣ арка, построенная въ пріѣздъ Наслѣдника въ 1891 г.) раздались ура, ура, ура! и крикъ этотъ сопровождалъ Наслѣдника до самаго подъѣзда и выхода его изъ коляски".

Въ этотъ-же день Наслѣдникъ посѣтилъ всѣ церкви, бывшія въ Уральскѣ и въ его присутствіи произошла закладка Александро-Невскаго собора, первой православной церкви въ городѣ.

Посѣтилъ Наслѣдникъ и старый Михайло-Архангельскій соборъ. Встрѣчалъ высокаго гостя настоятель собора протоіерей Іоасафъ Ивановичъ Корчагинъ. Сзади Корчагина стоялъ древній старикъ священникъ Василій Ивановичъ Червяковъ,—свидѣтель пугачевскаго бунта; все время, пока былъ Наслѣдникъ въ соборѣ, старикъ отъ избытка чувствъ, отъ охватившаго его волненія, не могъ удержать своихъ слезъ и все время плакалъ; діакономъ былъ Савва Ивановичъ Назаровъ, авторъ лѣтописи собора[1]).

Въ этотъ же день было показано на Уралѣ Наслѣднику примѣрное рыболовство баграми и сѣтями.

Въ высшей степени характерное описаніе всего того, что видѣлъ Наслѣдникъ, написано І. Желѣзновымъ въ

---

[1]) Изъ лѣтописи собора. Священникъ Василій Червяковъ умеръ въ 1841 г. 96 лѣтъ. Во время Пугачевскаго бунта состоялъ на службѣ при соборѣ и отъ него много позаимствовалъ Пушкинъ, писавшій исторію бунта.

его „Тучѣ Каменной“[1]) со словъ казака очевидца: „такой радости — разсказывалъ казакъ—такого, можно сказать, торжества нашъ городъ отродясь не видывалъ. Къ примѣру Царь-Наслѣдничекъ разъѣзжалъ въ расписномъ катерѣ по Яику и любовался, какъ наши казачата иль-бо одинъ за другимъ, гуськомъ, иль-бо рядами, словно фрунтомъ, иль-бо кучкой одинъ надъ другимъ прыгали съ краснаго яра въ Яикъ[2]), кто прямо, то ись стоймя, а кто и внизъ головой. Царь-Наслѣдничекъ и бывшіе при немъ питерскіе господа не мало дивились этой забавѣ.

„Нигдѣ—говорили они—ни въ Расеи, ни въ иныхъ земляхъ нельзя этого увидѣть“.

Только казаки на лошадяхъ не прыгали — Царь-Наслѣдничекъ отказалъ: берегъ, значитъ, людей, какъ бы несчастія съ кѣмъ не случилось.

На плоту, продолжалъ старикъ—и багренье примѣрное производили. Царь-Наслѣдничекъ первый запустилъ багоръ въ дыру, яко бы въ пролубь, и первому ему казакъ-водолазъ ввалилъ на багоръ икрянаго осетра. И какъ только Царь-Наслѣдничекъ забагрилъ осетра, такъ тое жъ минуту подбѣжали къ нему наши чиновники, якобы артельщики, подбагривать и вытащили осетра на плотъ, якобы на ледъ. И тутъ-же, не сходя съ мѣста, распластали осетра, вынули изъ него икру, пробили и сдѣлали; и тутъ-же Царь-Наслѣдничекъ и бывшіе при немъ питерскіе господа, равно и наши чиновники,

---

[1]) Подъ названіемъ „туча каменная“ у казаковъ извѣстно тяжелое время прибытія Перовскаго съ войсками, судъ и нарядъ 4 полковъ на службу.
[2]) Высота краснаго яра отъ 5 до 6 саженъ.

закусили икры, якобы отъ своихъ трудовъ праведныхъ. Багоръ, коимъ Царь-Наслѣдничекъ багрилъ, и теперь цѣлъ — аки драгоцѣнность какая хранится въ войсковой канцеляріи, гдѣ знамена стоятъ. На немъ на мѣдной трубочкѣ и подписочка есть: „Симъ де багромъ въ такомъ де году Царь-Наслѣдничекъ изволилъ багрить и осетра поймать".

„Въ домѣ одного нашего чиновника Сергѣя Ивановича Донскова--продолжалъ старикъ--нарочно собирали и Царь-Наслѣднику показывали женщинъ и дѣвицъ, благородныхъ и неблагородныхъ, только выбирали, что ни самыхъ богатыхъ, что ни въ самыхъ дорогихъ нарядахъ. Къ примѣру всѣ были въ штофныхъ, да въ левантиновыхъ, да въ зарбатныхъ сарафанахъ; женщины въ жемчужныхъ сорокахъ, а дѣвицы въ жемчужныхъ-же поднизяхъ съ драгоцѣнными камнями; тогда еще не совсѣмъ упала мода на сороки и поднизи.

„Скажу коротко: народъ нашъ сердцемъ радовался, что сподобился узрѣть Царь-Наслѣдничка, а начальство наше и ногъ подъ собой не чуяло, что успѣло представить все въ отличномъ порядкѣ. Особенно радовался атаманъ нашъ Василій Осиповичъ Подкатиловъ [1]), надѣялся ленту черезъ плечо получить, да не получилъ:— вышла такая пренепріятнѣйшая исторія".

Задолго до прибытія Наслѣдника Цесаревича въ Уральскъ, среди офицеровъ войска, недовольныхъ назначеніемъ на постъ наказнаго атамана лица невойсковаго сословія, и среди небольшой группы казаковъ шли

---

1) Полковникъ Василій Осиповичъ Покатиловъ — первый атаманъ не изъ казачьяго сословія.

приготовленія къ подачѣ просьбы Наслѣднику. Казаки въ своей просьбѣ жаловались на различныя злоупотребленія и притѣсненія начальства, виновникомъ которыхъ считали главнымъ образомъ своего атамана Покотилова.

Въ то время, когда Наслѣдникъ гостилъ въ Уральскѣ, недовольные собирались въ домѣ казака Ѳедора Ширявскова, гдѣ у нихъ происходили тайныя совѣщанія о лучшемъ способѣ подачи этой жалобы и составлялась самая жалоба.

Изъ слѣдствія по этому дѣлу[1]) видно, что душою заговора были есаулъ Александровъ и отставной войсковой старшина Иванаевъ, а изъ казаковъ особенно отличался своею энергіею только что вернувшійся изъ ссылки, Ефимъ Павло́въ и Иванъ Филичевъ. Послѣдній былъ частымъ гостемъ наказнаго атамана Покотилова. Приходя къ нему, онъ клалъ на одинъ стулъ свои рукавицы, на другой шапку, а на третій садился самъ. Про него говорили въ шутку, что онъ у атамана занимаетъ одинъ три стула. Тайно собирались недовольные казаки. И много надеждъ было возложено у нихъ на подачу просьбы. Подать просьбу вызвался Асафъ Бахаревъ. Вырабатывался планъ подачи. Собравшись въ домѣ казака Свѣшникова, они долго спорили о томъ, какъ подавать просьбу: на рукахъ или головѣ. Рѣшили подать стоя на колѣняхъ, положивъ „подачу“ (прошеніе) на голову....

---

[1]) Объ этомъ дѣлѣ имѣется въ Войсковомъ архивѣ богатый матеріалъ, а также и слѣдственное дѣло: „О казакахъ Уральскаго казач. войска, подавшихъ Его Высочеству Государю Наслѣднику и Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ ябеднические извѣты на мѣстное начальство“. Начато 6 іюля 1837 г., кончено 9 ноября 1837 г. Дѣло III раз., №№ 463 и 413.

Утромъ рано, въ день отъѣзда Наслѣдника, собрались заговорщики въ домѣ казака Федора Ширявскова для послѣднихъ совѣщаній. Ефимъ Павло́въ сходилъ къ есаулу Александрову и взялъ у него готовое прошеніе и передалъ его Асафу Бахареву.

Тысячныя толпы собрались провожать Наслѣдника. У дома атамана, у дворца шелъ говоръ. Солнце сіяло на нарядныхъ платьяхъ обывателей, на флагахъ, пестрѣвшихъ повсюду на улицѣ. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ увидѣть Высокаго Гостя. Но вотъ со двора атаманскаго дома выѣхалъ экипажъ Наслѣдника и остановился у крыльца. Правилъ лошадьми кучеръ—казакъ Калинъ Пачколинъ, форейторомъ былъ казакъ Антипъ Чапуринъ.

Но среди этой веселой толпы, стоявшей въ ожиданіи выхода обожаемаго гостя, кучка заговорщиковъ во главѣ съ Ефимомъ Павло́вымъ незамѣтно собиралась у Крестовой улицы, мимо которой по Большой улицѣ долженъ былъ проѣзжать Наслѣдникъ.

Прошло четверть часа, и на крыльцѣ атаманскаго дома появился Державный Гость. Ура! ура! ура! раздавалось въ воздухѣ. Восторженная толпа не находила другихъ словъ выразить свою радость, свой восторгъ.

Наслѣдникъ сѣлъ. Кучеръ тронулъ лошадей и медленно, среди ликующей толпы, двинулся экипажъ по Большой улицѣ къ городскимъ воротамъ.

— Становись, становись по мѣстамъ!—тихо говорилъ Филичевъ своимъ, разставляя заговорщиковъ для подачи просьбы.

Но вотъ экипажъ Наслѣдника поравнялся съ Крестовой улицей, и случилось то, чего никто не предвидѣлъ и не ожидалъ. Съ крикомъ ура! человѣкъ двадцать сѣдыхъ стариковъ окружили коляску Наслѣдника, упали на колѣни, казакъ Иванъ Мурашкинъ схватилъ переднихъ лошадей за поводъ, а казакъ Родіонъ Черноярова за колесо экипажа. Лошади остановились и стали метаться. Раздались крики упавшихъ на колѣни казаковъ.—„Ваше Высочество, пощадите, мы обижены!" и Асафъ Бахаревъ подалъ „подачу". Ура! ура! кричала толпа.

Казакъ Иванъ Филичевъ, 63-хлѣтній старикъ, стоявшій на колѣняхъ рядомъ съ Бахаревымъ, отъ избытка чувствъ разрыдался, и со слезами на глазахъ безпрерывно повторялъ:—„Помилуйте насъ! Благодаримъ Ваше Высочество! Спасетъ Васъ Христосъ, что посѣтили нашъ городъ! Благодаримъ Васъ, что приняли просьбу!".

Остальные казаки повторяли тоже самое. Все это произошло въ нѣсколько минутъ. Подскочилъ конвой, офицеры и коляска поѣхала дальше.

Вотъ что говорилъ I. Желѣзнову старый казакъ о подачѣ прошенія:

„Въ то самое время—какъ Царь-Наслѣдникъ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ отъ насъ въ Питеръ [1]), въ то самое время откуда ни возьмись Филичевъ, Павловъ, Юлаевъ, Буяновъ и другіе сумасбродные казаки—всѣхъ человѣкъ тридцать, бацъ предъ коляской на

[1]) 17 іюня въ 10 час. утра.

колѣни, окружили Царь-Наслѣдника и подали въ его святыя ручки просьбу, по нашему подачу—вотъ тебѣ и разъ!—всю обѣдню, дураки, испортили!“

Уѣхалъ жданный гость и наступили за свѣтлыми радостными днями темные, тяжелые дни, нависла надъ войскомъ „каменная туча“.

Въ просьбѣ, поданной Наслѣднику, казаки жаловались на злоупотребленія начальства. Много писали въ ней казаки, многое они хотѣли, „хотѣли они, чтобы атаманъ былъ свой—говорилъ старикъ Желѣзнову,—т. е. изъ природныхъ казаковъ, а не иногороднiй, чтобы чиновники въ присутствiи засѣдали такiе, на кого они сами укажутъ—одно слово хотѣли старину вернуть; а того и въ башку дуракамъ не приходило, что „пролито—полнó не бываетъ!“. Ну, кой какiя и домашнiя дрязги, дураки, вывели наружу. Къ примѣру: каждый де годъ отъ всего нашего усердiя и расположенiя, отъ всего, де, нашего сердца мы представляемъ въ батюшкѣ-Царю презентъ—икру и рыбу. Только, де, при этой оказiи много добра идетъ куда совсѣмъ не слѣдуетъ: батюшкѣ-де Царю, примѣрно, боченокъ и осетръ, а въ другiя, неуказныя мѣста,— сотни бочатъ и сотни осетровъ“. Много было въ этомъ, хранящемся въ копiи въ архивѣ, прошенiи и другихъ жалобъ казаковъ.

Но ихъ назвали „безсмысленнымъ подметнымъ письмомъ“ и „ябедническими извѣтами на мѣстное начальство“ и оставили безъ разбора.

„Атаманъ Покатиловъ донесъ Перовскому[1]),—пишетъ въ своихъ воспоминанiяхъ П. А. Назаровъ,—что наши

[1]) Перовскiй Оренб. генер.-губернаторъ.

казаки, кромѣ сдѣланной дерзости—подачи просьбы, начали будто-бы потомъ выходить изъ повиновенія и даже бунтовать, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго и въ мысляхъ даже не было! Самъ же атаманъ уѣхалъ въ Илецкій городокъ, изъ опасенія оставаться въ Уральскѣ, дабы не подвергнуть свою жизнь опасности. Вотъ въ какомъ видѣ представлено было дѣло начальству!".

„Въ горячности Перовскій возьми да и махни въ Питеръ липортъ: разсказывалъ казакъ Желѣзнову:—такъ де и такъ войско Уральское бунтовство затѣваетъ! А войско Уральское и въ мысляхъ этого не держало. Ну и шабашь! Коль скоро бунтовство,—надо усмирять. Вотъ и шлютъ изъ Питера на оборотъ Перовскому: „усмирить!"[1]).

И усмирили.

Изъ Оренбурга двинулись войска.

А. Л. Гуляевъ въ своихъ запискахъ [2]) говоритъ, что „Покатиловъ писалъ изъ Илецкаго городка исправлявшему временно должность наказнаго атамана—полковнику Бизянову, чтобы по приближеніи Перовскаго съ войсками къ городу, на городскомъ валу былъ поставленъ городовой полкъ, а изъ орудій, бывшихъ тогда въ войсковомъ арсеналѣ, была произведена салютаціонная пальба... Бизяновъ, получивъ письмо, очень удивился такому распоряженію и, посовѣтовавшись съ нѣкоторыми старшими войсковыми чиновниками, рѣшилъ назначить немедленно сѣнокосъ, чтобы

---

[1]) I. Желѣзновъ „Туча каменная".
[2]) А. Л. Гуляевъ „Отрывки изъ прошлаго Урал. войска", стр. 32—33.

удалить изъ города казаковъ, а салютаціонной пальбы не производить, во избѣжаніе могущихъ произойти недоразумѣній. Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали".

Между тѣмъ войска Перовскаго шли къ Уральску въ полной готовности вступить съ ожидаемыми „бунтовщиками" въ бой. Колонны шли съ заряженными ружьями, у пушекъ были зажженные фитили. Такъ Покатиловъ съумѣлъ увѣрить Перовскаго, что „все войско взбунтовалось".

Но вотъ 12 августа войска подошли къ Уральску. Все было—мертво и тихо. На валу не было видно ни одного „бунтовщика". Въѣхали съ большою осторожностью войска въ городъ. Тамъ тоже пустынно на улицахъ.

— Гдѣ же казаки? спросилъ Перовскій Бизянова.

— На покосѣ...

Говорятъ, Перовскій удивленно взглянулъ на Покатилова. Тотъ молчалъ.

Начался судъ.

Къ слѣдствію было привлечено болѣе 150 казаковъ; судили „за подачу Его Высочеству Наслѣднику ябеднической извѣты на мѣстное начальство".

Передъ судомъ предстали лица, самому младшему изъ которыхъ было 42 года, остальнымъ отставнымъ казакамъ было болѣе 50 лѣтъ, большинство-же было 70—79 лѣтъ. Изъ нихъ 44 человѣка были признаны виновными и приговорены „къ лишенію живота". Судили военнымъ судомъ, примѣнивъ статьи какъ къ лицамъ, находящимся на дѣйствительной службѣ въ строю „въ большой арміи" на театрѣ военныхъ дѣйствій!

Эти статьи гласили слѣдующее[1]):

I. Законами повелѣно военнаго сухопутнаго устава артикулами:

133). „Всѣ непристойныя подозрительныя сходбища и собранія воинскихъ людей, хотя для совѣтовъ какихъ нибудь (хотя и не для зла) или для челобитья, чтобъ общую челобитную писать, черезъ чего возмущеніе или бунтъ можетъ сочиниться, чрезъ сей артикулъ имѣютъ быть весьма запрещены. Если изъ рядовыхъ кто въ семъ дѣлѣ приступитъ, то зачинщиковъ безъ всякаго милосердія, не смотря на то, что они къ тому какую причину имѣли или нѣтъ, повѣсить, а съ достальными поступить, какъ о бѣглецахъ упомянуто".

II. Полевого Уголовнаго уложенія 15 тома.

237). „За сочиненіе и подачу Государю Императору не дѣльныхъ просьбъ, основанныхъ на личныхъ разглашеніяхъ, объ свободѣ отъ платежа податей или отъ законной власти помѣщиковъ, наказывать какъ сочинителей, такъ и подателей таковыхъ просьбъ, яко возмутителей общаго спокойствія, по всей строгости законовъ".

Перовскій смягчилъ приговоръ. Ефима Павлова и еще трехъ стариковъ посадили „безъ наказанія" въ Оренбургскій острогъ, гдѣ Павловъ и умеръ. Остальныхъ, прогнавши сквозь строй черезъ 500 человѣкъ, кого одинъ, кого два раза, сослали въ Сибирь на поселеніе и девять человѣкъ переведены въ Оренбургское войско.

Въ числѣ осужденныхъ были кучеръ Пачколинъ и форейторъ Чапуринъ за то, что позволили задержать лошадей.

---

[1]) Урал. Войск. Архивъ, дѣло III разр., № 413, стр. 401—406.

„Чиновниковъ“, какъ названы офиціально въ слѣдственномъ дѣлѣ офицеры, судили въ Оренбургѣ. Иванаева, Мишина-Бородина и Александрова лишили чиновъ, орденовъ, казачьяго званія и выслали перваго въ г. Белебей, второго въ Бузулукъ, а Александрова въ арестантскую № 43 роту. Полковника Стахѣя и войскового старшину Андріана Мизиновыхъ сослали въ Пензу. Войсковыхъ старшинъ: Ефима Назарова, Скворкина, Ерыклинцева и есауловъ: Пузаткина и Севрюгина оставили въ сильномъ подозрѣніи.

По преданію, Перовскій, жалѣя 74-хлѣтняго Ефима Павлова, котораго приговорили къ шпицрутенамъ, сказалъ ему: „прощаю тебѣ за твою старость! а то быть бы тебѣ битому и въ Сибири въ каторгѣ!“.

Но отчаянный Павлòвъ отвѣтилъ ему дерзостью:

— Были мы тамъ, въ Сибири, отъ князя Волконскаго, да только въ Нерчинскѣ свои кирки да мотыги передали его племяннику (декабристу кн. Волконскому). Не было-бы и съ тобой того-же[1]).

Перовскій простилъ фанатику эту дерзость.

Но „туча каменная“ разразилась окончательно только осенью: пришло Высочайшее повелѣніе о сформированіи четырехъ полковъ, „въ видѣ общаго взысканія съ войска“.

---

[1]) Про бывшаго атамана Покатилова, погребеннаго въ оградѣ Михайло-Архангельскаго собора, казаки говорили, что часто были слышны изъ его могилы стоны и крики: „Уберите меня отсюда! я слышу запахъ ладана, уберите меня дальше отъ церкви!“... Такъ народная фантазія находитъ и въ мертвомъ непріятномъ для народа человѣкѣ, признаки великаго грѣха....

„Наличный комплектъ войска, за разными, допрежъ того сдѣланными раскомандировками,—говорилъ старикъ I. Желѣзнову,—былъ небольшой—всего тысячи три съ чѣмъ-то. По этому самому приходилось выставить одной тысячѣ двѣ тысячи, т. е. одному казаку поднять двоихъ. Этого выговорить страшно! Этого разоренія наше войско отродясь не видывало! Да вѣдь не то, батенька, горько, что на службу требуютъ—на счетъ этого мы рады стараться, а то горько, что безъ нужды требуютъ, чтобы сокъ изъ насъ выжать, чтобы послѣдніе гроши изъ насъ вытянуть, чтобы жиру съ насъ поубавить! Вотъ что горько! А чего это стоило!? мало-мало восемьсотъ рублей, т. е. по четыреста рублей каждому наемщику, даже больше—мѣстами платили по тысячѣ по сту, по тысячѣ двѣсти рублей! Круглымъ счетомъ со всего нашего войска сошло въ ту пору не меньше, какъ тысячу тысячевъ!“.

И распродало войско „коровъ, лошадей, и всякую скотину... доводилось прихватить и одежды жениной, либо дочерниной; не одна, думаю, жемчужная сорока, не одна жемчужная поднизь, въ которыхъ Царь-Наслѣднику представлялись,— улыбнулись!“.

Это были первые полки, носившіе однообразную форменную одежду, какъ-то: мундиры, шинели и проч., а также оружіе: карабины, пистолеты, пики и сабли.

Вотъ какъ вводили эту форму.

— Кромѣ шинели, мундира, да кивера—разсказывалъ старикъ Желѣзнову—все у меня было,—да все забраковали; все, значитъ, неподходило подъ образецъ. Ну и долженъ былъ все вновь заводить, а старое бро-

сать. Къ примѣру: было у меня ружье справное, винтовка—первый сортъ. Что-жъ? Велѣли бросить и взять изъ казны карабинъ, полуложникъ, по нашему мосолъ, изъ котораго и въ стѣну не попадешь. „А винтовку, говорятъ, брось—хошь на сердешникъ изведи,—она не по образцу!“

Былъ у меня французскій пистоль, справный такой,—осѣчки никогда не давалъ. „Брось говорятъ:—пистоль твой не по образцу, а возьми изъ казны образцовый“. Взялъ, а свой бросилъ.

Было у меня сѣдло съ приборомъ, справное. „Сѣдло-то, говорятъ, пускай это останется, а приборъ къ нему:—вальтрапъ, подушку, узду, нагрудникъ, пахвы и разные ремни и ремешки—возьми изъ казны образцовые“. Взялъ, а свое бросилъ.

Стремена у сѣдла, на что ужъ вещь пустяшная и незамѣтная, а и тѣ велятъ бросить и взять образцовыя. Я какъ то и скажи сотенному.—„Ваше благородіе! зачѣмъ мнѣ брать стремена изъ казны?! Вы извольте взглянуть: мои стремена отличныя, всѣ подъ серебромъ!—Дурракъ! пустая твоя голова,—говоритъ мнѣ сотенный; стремена твои не по образцу“. Нечего дѣлать взялъ образцовыя стремена, а свои, серебромъ начеканенныя, бросилъ.

Теперь насчетъ шинелей да мундировъ тоже, батенька, исторія. Къ примѣру: я бы хотѣлъ на базарѣ, въ лавкахъ купить себѣ сукна подешевле да получше и заказать вольнымъ портнымъ отъ себя,--все бы соблюлъ какую ни на есть экономію,—нѣтъ, этого дѣлать не смѣй! Бери шинель и мундиръ изъ казны готовые, изъ

образцоваго сукна! Базарное сукно— говорятъ не подходитъ подъ образецъ. А вольные портные не такъ ловко, не такъ поставно сошьютъ. И мы знаемъ что базарное сукно не подойдетъ, пожалуй, подъ образецъ, противъ этого не споримъ. Зато базарное то суконце, я бы выбралъ на свой вкусъ, да и поторговался-бы съ купцомъ, а изъ казны то, что попадетъ, то и бери, браковать не смѣй. Попадались инымъ казакамъ мундиры, — мундиры тогда не сполами были, а курточкой, и шинели изъ такого сукна, которое годно было только на онучи мужикамъ. Зато образцовые! Помяю, я купилъ себѣ у солдата шинель, малость самую поношенную, крѣпкую, ничуть не потертую, года на два-бы стало. Чтожъ? — Велѣли бросить и взять изъ казны готовую, изъ образцоваго сукна. При этомъ разъ я не вытерпѣлъ и сказалъ сотенному: „Помилуйте ваше благородіе! это напрасное утѣсненіе! Шинель-то...“ я хотѣлъ сказать крѣпкая, года на два станетъ, да мнѣ не дали договорить, зацыкали, — индо душа ушла въ пятки. Ахъ ты грубіанъ, — говорятъ мнѣ. А знаешь-ли ты, пустая твоя борода, гдѣ Филичевъ? не къ нему-ли хочешь?“ Я и замолчалъ. Что ужъ тутъ станешь говорить; одно слово сила!.

Такимъ образомъ всѣ наемочныя денежки мы служивенькіе, и убили въ образцы — вѣдь образцы-то нашему брату не такъ давали, а лупили за нихъ втридорога. Убили денежки на образцы, а сами остались почесть безъ гроша!“.

Войны въ это время никакой не было и потому сформированнымъ четыремъ полкамъ не нашлось дѣла, отправ-

ленъ былъ осенью-же только одинъ полкъ № 1 на Кавказъ; три-же остальные полка всю зиму сидѣли дома и проѣдали остатки наемки, т. к. имъ, какъ не выступившимъ изъ предѣловъ войска, казеннаго фуража и провіанта не полагалось, и въ тоже время они были лишены права участвовать въ войсковыхъ ловляхъ. И разорилось войско:—разорились тѣ, кто нанималъ, разорились и тѣ, кто нанялся. Лишь весною слѣдующаго 1838 г. были отправлены № 2 полкъ въ Бессарабію, а № 3 въ Финляндію, четвертому-же полку и тогда мѣста не нашлось и онъ остался въ войскѣ до ноября 1839 г. и окончательно обносившійся и разоренный, былъ отправленъ съ генераломъ Перовскимъ, вмѣстѣ съ вновь сформированнымъ № 5 полкомъ, въ зимній походъ въ Хиву. Такъ послѣ свѣтлыхъ дней встрѣчи обожаемаго „Царя-Наслѣдника" разразилась надъ войскомъ и разорила его „туча каменная".

Лишь послѣ зимняго похода въ Хиву, когда Перовскій поближе узналъ уральцевъ и когда только благодаря уральцамъ въ буквальномъ смыслѣ слова спасся его отрядъ отъ полнаго изнуренія и гибели въ снѣжной и холодной степи—только тогда Перовскій понялъ свою ошибку по отношенію къ уральцамъ, и, возвратившись изъ похода, немедленно простилъ сосланныхъ въ 1837 году казаковъ и тѣмъ самымъ снялъ съ войска незаслуженное имъ черное пятно.

Глубоко врѣзался въ памяти казаковъ этотъ радостный и въ тоже время тяжелый годъ и до сихъ поръ, еще старики разсказываютъ про „Тучу каменную"....

Прошли года. Тихо было вокругъ собора. Только не стало около него казаковъ, одѣтыхъ въ цвѣтные старые казацкіе кафтаны, не топтали уже сафьяновые сапоги его чугуннаго пола, не видѣли уже его стѣны на стройныхъ казацкихъ дочеряхъ жемчужныхъ поднизей да на казацкихъ женахъ высокихъ съ жемчугомъ и дорогими камнями сорокъ. Не стало около него и шумныхъ сходовъ. Все старое кануло въ Лету, выросло молодое поколѣніе и стало забывать оно старину.

Съ музыкою, не слыханною имъ доселѣ, съ громкими криками команды, проходило на парадахъ съ церемоніальнымъ маршемъ мимо него это новое поколѣніе въ одноцвѣтныхъ мундирахъ и однообразномъ оружіи, и только тѣ же старыя отцовскія знамена развѣвались надъ ихъ стройными и доблестными рядами.

Въ 1843 году 27 августа снова былъ большой пожаръ въ Уральскѣ, такъ называемый Федулѣевскій. Загорѣлось въ 10 часовъ утра во 2-й части, съ дома казака Ивана Шапошникова, а въ 2 часа дня загорѣлись надворныя постройки дома отставныхъ казаковъ Федора и Пимена Федулѣевыхъ. Пожаръ не принялъ большихъ размѣровъ благодаря тихой погодѣ; сгорѣло всего 137 деревянныхъ и 26 каменныхъ домовъ и надворныхъ построекъ 23. Но не коснулся и этотъ пожаръ стараго Михайло-Архангельскаго собора. Нетронутый стихіею, онъ гордо и величаво красовался на берегу старицы и лишь только темное облако дыма иногда окутывало собою его новые купола и закрывало ихъ отъ благочестиваго и набожнаго взгляда его вѣрныхъ дѣтей.

Но насталъ 1850 годъ. Освятили новый, заложенный въ 1837 году наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ, православный Александро-Невскій соборъ и стали забывать старый дѣдовскій Михайло-Архангельскій соборъ.

Не стало около него и парадовъ. Не стали собираться къ нему воины, внуки старыхъ яицкихъ орловъ, не сталъ онъ слышать звуковъ марша. Лишь изрѣдка стали заходить къ нему эти внуки въ день Михаила-Архангела, въ день войскового праздника. Придутъ, покажутъ ему, вѣковому старцу, свои святыя знамена, вынесутъ дѣдовскія изъ храма, пронесутъ ихъ мимо его темныхъ обсыпающихся стѣнъ и снова уйдутъ, какъ будто хотятъ они ему напомнить о былой его славѣ и молвить ему: „мы живы, мы тутъ съ тобою, мы не забыли тебя, великій старецъ,—памятникъ вольныхъ яицкихъ орловъ, мы здѣсь, съ тобою, мы носимъ ихъ славу и кланяемся тебѣ, старикъ!“. Уйдутъ казаки и грустно и задумчиво смотритъ имъ въ слѣдъ осиротѣлый соборъ, какъ будто хочетъ сказать онъ имъ: „остановитесь, не покидайте меня!“.

Катилось время, летѣлъ годъ за годомъ, но не забывали прихожане стараго собора. Усердными жертвами ихъ въ 1852[1]) году устроили въ немъ печи и сталъ соборъ съ этихъ поръ отопляться. Въ томъ-же году открылось при немъ второштатное діаконское мѣсто и прибавили жалованье причту; стали получать: протоіерей—171 р. 43 к., священникъ—107 р. 14 к., діаконъ—68 р. 57 к. и причетникъ 34 р. 28 к. въ годъ.

---

[1]) Эти и дальнѣйшія свѣдѣнія о соборѣ мною взяты изъ лѣтописи собора.

А въ 1856 году „усердіемъ самарскаго 1-й гильдіи купца Андріана Меркульевича Горбунова“ его древній иконостасъ возобновленъ совершенно заново. Постройка обошлась Горбунову до шести тысячъ рублей „за что онъ Высочайше награжденъ золотою медалью на станиславской лентѣ для ношенія на шеѣ“. Въ слѣдующемъ-же 1857 году „усердіемъ его старосты, судогодскаго 2-й гильдіи купца Луки Алексѣевича Юрьева, храмъ былъ украшенъ внутри стѣннымъ писаніемъ изъ страданій Господа нашего Іисуса Христа и другими историческими картинами“.

Но не могли старообрядцы, бывшіе прихожане собора, смириться съ мыслью, что этотъ старый храмъ навсегда взятъ изъ ихъ рукъ, что никогда уже болѣе не суждено имъ быть въ его святыхъ стѣнахъ. И вотъ въ 1858 году они сдѣлали попытку вернуть его къ себѣ и подали въ 1858 г. ходатайство объ этомъ наказному атаману Столыпину. Но надежды ихъ рушились — имъ отказали. Тогда они стали строить свою старообрядческую Никольскую церковь и окончили въ 1861 г.

Въ этомъ-же 1861 году задумали казаки пристроить къ собору трапезу и колокольню. „Усердіемъ въ этомъ дѣлѣ особенно отличились: положившій ему начало Уральскаго войска есаулъ Поликарпъ Максимовичъ Тамбовцевъ — онъ пожертвовалъ 1000 р., казаки: Георгій Ивановичъ Курлинъ — 2100 р., Иванъ Аггѣевичъ Севрюгинъ — 1500 р. и Савинъ Петровичъ Вязниковцевъ — 500 р., за что послѣдніе Высочайше награждены серебряными медалями на станиславской лентѣ для ношенія на шеѣ“.

Колокольня эта стоитъ и донынѣ при соборѣ; она была выстроена въ одинъ годъ на добровольныя пожертвованія, кромѣ вышеперечисленныхъ лицъ, всѣхъ прихожанъ собора[1]). Когда въ этомъ-же году 11-го іюля въ 5 ч. вечера стали ставить на колокольнѣ „шпиль для главы и креста, былъ сильный громовой ударъ, которымъ разбило его совершенно въ щепы; находившіеся при немъ топоры и молотъ отбросило за русло старицы болѣе чѣмъ на двадцать саженъ; но людей, бывшихъ наверху, Господь сохранилъ; ударъ черезъ открытую дверь проникъ во внутрь храма, опалилъ часть заклироснаго иконостаса съ правой стороны и протибъ стекло въ оконной рамѣ".

Въ 1863 году при старомъ соборѣ было открыто первое въ Уральскѣ духовное единовѣрческое училище, которое существуетъ и до сихъ поръ. А спустя шесть лѣтъ, въ 1869 году снова увеличили окладъ причту; стали получать: благочинный жалованья 250 и квартирныхъ 143 р., священникъ жалованья 180 р. и квартирныхъ 100 р., діаконъ жалованья 120 р. и квартирныхъ 50 р. и пономарь жалованья 70 р. и квартирныхъ 30 р. въ годъ.

Въ томъ же году былъ поставленъ на колокольнѣ собора колоколъ въ 86 пудовъ 12 фунтовъ, отлитый въ Бузулукѣ братьями Герзиковыми.

---

[1]) „При рытьѣ основанія подъ зданіе новой колокольни видно было ясно, какъ подкопъ (Пугачевскій) веденъ былъ подъ прежнюю колокольню по направленію съ Чагана или такъ называемой Чечеры". Лѣтопись Михайло-Архангельскаго собора.

VII.

.... „Какъ на этой на березынькѣ
Гнѣздо было соколиное,
Разорено было это тепло—гнѣздышко
Оно понапрасну“.

(Изъ пѣсни Уральск. каз.).

Мякушинъ. Сборникъ пѣсенъ Урал. каз.

Насталъ 1873 г. Пала грозная и до сихъ поръ неприступная Хива. Радостно возвращались Уральцы изъ лихого похода. Отплатили они хищнымъ хивинцамъ и за Нечая, и за Шемая, и за Бековича! Отплатили за тысячи замученныхъ въ хивинской неволѣ казаковъ-братьевъ.

Несокрушимая Хива пала! Пало гнѣздо разбоевъ и рабства!

Все ликовало въ войскѣ.

Но вотъ наступилъ 1874 г. и нахмурились лица казаковъ, окончилось ихъ радостное ликованье! Пришла, невѣдомо откуда и встала надъ войскомъ тяжелая, черная туча. Скрылось ясное голубое небо, не видно стало за тучею краснаго солнца, все закрыла она собою. Пришла она нежданно, негаданно, пришла и принесла съ собою горе, слезы и рыданія.

Вводили въ войскѣ „новое положеніе“ о службѣ. Страшное слово „штатъ“ было давно забыто, штатъ уже вошелъ въ жизнь. Но новое положеніе было такимъ-же пугаломъ для казаковъ, какъ когда-то ихъ дѣдамъ штатъ. Казаки пріуныли. Тридцать семь лѣтъ прошло

съ тѣхъ поръ, какъ ввели имъ въ 1837 г. штатъ князя Волконскаго: одѣли въ форму и дали однообразное вооруженіе, ввели строевые уставы. Казаки помнили это время. Ничего, кажется, не оставили въ войскѣ стараго. Что-же еще измѣнитъ у нихъ новое положеніе? Что ждать отъ него? Смущеніе овладѣло казаками. Они знали, помнили только одно, что каждая реформа, что каждый новый „штатъ" отнималъ у нихъ ихъ старину, ихъ самоуправленіе, накладывалъ на нихъ все новыя и новыя обязанности.

Что-же хочетъ отнять у насъ этотъ новый „штатъ", это новое положеніе? казалось, спрашивали себя казаки. И въ темной массѣ ихъ стали распространяться самые нелѣпые и баспословные слухи [1]); казаки собирались въ круги, тысячи устъ передавали другъ другу, что новымъ положеніемъ отнимутъ отъ нихъ р. Уралъ, что переселятъ къ нимъ на ихъ земли крестьянъ. И многія горячія головы громко кричали въ кругахъ: „Не бывать этому:—Яикъ на крови начался, на крови онъ и кончится!"... „Землю, землю хотятъ отнять! шептали казаки. „Надо достать владѣнную отъ царя Михаила Феодоровича". И всѣ надежды ихъ, всѣ ихъ помыслы обратились теперь къ отысканію этой, давно уже не существующей, грамоты—„владѣнной". Въ ней одной они ждали себѣ спасенья отъ надвигавшейся, какъ имъ казалось, грозы. Въ войскѣ распространился слухъ, что она во время пожара не сгорѣла, а зарыта дьякономъ

[1]) Все, что касается до безпорядковъ, пишется мною со словъ очевидцевъ, а также взято изъ слѣдственнаго дѣла. Войск. архивъ, дѣло 2 раз. Военно-суднаго отдѣленія (областн. штаба), опись 10-я №№ 31, 32 33, 34, 35 и 37; по описи 3 разряда № 4308.

Михайло-Архангельскаго собора въ землю, въ особомъ желѣзномъ ящикѣ, что умирая діаконъ завѣщалъ своему сыну не давать никому этой грамоты, кромѣ Государя; говорили, что на владѣнной находится изображеніе четырехъ вселенскихъ патріарховъ и ихъ собственноручная подпись и золотая печать. Слухи, одинъ нелѣпѣе другого, распространились съ поразительною быстротою, по уметамъ, по хуторамъ и форпостамъ, среди темной и легковѣрной массы народа,—всюду говорили о „владѣнной“.

Отставной казакъ Федоръ Стяговъ написалъ нѣсколько „копій“ съ „владѣнной“, копій безграмотныхъ и младенчески наивныхъ; но народъ вѣрилъ имъ и ухватился за нихъ, какъ утопающій за соломинку, схватился за нихъ, какъ за послѣднюю защиту своихъ правъ.

Но когда казаки увидѣли, что по распоряженію начальника штаба войска роздали во вновь сформированную учебную сотню и по станицамъ въ школы, а также въ подводныя команды (тогда считавшіяся строевыми частями) новые букварь-молитвенники съ переводами въ нихъ молитвъ на русскій языкъ и съ изображеніями крестнаго знаменія, съ объясненіями въ духѣ православной церкви,—все было кончено!! Казаки безповоротно рѣшили, что у нихъ не только отнимутъ землю, но и будутъ силою переводить въ православіе.

Съ ужасомъ смотрѣли старики на изображенный на первой страницѣ молитвенниковъ четырехконечный крестъ и въ душѣ у нихъ рождалось страшное подозрѣніе. „Насъ хотятъ заставить креститься троеперстно! насъ хотятъ заставить поклоняться четвероконечному кресту!“ (вмѣсто осьмиконечнаго), говорили казаки. И но-

вые нелѣпые слухи тысячными устами передавались другъ другу:—„Кончилась, братцы, наша воля! скоро начнутъ намъ брить бородушки! станутъ отбирать у насъ дѣтей и увозить съ Урала! Скоро одѣнутъ на насъ солдатскую форму“!! [1]) Въ высшей степени религіозныя казачки пришли въ отчаяніе! Онѣ грозили мужьямъ и дѣтямъ муками ада, если они подчинятся новому положенію:—„Лучше пострадайте мученической смертью —говорили онѣ,—а не губите своихъ душъ!“ И казаки рѣшили лучше принять „золотые вѣнцы“ и мученичество за вѣру, чѣмъ принять это страшное „новое положеніе“.

Напрасно старалось начальство увѣрить казаковъ въ нелѣпости слуховъ, что они заблуждаются!—Увы!—многолѣтній опытъ не внушалъ казакамъ вѣры въ слова своего начальства. Они не вѣрили ни одному его слову. Казаки отказывались принимать „положеніе!“

Но что же такъ напугало казаковъ въ этомъ страшномъ для нихъ новомъ положеніи? Можетъ быть, оно было дѣйствительно тяжелымъ бременемъ для войска? Нѣтъ, далеко нѣтъ! [2]).—Это новое положеніе давало казакамъ на этотъ разъ многія льготы,—давало имъ то, давно забытое, отстаивая которое, когда то ихъ дѣды шли на смерть, на муки. Новымъ положеніемъ имъ давали отголосокъ давно уже упраздненныхъ круговъ:—имъ давали право имѣть съѣздъ выборныхъ, выбирать депутатовъ для рѣшенія войсковыхъ нуждъ. Къ

[1]) „Урал. Войск. Вѣд.“ 1875 г. № 48.

[2]) Новое положеніе напечатано полностью въ „Урал. Войск. Вѣд.“ за 1874 годъ.

выборнымъ, (какъ и было до сихъ поръ), совѣтникамъ и предсѣдателю хозяйственнаго правленія, имъ новымъ положеніемъ давалось право выбирать изъ своей среды въ постоянные депутаты трехъ казаковъ въ число членовъ присутствія хозяйственнаго правленія. Имъ давалось право имѣть свой станичный судъ[1]).

— Какъ это мы будемъ судить сами себя? Желаемъ, чтобы насъ начальство судило! —говорили ослѣпленные казаки.

Но къ одной роковой ошибкѣ,—раздачѣ молитвенниковъ,—начальство сдѣлало другую роковую грубую ошибку:—съ казаковъ стали требовать подписки въ согласіи принять законъ,—принять новое положеніе!

Во всей Россіи при введеніи новаго закона нигдѣ не требуютъ подписокъ отъ гражданъ о принятіи закона.

Во всѣхъ войскахъ вводили новое положеніе, но нигдѣ тамъ не требовали подписокъ — только въ одномъ Уральскомъ войскѣ мѣстное начальство додумалось до подписки[2]).

Казаки категорически отказывались подписываться.

---

[1]) Это положеніе въ первоначальномъ его видѣ существовало до 1880 г. когда 5 іюля изданнымъ новымъ такимъ-же положеніемъ, по настоянію, наказнаго атамана князя Голицына, выборъ совѣтниковъ войск. хоз. правленія былъ отмѣненъ и замѣненъ назначеніемъ ихъ отъ правительства, и самая власть хозяйственнаго правленія ограничена. Вмѣсто бывшаго выборнаго предсѣдателя, была установлена должность старшаго члена, и общее присутствіе правленія стало состоять подъ предсѣдательствомъ наказнаго атамана. Въ 1882 г. изъ штата войск. хоз. правленія были исключены три депутата отъ съѣзда выборныхъ.

[2]) Очень цѣнный матерьялъ по этому дѣлу имѣется въ журналѣ „Русское Богатство“ за 1905 г. № 6 въ статьѣ Сандра „Уральцы въ Туркестанскомъ краѣ“, а также въ полномъ собраніи соч. Всеволода Крестовскаго т. 7-й „Степное гнѣздо“.

— Не желаемъ подписываться, говорили они, — если это подлинный царскій указъ, такъ мы его и такъ обязаны свято исполнить! Къ чему подписка?!

— Положеніе принимаемъ, а подписки не дадимъ! говорили другіе.

Требованіе подписки зародило въ казакахъ новое подозрѣніе: —они рѣшили, что указъ былъ не отъ государя. „Зачѣмъ они требуютъ отъ насъ подписки? говорили казаки—это они сами выдумали. Если указъ отъ государя, то на немъ должна быть подпись государя!“ Но подписи царя на новомъ положеніи не было.

Казаки безповоротно рѣшили, что все это выдумки и дѣло мѣстнаго начальства, что царь ничего не знаетъ.

И поѣхали тайныя депутаціи въ Петербургъ съ челобитными отъ войска къ царю. Но всѣхъ ихъ постигла неудача, всѣ они были пойманы въ Петербургѣ и отправлены въ Уральскъ. Только двумъ казакамъ Стягову и Гузикову удалось пробраться въ Ливадію и подать прошеніе государю. Подали они прошеніе и быстро исчезли. Сбилась съ ногъ петербургская полиція, ищетъ она̀ ихъ по всей столицѣ и не находитъ, а казаки все время мирно сидѣли у своихъ:—въ казармахъ гвардейской Уральской сотни. Но и этихъ казаковъ постигла та же участь, что и остальныхъ. Ихъ судили полевымъ судомъ и по лишеніи всѣхъ правъ сослали въ каторжную работу въ рудникахъ и на заводахъ на восемь лѣтъ каждаго.

Между тѣмъ въ Уральскѣ творилось что-то невѣроятное. Нежелавшихъ подписываться казаковъ приказывали арестовывать. Сотни казаковъ при общемъ пакетѣ

съ однимъ конвойнымъ отправлялись изъ станицъ въ Уральскъ, гдѣ всё:—тюрьмы, казармы, пожарныя части—всё было заполнено арестованными. Къ Уральску стягивались войска усмирять „бунтовщиковъ".

— Партіи арестованныхъ проходили одна за другой, говорилъ мнѣ очевидецъ этого И. С. С—въ. Я былъ смотрителемъ войсковыхъ зданій и получалъ приказанія отъ атамана разсаживать казаковъ по казармамъ. Но ихъ оказалось такъ много, что некуда было помѣстить. Казакамъ не было мѣста, гдѣ спать. Я говорилъ имъ шутя, пусть спятъ и на нарахъ и подъ нарами и хотѣлъ запереть двери. Но казаки заявили, что они никуда не уйдутъ, что они шли сюда не затѣмъ, чтобы бѣжать.—„Мы мученики,—говорили они,—стоимъ за вѣру и за крестъ. Мы просимъ насъ не запирать, завтра пріѣзжайте и пересчитайте—мы будемъ всѣ на лицо". Я ихъ не заперъ, но всетаки поставилъ часовыхъ. На другой день, когда я провѣрялъ ихъ, они были всѣ на лицо.

Въ этотъ же день мнѣ приказано было съ чиновникомъ особыхъ порученій М—мъ сдѣлать имъ перепись по-станично. Пріѣхали въ казармы. Стали ихъ спрашивать по очереди.

— Чей ты? спрашиваю перваго.

— Иванъ Осиповъ Романовъ.

Записываемъ; спрашиваемъ второго; отвѣчаетъ:

— Я Иванъ Ивановъ Романовъ.

Записываемъ; спрашиваемъ слѣдующаго; опять называетъ имя и отчество и опять фамилія Романовъ, слѣ-

дующій тоже самое. Записали человѣкъ съ десять и всѣ оказались Романовыми.

Тогда М—въ спросилъ у нихъ, кто изъ нихъ самый старшій по лѣтамъ. Вышелъ казакъ лѣтъ 75.

— Что это значитъ,—спрашиваетъ М—въ, что казаки называютъ себя всѣ Романовыми, вѣдь это быть не можетъ?

Старикъ улыбнулся.—Вы сами вѣдь тоже Романовы.

— Какъ такъ?

— А кто у насъ царь?—Романовъ, поэтому мы всѣ и Романовы.

— Мы это знаемъ,—отвѣчалъ М—въ, намъ нужны фамиліи.

Старикъ обернулся къ толпѣ казаковъ: „ну, братцы, довольно баловать, говорите свои настоящія фамиліи“.

Послѣ этого перепись пошла благополучно. Казаки жили въ этихъ казармахъ все время. Поставленныхъ къ нимъ первое время солдатъ потомъ убрали. Казаки никуда не уходили. Ихъ не кормили—они ѣли свое.

Въ сентябрѣ прибылъ въ Уральскъ Оренбургскій генералъ-губернаторъ Крыжановскій. Онъ собралъ казаковъ и сталъ имъ объяснять „положеніе“, но все оставалось тщетнымъ—казаки кричали одно „не желамъ!! не надо новаго положенія“!!

Между тѣмъ своимъ чередомъ шелъ судъ. Прибывали войска.

Вотъ какъ описывали уральцы въ своихъ письмахъ эти событія[1]).

---

[1]) „Русское Богатство“, 1905 г., кн. 6, соч. Сандра „Уральцы въ Туркест. краѣ“.

„Приняли мѣры судить невинныхъ 26 человѣкъ уральскихъ казаковъ, не подписавшихся къ новому положенію. Взяли ихъ съ гаубтвахты и въ судъ вводили ихъ по одному человѣку и угрожали имъ въ судѣ строгостью пристрастія. Посудила ихъ комиссія ложная[1]): 12 человѣкъ въ каторгу, 12 человѣкъ въ Сибирь на поселеніе; и заковали ихъ въ желѣзо, одѣли въ сѣрую арестанскую одежду, заклейменную позоромъ вѣчнаго безчестья и, какъ невинныхъ страдальцевъ, заключили ихъ въ тюремный замокъ. Послѣ того суда ложвой комиссіи, на другой день прибили афишки по всему городу Уральску и во многихъ жительствахъ. Напечатано въ афишкахъ: непринявшихъ новое положеніе осуждать полевымъ судомъ въ 24 часа къ разстрѣлу [2]). По слѣдствію (произведенному) мы, невинные преступники, не знаемъ за собой ни одного подозрѣнія; того, что доказано противъ насъ, мало для законнаго правосудія. Но, не имѣя права искать оправданія своего по суду, только осталось намъ надежды считать для себя единственнымъ счастьемъ ту минуту, которая можетъ прекратить бытіе наше. И затѣмъ вскорѣ тутъ многихъ казаковъ заарестовали въ Уральскѣ (не менѣе 3000 человѣкъ) и насажали всѣ казенныя зданія полны. Вышеупомянутыхъ-же 26 человѣкъ казаковъ отправили въ Оренбургъ въ желѣзахъ за строгимъ карау-

---

[1]) Казаки были увѣрены, что все дѣлается самовольно, что царь ничего этого не знаетъ.

[2]) Приказъ Крыжановскаго, гдѣ говорилось, что виновныхъ въ подстрекательствѣ судить военно-полевымъ судомъ; приказъ этотъ былъ разсклеенъ вездѣ по городу и станицамъ.

ломъ и по представленію ихъ въ Оренбургъ возводили ихъ на эшафотъ, обрили имъ лѣвую половину головы и удалили ихъ въ дальнюю Восточную Сибирь; въ числѣ ихъ нѣсколько человѣкъ были 70 и 80 лѣтъ, и отъ жестокихъ налоговъ, тиранства, не въ силахъ будучи вынести стѣсненія этапнаго безпорядка и отъ туготы оковъ желѣзныхъ, многіе изъ числа ихъ встрѣтили страдальческую смерть. Въ тоже время начальникъ Рубеженской станицы есаулъ А. Б—ъ многимъ казакамъ перевязалъ назадъ руки, и за надлежащимъ карауломъ погналъ ихъ въ г Уральскъ; отъ тугой вязки рукъ два казака (Федоръ Лапшинъ и Федоръ Буренинъ) не въ силахъ были перенести и оттого въ то время померли".

Такъ описывали казаки въ своёмъ безхитростномъ письмѣ къ роднымъ то, что они переживали, что они думали въ это время и какъ смотрѣли они на чинимую надъ ними расправу.

Всю зиму судили казаковъ. Было болѣе четырехъ тысячъ подсудимыхъ. Казаки, избѣгая подписки, скрывались по хуторамъ. Нарочно уѣзжали изъ станицъ, изъ города. Но были и чуткіе къ дѣлу начальники. Извѣстны нѣкоторые станичные атаманы, у которыхъ не было „бунтовщиковъ": они доносили, что у нихъ всѣ „согласны" и подписокъ не требовали, и изъ этихъ станицъ никто не ушелъ въ ссылку, не было ни одного „уходца"[1]).

[1]) Уходцами называютъ у Уральцевъ казаковъ, сосланныхъ въ 1875 г. въ Туркестанъ.

Настала весна. Разбилъ свои ледяныя оковы древній Яикъ Горыновичъ и понесъ свои быстрыя воды къ Каспійскому морю, разливаясь по зеленѣющимъ лугамъ. Обогрѣло теплое солнышко, степь разукрасилась, обрядилась она, какъ невѣста, узорнымъ душистымъ ковромъ, запестрѣла веселыми цвѣтами. Закипѣла жизнь по ея широкому простору, все оживилось, все звало къ радости и веселью, все славило Великаго Творца и радовалось жизни.

Но грустны и мрачны были лица казаковъ. Никогда еще задумчивый старый казацкій соборъ не видѣлъ столько людей на городскихъ улицахъ; не видѣлъ онъ столько рыдающихъ и полныхъ скорби казачекъ. Не видѣлъ онъ никогда столько тысячъ семействъ, пріѣхавшихъ провожать своихъ родныхъ мужей и братьевъ въ далекую ссылку, провожать изъ войска „уходцевъ“. Ходили они съ опущенными головами, мрачныя и угрюмыя. Видѣлъ соборъ ихъ горькія слезы.

Но вотъ 29 мая стали отправлять первую партію уходцевъ. Ихъ было 144 человѣка, всё старые, сѣдые, закаленные въ бояхъ и походахъ казаки, герои Кавказа, Севастополя, Туркестана и Хивы, были среди нихъ и герои Икана. Легкій утренній вѣтерокъ развѣвалъ ихъ сѣдыя бороды и яркое солнце сіяло на георгіевскихъ крестахъ и медаляхъ, демонстративно надѣтыхъ ими на груди. Молча, сурово шли они по улицѣ, окруженные учебною сотнею, къ берегу Урала.

И видѣлъ старый соборъ, какъ, потупивъ очи внизъ, шли они, окруженные тысячною толпою, среди которой раздавались рыданія женщинъ. Но старики не смотрѣ-

ли по сторонамъ. Прошли они мимо собора по Валькову острову и встали у родного Урала, взглянули на его серебристую гладь, на его струю — кормилицу и стали переправляться около собора на паромахъ на бухарскую сторону.

Сняли старики шапки и запѣли молитвы, стали пѣть священные стихи, составленные ими:

... „Охъ, увы и горе!
Сокрушаютъ нашу волю,
Уже мы не достойны
Стали жить спокойно:
За наши земныя сласти
Послалъ намъ Господь злыя власти;
Стали дѣлать перемѣну
Вѣры Христовой измѣну;
Лишимся, братія, мірскихъ сластей,
Станемъ противъ злыхъ властей!...
За вѣру Христову пострадати,
А своимъ дѣтямъ путь показати.
О, лживые судіи! За что вѣру Христову оболгали?
А христіанъ безъ пощады погнали?“[1]).

Поютъ старики. А солнце радостно сіяетъ съ высоты, все кругомъ дышетъ жизнью. Но вотъ они вышли на другой берегъ. Взглянули на родную сторону, на быструю струю родного Яика, отошли нѣсколько шаговъ и встали.

Имъ приказали итти дальше.

Но старики не пошли; послали дать знать атаману генералу Веревкину. Онъ прислалъ къ нимъ полицеймейстера войскового старшину Кирилова, по распоряженію котораго стали гнать казаковъ силою.

Такъ вышла первая партія.

---

[1]) Витевскій. Расколъ въ Уральскомъ войскѣ. Стр. 207.

Вслѣдъ за ними все лѣто отправлялись изъ Уральска партія за партіей уходцевъ — кто на Оренбургъ, кто прямо степью въ Туркестанъ. Со скорбью писали уходцы о этихъ дняхъ въ своихъ письмахъ къ роднымъ.

„Съ грустью вспомнилъ я — писалъ одинъ изъ нихъ — то печальное зрѣлище, въ которомъ воздухъ былъ смѣшанъ съ воплемъ рыдающихъ матерей, плачущихъ женъ и малолѣтнихъ нашихъ дѣтей! Затѣмъ нѣкоторыхъ стали ковать въ желѣзо и выводить на эшафотъ. Въ Уральскѣ были выведены три казака: Трифоновъ, Гузиковъ и Фроловъ, а въ Оренбургѣ 23 человѣка, и всѣ они отосланы въ Сибирь. Въ то же время, по понесеніи наказанія, нѣкоторыхъ казаковъ отправили въ военно-исправительныя роты, въ числѣ коихъ сосланы на исправленіе два семидесятилѣтнихъ старика (Канашкинъ и Потапичевъ)... И многихъ казаковъ отягощали усиленными работами на желѣзной дорогѣ“ [1]).

Угрюмо и задумчиво смотрѣлъ старый соборъ на уходящихъ отъ него его вѣрныхъ дѣтей; долго каждый разъ смотрѣлъ онъ имъ въ слѣдъ своими осьмиконечными крестами, своими высокими куполами, и снова, задумчивый, также безмолвно стоялъ онъ и также хранилъ свои думы, одинокій и величавый, какъ всегда.

Но въ этотъ же тяжелый годъ вѣрные дѣти его украшали свой старый соборъ, — памятникъ своихъ дѣдовъ.

На доброхотныя даянія и на завѣщанныя бывшимъ торговцемъ Никитою Вахиревымъ 1000 руб., послѣ молебствія, раннею весною, въ этомъ же году „начато

---

1) „Русское Богатство“, 1905 г. № 6 „Урал. въ Турк. краѣ“, стр. 19.

построеніе каменной, вокругъ стараго собора, ограды съ чугунными на верху рѣшетками, приготовленными и купленными въ городѣ Самарѣ, и двумя желѣзными воротами"[1]). Постройка окончилась осенью этого же года. И въ первый же годъ своего появленія суждено было увидѣть этой желѣзной рѣшеткѣ печаль и скорбь народную.

Пришла зима, суровая и холодная, пришла она среди горя и слезъ осиротѣлыхъ семей, пришла и завыла по дикой степи, засыпала бѣлымъ, серебристымъ снѣгомъ казачьи хутора и форпосты. Свиститъ вѣтеръ, — а туча надъ войскомъ не разносится... стоитъ, не расходится она, черная... виситъ надъ казачьей землей. Любо ей слушать сиротскіе стоны.

Пришла весна. А туча стоитъ и стоитъ. Закрыла опять она ясное солнце, не видно за нею свѣтлаго неба,—пришелъ изъ Оренбурга приказъ: выслать къ уходцамъ ихъ семьи. И заволновались въ станицахъ казачки. Не хотятъ итти казачки къ мужьямъ, не хотятъ онѣ бросать родныя семьи, свои милыя хаты, дорогой Яикъ. Писали имъ мужья, чтобы онѣ и не думали ѣхать. Но усаживаютъ ихъ на телѣги и везутъ въ далекую сторону, въ ссылку...

И снова раздались по войску слезы и стоны. Окруженныя конвоемъ, тысячи женщинъ длиннымъ обозомъ потянулись по степи. Но вотъ вышла первая партія изъ родной земли. Настала ночь. Засіяли, зажглись на темномъ небѣ ясныя звѣзды. Окуталъ сумракъ своимъ пологомъ знойную степь. Все спитъ кругомъ, но не спятъ казачки. Суетятся онѣ около подводъ, снимаютъ онѣ

[1]) Лѣтопись Михайло-Архангельскаго собора.

съ телѣгъ колеса. Уходятъ онѣ незамѣтно, одна за другой, въ степь, уходятъ и разбрасываютъ тамъ и прячутъ въ траву и въ песокъ колеса, дуги, хомуты, сѣделки, узды и чеки отъ колесъ, и шлютъ горячія молитвы къ Тому, Кто боролся на землѣ со зломъ и неправдой.

Но вотъ забрезжилъ востокъ, блеснули золотые лучи яркаго солнца. Проснулся конвой. Видитъ онъ — стоятъ телѣги безъ колесъ, не видно и сбруи. Засуетилось начальство.

Два дня собирали они разбросанныя вещи. Наконецъ тронулись.

Но на слѣдующей же остановкѣ случилось то же самое. Приняли строгія мѣры — ночную охрану усилили. Но всю дорогу до мѣста ссылки, вплоть до Сыръ-Дарьи, пропадали по пути сбруя и чеки отъ колесъ. Наконецъ онѣ предстали къ своимъ мужьямъ.

Но казаки долго и упрямо отказывались отъ семей...

Всеволодъ Крестовскій, посѣтившій уходцевъ на Сыръ-Дарьѣ въ 1883 г. [1]), писалъ объ нихъ слѣдующее: „А между тѣмъ все это народъ въ высшей степени способный, смышленный — да и по наружности всѣ они, какъ на подборъ, молодецъ къ молодцу. Что ни уралецъ, то крѣпкій, рослый, здоровый и красивый дѣтина! И затѣмъ надо прибавить, что это люди безусловно честные, въ дѣлахъ вѣрные своему слову, почти поголовно трезвые и, наконецъ, крѣпко держатся правилъ своего „древляго благочестія". Такъ харак-

---

[1]) Всев. Крестовскій. Полное собраніе сочиненій, томъ 7, „Степное гнѣздо", стр. 526 - 528.

теризовалъ Крестовскій „бунтовщиковъ“ генералъ-губернатора Крыжановскаго.

Всего было выслано въ Туркестанскій край за это время казаковъ: полевого разряда 1049, внутренне-служащаго 334, отставныхъ 599, чисто-отставныхъ 544; всего-же 2526. Къ нимъ выслано семействъ — душъ: мужскихъ 340, женскихъ 726 [1]).

Прошли года. Дошла истина и до царскаго трона. Открылась предъ царскими очами картина страданья его вѣрныхъ уральцевъ и въ 1881 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе вернуться уходцамъ „на родину“.

Много ихъ вернулось обратно. Но много осталось и на Сыръ-Дарьѣ. Но почему-же они тамъ остались? Вотъ что пишетъ объ этомъ очевидецъ этого событія: [2]) „Поселенные въ Оренбургскихъ станицахъ, ссыльные Уральцы были вызваны съ семействами и имуществомъ въ Оренбургъ. Здѣсь прочитали имъ всемилостивѣйшее прощеніе и дарованіе права возвратиться на родину. Ссыльные упали на колѣни, подняли къ верху руки и благодарили Творца за дарованную имъ милость, при этомъ изъ нихъ многіе плакали. Были-ли эти слезы сознанія несправедливой кары шестилѣтнимъ изгнаніемъ и полнымъ разореніемъ по введенію новаго положенія, котораго они никогда не отрицали,—не умѣю сказать. Кажется, послѣ этого слѣдовало-бы пустить уральцевъ во свояси. Но канцелярскія формальности въ эту все-

[1]) Н. Бородинъ. Уральское каз. войско (Статистическое описаніе, т. 1-й, стр. 255).

[2]) „Современныя Извѣстія“ 1881 г. № 208, статья Бон. Карпова (подъ псевдонимомъ „Вѣрненскій Гражданинъ“).

общую радость влили порядочную дозу горечи. По приказанію Оренбургскаго генералъ-губернатора Астафьева, уральцамъ поднесли для подписанія прошенія такого содержанія: „Мы просимъ у Вашего Превосходительства увольненія насъ на родину, раскаиваясь въ своихъ заблужденіяхъ и преступленіяхъ и новое положеніе принимаемъ и обязуемся выполнять его“.

Подписать это прошеніе уральцы рѣшительно отказались.

Съ сосланными на Сыръ-Дарью поступили также. Имъ поставили условіе, чтобы каждый изъ нихъ письменно заявилъ о своемъ раскаяніи въ совершенномъ поступкѣ, но казаки подписки не дали.

Въ 1883 г. имъ было объявлено разрѣшеніе возвратиться на Уралъ безъ всякой подписки, но казаки отнеслись къ этому съ большимъ недовѣріемъ и оставались на мѣстахъ, ведя жизнь на бивакахъ. Наконецъ имъ были обѣщаны денежныя пособія отъ казны на переѣздъ обратно, но и послѣ этого они продолжали оставаться на мѣстѣ, терпя всевозможныя лишенія и не устраиваясь осѣдло [1]).

Но въ краткомъ очеркѣ нѣтъ мѣста входить во всѣ подробности этого несчастнаго и тяжелаго для войска событія, — объ немъ разскажетъ въ свое время исторія и освѣтитъ всѣ эти подробности и всѣ эти, теперь находящіяся подъ ревнивою печатью молчанія, темныя дѣла.

Не успѣла еще утихнуть тяжелая боль отъ постигшаго войско несчастія, не успѣли высохнуть слезы осиро-

---

[1]) Вернулось въ войско казаковъ полевого разряда 220, внутренне-служащ. 138, отставныхъ 159, чисто-отставныхъ 298, всего 765 чел. и при нихъ семьи. Остальные всѣ остались навсегда въ Туркестанѣ.

тѣлыхъ семей уходцевъ, какъ надъ войскомъ разразилась другая гроза.

Въ 1879 г., 30 апр. въ 2 ч. пополудни, надъ Уральскомъ взвился громадный столбъ чернаго дыма. Это загорѣлся домъ у краснаго яра. Была сильная буря. Забушевало пламя и пошло широкою полосою къ Чагану. Огонь перескакивалъ съ одного квартала на другой и черезъ нѣсколько времени городъ пылалъ уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Остановить пожаръ не было никакой возможности и всѣ усилія были направлены лишь только къ тому, чтобы удержать пожаръ на охваченномъ имъ пространствѣ и спасти что можно. Громадныя усилія были употреблены, чтобы спасти и отстоять зданіе войскового хозяйственнаго правленія. Былъ праздничный день и бѣдствіе застало жителей врасплохъ; многихъ не было дома. Пожаръ-же шелъ съ такою быстротою, что многіе едва успѣвали спастись сами. Отъ огня, вслѣдствіе необычной силы вѣтра, не спасли ни широкія улицы, ни пространство; многіе складывали свое имущество въ такихъ мѣстахъ, какъ широкая Крестовая улица, и поплатились всѣмъ — все сгорѣло. Кромѣ того погорѣло не мало кладовыхъ, палатокъ и подваловъ въ безопасности которыхъ были увѣрены ихъ хозяева и увѣряли другихъ. Но они не выдержали огня и все сложенное въ нихъ сгорѣло. Многіе лишились всего и остались, какъ говорится, въ однихъ рубахахъ. Разрушительная сила пожара, не найдя себѣ пищи, остановилась передъ Чаганомъ. Сгорѣло 815 домовъ, 170 лавокъ и убытокъ простирался до $1\,^1/_2$ милл. руб. Изъ казенныхъ зданій сгорѣли: одна пожарная часть, полиція и оружейная мастерская.

Но не потухло еще первое пепелище, какъ 4 мая при сильнѣйшей бурѣ вспыхнулъ новый пожаръ, на новомъ мѣстѣ. Начавшись отъ старицы, съ самаго крайняго двора, онъ прошелъ до бывшаго городского вала и закончился домами купца Фирса Макарова. Этотъ пожаръ свирѣпствовалъ весь день. Уральскъ представлялъ изъ себя печальную картину всюду торчавшихъ полуразрушенныхъ, каменныхъ стѣнъ, груды кирпичей, обгорѣлыхъ бревенъ. Почти всѣ жители, напуганные пожарами, оставили дома, вывезли изъ нихъ все и сами поселились въ окрестностяхъ города, главнымъ образомъ у Чагана по направленію къ Ханской рощѣ. Въ этомъ пожарѣ сгорѣла между прочимъ одна пожарная часть и уѣздное казначейство, но деньги и документы были спасены. Всего же сгорѣло въ этомъ пожарѣ болѣе 350 домовъ.

Но этими двумя опустошительными пожарами не кончились бѣдствія жителей г. Уральска. Въ 10 час. утра, 9 мая вновь вспыхнулъ пожаръ на дворѣ купца В. Разсохина. И на этотъ разъ бушевала буря и какъ ранѣе тучи пыли смѣшались съ дымомъ и заревомъ пожара. Огонь быстро охватилъ смежныя строенія и ринулся по направленію вѣтра. Широкой полосой прошелъ онъ на сѣверо-западъ до конца города, ограничившись въ ширину однимъ кварталомъ. Послѣ этого пожара паника окончательно овладѣла жителями — всѣ они бѣжали изъ города.

Къ счастью это былъ послѣдній пожаръ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ сгорѣло имущества за всѣ три пожара на 2.059.783 руб.

Безстрашно и величаво смотрѣлъ своими куполами старый Михайло-Архангельскій соборъ на бушующую стихію.

Не тронуло его святыни все разрушающее пламя. Въ это же время изъ лопнувшаго стариннаго колокола Михайло-Архангельскаго собора вѣсомъ въ 234 пуда [1]) былъ вылитъ, съ прибавленіемъ 104 пуд. $15^{1}/_{2}$ фунтовъ мѣди, новый большой колоколъ, и въ 1881 г. поднятъ на колокольню собора. На немъ, по окружности всего колокола, въ четыре пояса, имѣется слѣдующая надпись: „мастеръ Стефанъ Ивановъ: Благовѣствуй землѣ радость велію. Хвалите небеса Божію славу. Литъ въ Самарѣ въ заводѣ купца К. Ф. Привалова вѣсу 321 пудъ 31 фунтъ. Божіею милостію и благословеніемъ преосвященнѣйшаго Веніамина епископа Оренбургскаго и Уральскаго перелитъ сей колоколъ въ 1881 г. августа 23 дня въ городѣ Самарѣ въ царствованіе Императора Александра III, въ бытность атамана Уральскаго казачьяго войска генералъ-лейтенанта его сіятельства князя Григорія Сергѣевича Голицына“.

И понынѣ виситъ этотъ „праздничный“ большой колоколъ посрединѣ колокольни Михайло-Архангельскаго собора и разноситъ свой благовѣстъ о Божьей славѣ далеко за мирные казачьи Курени по всему городу. А рядомъ съ нимъ висятъ и вторятъ ему другіе малые колокола: „поліелейный—вѣсу 86 п. 12 ф.“ (1866 г.) и старинные: „повседневный—вѣсомъ 10 п. 21 ф., зазвонный—вѣсомъ $23^{1}/_{2}$ фун.“, и безъ названій: „въ 9 п. 30 ф., въ 5 п., въ 2 п. 23 ф. и въ 1 п. $6^{1}/_{2}$ ф.“—всего восемь колоколовъ [2]).

---

[1]) Этотъ колоколъ, по словамъ соборнаго священника Павла Живетина, былъ одинъ изъ древнихъ и числился въ церковной описи въ 1854 г.

[2]) Церковная опись Михайло-Архангельскаго собора.

VIII.

.... „То не вольные вѣтры буйные,
По степямъ, по полямъ, разыгралися;
Не соколики то разудалые,
По поднебесью разлеталися,—
Прилетѣла къ намъ на быстрый Уралъ,
Какъ небесный гость, соколъ—вѣсточка...
Эта вѣсточка всѣмъ повѣдала,
Что сбирается, снаряжается
Къ намъ казачій вождь—Атаманушка
Сынъ родимаго Царя-Батюшки!“...

Изъ неизданной поэмы „Герой—Разбойникъ“, казака Вас. Мих. Голованова (1891 г.)

Прошли года. Минули кровавыя схватки съ киргизами. Мирно стали кочевать ихъ аулы въ степи. Стали спокойно пастись казачьи табуны. Стали свободно выходить казачки въ своихъ нарядныхъ сарафанахъ за стѣны форпостовъ, безопасно проѣзжать по степи безоружные путники. Забылъ свои наѣзды старый ихъ врагъ —хищный киргизъ. Все тихо, мирно стало на Яикѣ.

Триста лѣтъ лилась казацкая кровь по крутымъ берегамъ родного Яика; триста лѣтъ лилась она по широкой степи въ жестокихъ схваткахъ съ дикой ордой. Но покорилась, засмирѣла орда. Тихо стало. Лишь только тамъ,

„Гдѣ кость лежитъ—
Тамъ шихань стоитъ,
Гдѣ кровь лилась—
Тамъ вязель сплелась,
Гдѣ слеза пала—
Тамъ озеро стало“....

*

Насталъ 1891 г., трехсотлѣтіе службы удалого Урал. войска—вѣрной и беззавѣтной службы Царю и Россіи. Разнеслась ликующая вѣсть по войску, проносилась она отъ одного форпоста до другого, изъ хутора въ хуторъ, внизъ и вверхъ по Яику Горынычу. Ѣхалъ въ войско для трехсотлѣтняго празднества самъ Августѣйшій Атаманъ Царскій сынъ „Царь-Наслѣдничекъ" Николай Александровичъ.

Засуетились казаки. Стали готовиться они съ ранней весны „всѣ отъ стараго и до малого" къ встрѣчѣ дорогого Гостя. Съ ранняго утра 22 іюля со всѣхъ сторонъ города показалась клубившаяся пыль, неслись разудалыя пѣсни, гремѣли бубны. Это подходили къ городу вѣрные слуги Царя и Россіи—шли льготные полки удалыхъ уральцевъ—встрѣчать дорогого Гостя. Одинъ за другимъ стройными рядами подходили они къ городу. А сзади за ними тянулись тысячи телѣгъ съ провожающими ихъ родственниками. Ѣхали они за полками, чтобы посмотрѣть на своего Августѣйшаго Атамана, на „Царь-Наслѣдничка".

Въ городѣ все было приготовлено для встрѣчи Наслѣдника. Въ концѣ Большой Михайловской улицы была воздвигнута большая каменная арка; по дорогамъ исправлялись мосты, въ городѣ красились дома, чистились улицы—всюду кипѣла работа, всѣмъ хотѣлось достойно принять Августѣйшаго гостя.

Наконецъ насталъ давно жданный день 29 іюля, день пріѣзда въ предѣлы войска Дорогого Гостя. Еще наканунѣ, на встрѣчу Наслѣднику, наказный атаманъ

Шиповъ и всѣ чины администраціи выѣхали на границу войсковыхъ предѣловъ.

Въ Уральскѣ-же съ ранняго утра народъ сталъ толпиться по главной улицѣ, опасаясь, какъ бы не опоздать къ встрѣчѣ и стараясь занять лучшія мѣста по пути слѣдованія Цесаревича. Шесть конныхъ полковъ, учебная сотня и мѣстная команда стали шпалерами отъ въѣзда въ городъ вплоть до дома наказнаго атамана, предназначеннаго для Его Высочества. На флангѣ всѣхъ войскъ, у въѣзда въ городъ собрались всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры, не находившіеся въ строю, которые совмѣстно съ конвойнымъ взводомъ, долженствовали сопровождать Цесаревича до Его квартиры.

Наконецъ раздался громъ старыхъ дѣдовскихъ „яицкихъ" пушекъ. Это подъѣзжалъ къ городу давно жданный Державный Гость.

Принявъ рапортъ отъ полицеймейстера и отъ командующаго всѣми полками атамана 3 отдѣла полковника Толстова, Цесаревичъ, здороваясь съ полками при громѣ пушекъ, звонѣ колоколовъ всѣхъ церквей, при звукѣ полковыхъ музыкъ, игравшихъ войсковой маршъ: „Славься, славься, нашъ Русскій Царь"! и при несмолкаемыхъ крикахъ „ура" благополучно подъѣхалъ къ встрѣчной аркѣ. У арки депутація жителей города съ вице-губернаторомъ и старшимъ членомъ войсковаго хозяйственнаго правленія поднесли Наслѣднику городскую хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ.

Отсюда Наслѣдникъ поѣхалъ въ Александро-Невскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ преосвященнымъ Макаріемъ, епископомъ Оренбургскимъ и Уральскимъ, со всѣмъ

духовенствомъ. Тутъ-же въ соборѣ были собраны воспитанницы Уральской женской гимназіи, дѣвочки городскихъ школъ. Послѣ краткаго молитвословія Наслѣдникъ вышелъ изъ собора и вновь при несмолкаемыхъ крикахъ ура!—поѣхалъ вдоль Большой улицы ко дворцу, гдѣ ждалъ его почетный караулъ въ составѣ сотни и депутаты съѣзда выборныхъ отъ станицъ, которые поднесли ему войсковую хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ. Самое блюдо было поднесено старѣйшими генералами войска: Акутинымъ, Сѣровымъ и Мартыновымъ. Пропустивъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ почетный караулъ и поздоровавшись съ собравшимися у подъѣзда, въ числѣ болѣе ста человѣкъ, кавалерами знака св. Георгія, Наслѣдникъ удалился въ покои.

Насталъ вечеръ. Весь городъ былъ освѣщенъ иллюминаціей. Наслѣдникъ выѣхалъ кататься по Большой улицѣ. Яркіе огни иллюминаціи, горѣвшіе со всѣхъ сторонъ, освѣщали Августѣйшаго Атамана и восторженныя толпы сопровождали Его несмолкаемыми перекатами громового ура!

Такъ прошелъ первый день пріѣзда Обожаемаго Гостя.

На слѣдующій день, въ 8 час. утра, былъ назначенъ Высочайшій смотръ всѣмъ льготнымъ полкамъ, учебной сотнѣ и мѣстной командѣ. Войска для смотра были построены на скаковомъ полѣ, фронтомъ къ скаковой бесѣдкѣ. Масса публики заполнила всѣ ложи корпусовъ и всѣ мѣста. Весь валъ, окружающій 2-хъ верстный скаковой кругъ, былъ усыпанъ народомъ.

Ровно въ 8 ч. прибылъ къ мѣсту смотра Наслѣдникъ, гдѣ, по выходѣ его изъ коляски, коннозаводчики подвели

къ Цесаревичу для подарка бѣлаго жеребца, завода казаковъ, братьевъ Овчинниковыхъ. Милостиво принявъ коня и сѣвъ на него верхомъ, Цесаревичъ принялъ рапортъ отъ командовавшаго всѣмъ парадомъ наказнаго атамана и поѣхалъ по линіи войскъ, здороваясь съ каждою частью. Громкое восторженное ура! было отвѣтомъ на его привѣтствіе.

Послѣ этого полки прошли церемоніальнымъ маршемъ, перемѣнными аллюрами, а потомъ всѣ конныя строевыя части вновь выстроились фронтомъ къ бесѣдкѣ и, по командѣ наказнаго атамана, были пущены въ карьеръ въ атаку и какъ вкопанные остановились въ 10 саж. отъ бесѣдки, гдѣ былъ Цесаревичъ. Поблагодаривъ полки за лихость, Наслѣдникъ приказалъ выдать людямъ по чаркѣ водки.

Послѣ этого началась джигитовка. Долго продолжалась эта лихая забава, по окончаніи которой Наслѣдникъ раздалъ подарки особенно отличившимся казакамъ.

Послѣ этого начались скачки.

Въ этотъ-же день Наслѣдникъ посѣтилъ образцовую ферму — хуторъ, гдѣ Наслѣдникъ завтракалъ и гдѣ, между прочимъ, были и депутаты отъ съѣзда выборныхъ.

Послѣ завтрака Наслѣдникъ посѣтилъ женскую гимназію, войсковую больницу, дѣтскій пріютъ и войсковое реальное училище.

Въ 6 ч. 30 мин. пополудни въ тотъ-же день въ домѣ наказнаго атамана произошло торжество прибивки шести знаменъ [1]), Высочайше пожалованныхъ Уральскому казачьему войску въ 1891 г.

---

[1]) Изъ числа 9 три знамени прибивались въ тотъ-же день въ №№ 1, 2 и 3 полкахъ, на мѣстѣ ихъ расположенія: — въ Кіевѣ, Самаркандѣ и Прасныщѣ (Плоцкой губ.).

Для этого событія были собраны въ залу дома всѣ Гг. генералы, штабъ и оберъ-офицеры войска, а также почетные военные гости, чины депутацій другихъ казачьихъ войскъ, прибывшихъ къ юбилею, и начальники регулярныхъ войскъ, расположенныхъ въ Уральскѣ.

Сюда же были наряжены войсковой и полковые знаменщики и сверхъ того отъ каждаго изъ 6-ти льготныхъ полковъ и отъ учебной сотни по одному вахмистру, по 2 урядника и по 2 казака.

Выйдя изъ внутреннихъ покоевъ, Августѣйшій Атаманъ обратился ко всѣмъ присутствующимъ со слѣдующими словами:

„Въ ознаменованіе доблестной службы Уральскихъ казаковъ Царямъ и Отечеству и въ память трехсотлѣтія ея, жалуетъ вамъ, уральцы, Великій Государь эти новыя священныя хоругви. Увѣренъ, что какъ вы, такъ и будущія поколѣнія ваши, по примѣру дѣдовъ и отцовъ, покроете ихъ неувядаемой славой и что, если того потребуетъ Царь, Уральскіе казаки подъ сѣнью сихъ хоругвей проявятъ чудеса храбрости и отваги, на защиту Престола и Отечества“. Послѣ этого принявъ на серебряномъ блюдѣ молотокъ, Наслѣдникъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, забилъ первые гвозди на всѣхъ знаменахъ отъ имени Его Императорскаго Величества, вторые-же гвозди были вбиты Цесаревичемъ какъ Августѣйшимъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ. Вслѣдъ за этимъ остальные гвозди были прибиты присутствующимъ лицами въ порядкѣ ихъ старшинства. Вслѣдъ за этимъ всѣ знамена были знаменщиками при асси-

стентахъ вынесены изъ залы и поставлены въ знаменную комнату.

Вечеромъ въ тотъ же день былъ въ войсковомъ собраніи балъ, гдѣ представлялись Наслѣднику дамы войскового сословія, одѣтыя въ казачьи сарафаны и съ соотвѣтствующими головными уборами.

На другой день 31 іюля происходило торжественное празднованіе 300-лѣтняго юбилея службы Уральскаго войска своимъ Царямъ и Отечеству.

И видѣлъ старый соборъ, какъ съ ранняго утра подъѣзжали къ нему полки его дѣтей, славные Уральскіе казаки. Какъ строились они около его древнихъ стѣнъ, сверкая оружіемъ.

Тысячныя толпы народа окружили его. Давно не видалъ старый соборъ столько людей, столько войска на своей древней площади, около своихъ осыпающихся стѣнъ.

На торжествѣ присутствовалъ преосвященный Макарій. Въ 10 час. утра прибылъ одѣтый въ форму гвардейской уральской сотни Августѣйшій Атаманъ. Встрѣчалъ его епископъ Макарій съ причтомъ Михайло-Архангельскаго собора: священниками Алексѣемъ Бирюковымъ, Ѳедоромъ Корчагинымъ и діакономъ Василіемъ Щелоковымъ и со всѣмъ духовенствомъ г. Уральска.

Все духовенство имѣло однообразное малиновое облаченіе, спеціально заказанное для этого случая.

Началась служба. Наслѣдникъ стоялъ у праваго клироса, на спеціально приготовленномъ для него мѣстѣ.

По окончаніи обѣдни Наслѣдникъ въ сопровожденіи свиты обошелъ, здороваясь, стоявшія на площади войска,

состоявшія, за неимѣніемъ мѣста на площади, изъ передовыхъ взводовъ отъ всѣхъ сотенъ полковъ.

И видѣлъ старый соборъ, какъ Августѣйшій Атаманъ обходилъ эти ряды, какъ восторженные клики ура! были отвѣтомъ на его привѣтствія.

Видѣлъ онъ, какъ къ разставленному посрединѣ площади походному храму, пожалованному войску Государемъ еще въ 1889 г., подъ звуки оркестра, игравшаго „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“ и при пѣніи пѣвчихъ, выступила изъ его стѣнъ духовная процессія, впереди которой, по два въ рядъ, шли св. хоругви и особо чтимыя иконы всѣхъ церквей и все духовенство г. Уральска вмѣстѣ съ епископомъ Макаріемъ. Видѣлъ онъ, какъ встали всѣ люди „покоемъ“ впереди походнаго храма.

Сзади духовенства помѣстился войсковой кругъ, въ серединѣ котораго сталъ Августѣйшій Атаманъ съ войсковою насѣкою.

Видѣлъ соборъ, какъ, вынувъ изъ дорогого ларца Государеву грамоту, Наслѣдникъ передалъ ее для прочтенія наказному атаману.

Замерла многотысячная, стоявшая съ непокрытыми головами вокругъ собора толпа народа и стала жадно слушать слова грамоты—слова Державнаго вождя земли Русской.

„Нашему вѣрнолюбезному Уральскому казачьему войску—читалъ атаманъ:

— Нынѣ исполнилось триста лѣтъ со времени первой боевой службы Престолу и Отечеству Уральскихъ казаковъ, которые, именуясь до 1775 г. Яицкими, по

наказу, данному въ 1591 г. Царемъ Өеодоромъ Іоанновичемъ астраханскимъ воеводамъ князю Сицкому и Пушкину, были посланы, въ числѣ другихъ Царскихъ войскъ, противъ Шамхала Тарковскаго, положивъ тѣмъ начало своего историческаго существованія.

Съ той поры Уральскіе казаки, составляя изъ себя на восточной окраинѣ Русскаго Царства твердый и надежный оплотъ противъ хищническихъ набѣговъ азіатскихъ народовъ, принимали весьма дѣятельное участіе почти во всѣхъ войнахъ, которыя Россія была припуждена вести въ теченіи послѣднихъ трехъ столѣтій, ознаменовавъ участіе это мужествомъ и неустрашимою храбростію, столь свойственными доблестному Уральскому казачьему войску. При поступательномъ-же движеніи нашихъ войскъ въ Средней Азіи, начиная съ предпринятой въ 1820 г. экспедиціи къ Аральскому морю и кончая занятіемъ въ 1881 г. Туркменскаго оазиса, Уральскіе казаки выказали выносливость въ перенесеніи трудовъ и лишеній, сопряженныхъ со степными походами, а при столкновеніи съ непріятелемъ геройскими подвигами мужества и храбрости засвидѣтельствовали свою всегдашнюю преданность Престолу и Отечеству.

Въ знакъ особаго Монаршаго благоволенія за столь доблестную боевую службу Уральскаго казачьяго войска и въ ознаменованіе трехсотлѣтняго существованія сего войска, Всемилостивѣйше жалуемъ ему на дарованное Нами, 6 мая 1884 г., войсковое георгіевское знамя новую Александровскую юбилейную ленту съ надписью на лентѣ: „Въ память трехсотлѣтняго существованія Уральскаго казачьяго войска“ и на бантѣ: „1891 г.“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Всемилостивѣйше жалуемъ Мы Уральскому казачьему войску, по числу выставляемыхъ имъ въ военное время девяти конныхъ полковъ, девять полковыхъ знаменъ, повелѣвая по прочтеніи сей Нашей грамоты передъ войскомъ и по освященіи знаменъ употреблять ихъ на службу Намъ и Отечеству съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію, Россійскому воинству свойственными.

Въ цѣляхъ же обезпеченія Уральскихъ казаковъ необходимыми средствами къ исправному выходу на службу, Мы признали за благо сохранить за Уральскимъ казачьимъ войскомъ и на будущее время существующій нынѣ въ этомъ войскѣ порядокъ пользованія для рыболовства рѣкою Ураломъ, въ предѣлахъ теченія его по войсковымъ землямъ.

Пребывая къ вѣрнолюбезному намъ Уральскому казачьему войску Нашею Императорскою милостію благосклонны, Мы увѣрены, что и впредь Уральскіе казаки сохранятъ присущій имъ духъ воинской доблести и самоотверженія и употребятъ все стараніе для достиженія полнаго во всѣхъ отношеніяхъ благоустройства.

Въ сей увѣренности благоволили Мы подписать сію грамоту Собственною Нашею рукою и Государственною печатью утвердить повелѣли. Дана въ С.-Петербургѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто первое, царствованія-же Нашего одиннадцатое

Александръ".

По прочтеніи грамоты Царя, по всей площади, усыпанной народомъ, разлилось могучей волной громовое долго не смолкавшее „ура". Долго гремѣло оно перекат-

ною волною, и въ этомъ могучемъ ура чувствовалась вся та безграничная любовь и благодарность къ царю, которая преисполнила сердца вѣрныхъ ему Уральцевъ. Наконецъ клики замолкли; приступили къ освященію и окропленію знаменъ. Преосвященный владыка передавалъ ихъ Цесаревичу, который въ свою очередь сдавалъ ихъ стоявшимъ на колѣняхъ командирамъ льготныхъ полковъ, а тѣ, въ свою очередь, передавали ихъ знаменщикамъ—урядникамъ.

Вслѣдъ за этимъ, епископъ Макарій громко сталъ читать присягу, которую повторяли за нимъ, поднявъ правую руку все, бывшее тутъ, казачье населеніе и полки,—повторяло все Уральское войско. Торжественная была эта минута. Предъ старыми стѣнами древняго дѣдовскаго собора внуки и правнуки лихихъ орловъ клялись, какъ и ихъ дѣды когда то,—вѣрой и правдой, не щадя живота своего, служить Царю и Великой Россіи. Началось благодарственное молебствіе. Провозгласили многолѣтіе Государю, Императрицѣ, Наслѣднику и всему Царствующему Дому. Провозглашена была и вѣчная память, у этихъ святыхъ стѣнъ, всѣмъ почившимъ Царямъ и Царицамъ, начиная съ царя Федора Іоанновича, а также и всѣмъ, за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившимъ. И слышалъ соборъ, какъ наконецъ протодіаконъ возгласилъ „многая лѣта“ побѣдоносному всероссійскому и уральскому воинству.

Слышалъ онъ, какъ при возглашеніи многолѣтій загремѣли старыя дѣдовскія яицкія пушки и возвѣстили привѣтъ Царю отъ безпредѣльно преданнаго Ему войска.

Наконецъ великое торжество кончилось. При востор-

женныхъ кликахъ войскъ и народа Наслѣдникъ въ экипажѣ отбылъ къ себѣ во дворецъ и, вслѣдъ за нимъ, тронулась отъ стараго храма, по Большой улицѣ, торжественная процессія. Несли знамена, грамоты, древніе сотенные значки, св. иконы и хоругви отъ всѣхъ уральскихъ церквей. Когда процессія поровнялась со дворцомъ, Наслѣдникъ принялъ участіе въ процессіи и слѣдовалъ пѣшкомъ болѣе версты до самаго мѣста закладки новаго храма. По окончаніи закладки новаго храма Христа Спасителя, на Иканской площади, Наслѣдникъ отбылъ, при восторженныхъ привѣтствіяхъ народа, къ себѣ во дворецъ. Полки же, съ пѣсенниками во главѣ сотенъ и съ музыкою, направились въ Ханскую рощу (нынѣ роща Цесаревича). Тамъ былъ воздвигнутъ павильонъ у самаго устья Чагана и приготовленъ былъ завтракъ для Наслѣдника и Его свиты въ числѣ свыше трехсотъ человѣкъ. По площади же стояли столы, предназначенные для обѣда 6 льготныхъ полковъ, станичныхъ и поселковыхъ атамановъ, съѣзда выборныхъ отъ станицъ, Георгіевскихъ кавалеровъ, учителей народныхъ школъ, мѣстной команды, представителей киргизскихъ обществъ, воспитанниковъ училищъ и школъ, а также казаковъ, собравшихся для показа Цесаревичу плавеннаго рыболовства.

Всего обѣдало свыше восьми тысячъ человѣкъ.

Независимо отъ яствъ и питья на всѣхъ столахъ были разставлены фарфоровые стаканы, кружки и тарелки съ изображеніемъ вензеля Цесаревича и съ годами 1591—1891. Это были юбилейные подарки присутствующимъ. Когда все войско размѣстилось по мѣстамъ,

у рощи показался экипажъ Наслѣдника. Подъѣхавъ къ учугу, гдѣ было собрано свыше тысячи человѣкъ рыбаковъ съ ихъ лодками-бударами и снастями, и поздоровавшись съ рыбаками, онъ прослѣдовалъ въ Ханскую рощу къ павильону. Едва показалась коляска Цесаревича, какъ на площади раздались со всѣхъ сторонъ перекаты „ура“! И лишь только Наслѣдникъ вошелъ въ павильонъ, раздался сигнальный пушечный выстрѣлъ и плавенщики—казаки бросились со своими бударами въ быструю струю Яика Горыныча. Сотни бударъ стройной массой быстро понеслись по теченію къ мѣсту, гдѣ стоялъ Цесаревичъ; у самого павильона казаки стали быстро раскидывать свои сѣти и не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ они стали вытаскивать изъ воды огромныхъ осетровъ, которыхъ каждый поймавшій старался доставить къ устроенному на берегу помосту, къ ногамъ сошедшаго туда по лѣстницѣ Цесаревича. Послѣ двухъ—трехъ десятковъ осетровъ, вытащенныхъ на помостъ, Наслѣдникъ приказалъ прекратить ловъ и, поблагодаривъ рыбаковъ, поднялся въ павильонъ.

Начался обѣдъ. Радостны были лица казаковъ, весело было у всѣхъ на сердцѣ. Веселый гулъ голосовъ обѣдавшихъ казаковъ все громче и громче доносился до павильона. Начались тосты за Царя, Царицу и Наслѣдника. Три хора военной музыки исполнили народный гимнъ „Боже, Царя храни“!, покрытый несмолкаемымъ перекатомъ громового „ура“!, вырывавшагося изъ тысячи восторженныхъ грудей, при несмолкаемомъ громѣ пушечной пальбы.

По окончаніи завтрака, Августѣйшій Атаманъ пожелалъ еще разъ выпить чарку за здравіе Уральскаго

войска съ казаками; но за шумомъ голосовъ трудно было передать приказаніе и трубачъ заигралъ сборъ; и едва казаки услыхали призывный и знакомый имъ звукъ трубы, какъ вся ихъ масса и съ ними и вся многотысячная толпа народа ринулась къ террасѣ павильона взглянуть на своего Августѣйшаго Атамана. И лишь Цесаревичъ успѣлъ провозгласить тостъ за здоровье Уральскаго казачьяго войска, какъ при громовыхъ перекатахъ „ура“! полетѣли къ верху шапки и земля задрожала отъ кликовъ восторга и радости. Появилась отпряженная коляска, въ которую впряглись офицеры и казаки, и Наслѣдникъ, сѣвъ въ экипажъ, окруженный десятками тысячъ народа, медленно двинулся по дорогѣ при восторженныхъ проявленіяхъ народной любви.

Такъ везли Наслѣдника почти черезъ всю рощу и лишь по выѣздѣ изъ нея Наслѣдникъ перешелъ въ другую коляску и провожаемый несмолкаемыми криками ура, уѣхалъ на Уральскую областную выставку.

Въ этотъ же день Наслѣдникъ осмотрѣлъ выставку, а въ 7 ч. в. обѣдалъ на дачѣ Наказнаго Атамана въ войск. саду.

Наступило утро 1 августа. Въ шесть часовъ утра Наслѣдникъ Цесаревичъ выѣхалъ изъ Уральска. Тысячныя толпы народа провожали Его. Шесть полковъ стояли шпалерами по Большой улицѣ, тихо колыхались новыя знамена надъ ихъ мужественными рядами. При несмолкаемыхъ крикахъ ура провожали уральцы Державнаго Гостя пока не скрылась Его коляска въ далекой степи.

Такъ закончились войсковыя торжества! Такъ праздновали лихіе уральцы свою трехсотлѣтнюю вѣрную и доблестную службу своимъ Царямъ и родной Русской землѣ.

IX.

Не мало было когда-то въ войскѣ разныхъ памятниковъ казачьей старины; но безпощадное время и всеразрушающая рука невѣжественнаго человѣка не щадили ихъ. Не будемъ говорить о памятникахъ такихъ, какъ старая Войсковая изба, Пугачевскій домъ, кресты на мѣстѣ „Кочкина пира“ — все это памятники опальные и объ нихъ сохранились только преданія да мѣста, гдѣ стояли эти, давно уже несуществующіе, памятники.— Среди нихъ всѣхъ одинъ лишь величавый соборъ, „дорогой перлъ въ войскѣ“ — одинъ онъ остался потомству, какъ памятникъ давно минувшей и глубокой сѣдой старины, какъ колыбель родного войска и нѣмой свидѣтель дѣлъ первыхъ „казаковъ-лыцарей“, „орликовъ пріяицкихъ“, свидѣтель ихъ славы, ихъ радостей и горя...

Шли годы. Катилось быстрое время. Жгло знойное солнце его кирпичныя стѣны, обдувалъ ихъ сухой степной вѣтеръ, обливалъ мелкій дождь. Бушевала вокругъ него огненная стихія, шумѣли грозы надъ его куполами... Видѣлъ онъ брани, смуты и кровопролитія... видѣлъ, какъ проходило мимо него одно поколѣніе за другимъ.. Пощадило его всеразрушающее и равнодушное сѣдое время, щадили его безпощадныя стихіи.

Его одного, среди другихъ исчезнувшихъ памятниковъ казацкой старины „Господь сохранилъ и хранитъ доселѣ цѣло и невредимо!“

И не забывали его старые „казаки-лыцари“... и берегли и лелѣяли они свое дѣтище.

Убирали они его иконы дорогими серебряными ризами, жертвовали въ соборъ все, что было у нихъ дорогого, и дарили ему все отъ чистаго сердца...

Уходили полки въ дальнія стороны *биться* съ врагами, но среди жаркой сѣчи помнили казаки о своемъ соборѣ и привозили они съ собою въ соборъ и свои походные боевые образа и дары изъ военной добычи.

И нынѣ еще сохранились въ соборѣ эти дары его вѣрныхъ сыновъ.

Много ихъ въ соборѣ, но перечислять ихъ всѣхъ заняло бы много времени и мѣста.

Вотъ болѣе интересныя изъ нихъ:

1) Образъ Казанской Пресвятой Богородицы, стоитъ въ алтарѣ, съ серебряной вызолоченой ризой (съ предстоящими вокругъ лика Богоматери святыми: Гуріемъ, Германомъ, Фарсоніемъ, преп. Пименомъ, св. Николаемъ и чуд. свят. Петромъ, Олимпіемъ и Тихономъ). На оборотѣ образа, на серебряной пластинкѣ надпись слѣдующаго содержанія: „1721 года, октября въ 15 день домового Воскресенскаго монастыря, что на Едесскомъ острову, игуменъ Пименъ благословилъ симъ образомъ дѣтей своихъ господина Атамана Яицкаго войска Өедора Михайловича со всѣмъ его войскомъ“.

2) Паникадило мѣдное о семи свѣчахъ, на нижнемъ шарѣ сдѣлана слѣдующая надпись: PAL HART IVRÇEN HART HABEN DIESE KRON IN DIESE KIRC VOR EHRET 1662.

По преданію это паникадило пожертвовано казаками послѣ шведскаго похода, а можетъ быть и послѣ похода подъ Ригу при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

3) Чаша серебряная вызолоченая и нѣсколько такихъ-же малыхъ блюдцевъ съ надписью на днѣ чаши: „Сіи сосуды церковные приложилъ походный атаманъ Иванъ Щелкинъ и есаулъ Иванъ Логиновъ, а вѣсу въ нихъ РНИ“ (т. е. 158 золотниковъ). Къ сожалѣнію года не указано. По преданіямъ-же она пожертвована въ началѣ 1700 годовъ.

4) Образъ Покрова Богоматери, складной („съ растворами“) въ кіотѣ краснаго дерева, въ серебряной ризѣ съ позлащенною рѣзьбою, съ правой стороны Георгій Побѣдоносецъ, сь лѣвой Михаилъ Архангелъ, сверху въ полукругѣ образъ Тайной вечери, „риза вѣситъ 3 фунта 28½ золотниковъ, а четыре вѣнца серебряные позлащеные вѣсомъ 84 золотника“. Внизу этого образа па серебряной пластинкѣ слѣдующая надпись: „Сей образъ сооруженъ отъ усердія Уральскаго казачьяго № 1 полка, находившагося въ Грузіи въ 1841 г.“

Это образъ того многострадальнаго полка, который былъ наряженъ на службу въ числѣ четырехъ полковъ въ наказаніе „за бунтъ“ въ 1837 году. Интересна исторія этого образа. Вотъ что пишетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. Л. Гуляевъ: „Климатъ Грузіи, гдѣ стоялъ 1 полкъ, былъ убійственный для нашихъ казаковъ. Умершихъ въ полку было много, такъ что послѣ четырехлѣтняго пребыванія полка на Кавказѣ оставалось въ немъ не болѣе 300 человѣкъ (изъ 500 чел.)

Наступилъ 1841 годъ, т. е. четвертый годъ пребыванія полка на Кавказѣ, а смѣны или отпуска домой не предвидѣлось. Казаки надумали соорудить пол-

ковой образъ—Покрова Пресвятой Богородицы. Жертвовали всѣ, даже казаки татары и калмыки"[1]).

Образъ былъ готовъ... и теплыя молитвы казаковъ были услышаны.—„Въ 1842 году полкъ былъ расположенъ по станціямъ военно-грузинской дороги для конвоированія почтъ и проѣзжающихъ—пишетъ далѣе Гуляевъ. Въ это время тутъ ѣхалъ вновь назначенный начальникомъ штаба кавказскаго корпуса П. Е. Коцебу[2]). Казаки понравились ему своею ловкостью, расторопностью и услужливостью. Коцебу началъ съ ними благосклонно разговаривать. Пользуясь случаемъ, казаки описали ему свое несчастное положеніе, что, будучи ни въ чемъ неповинны, обречены на безсрочную службу, обносились, всѣ переболѣли и сильно тоскуютъ по родинѣ. Коцебу выслушалъ просьбу казаковъ и, исключительно по его ходатайству, въ 1842 году изъ Уральска былъ двинутъ на Кавказъ № 7 полкъ на его смѣну".

5) Образъ Святой Троицы съ надписью: „Уральскаго казачьяго войска второму полку въ благословеніе и помощь отъ Господа на вѣрную службу Царю нашему за святую вѣру и отечество на побѣду и одолѣніе всѣхъ супостатовъ нашихъ съ пастырскою любовью приноситъ Архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Мартъ 1854 года Херсонъ".

6) Образъ Николая Чудотворца съ такою же надписью № 1 полку. Оба эти образа даны полкамъ, участвовавшимъ въ Севастопольской оборонѣ, архіепископомъ Иннокентіемъ.

---

[1]) Отрывки изъ прошлаго Урал. войска. А. Л. Гуляевъ 1905 г.

[2]) Впослѣдствіи графъ и Варшавскій генералъ-губернаторъ.

7) Образъ Архистратига Михаила съ надписью „Усердіемъ штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ 2 эскадрона лейбъ-гвар. Уральскаго казачьяго дивизіона 1854 г. въ Кронштадтѣ“.

8) Икона Николая Чудотворца съ надписью: „Присланъ въ даръ женою боцмана 29 флотскаго экипажа Маріею Савельевой Ивановой для Уральскаго казачьяго № 1 полка, участвовавшаго въ войнѣ 1853, 1854, 1855 и 1856. Украшена усердіемъ господъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ того же полка; поставлена въ Архангельскій соборъ 21 дня января 1858 года“.

9) Икона Божіей Матери. Внизу надпись: Сею иконою Санктъ-Петербургскій и Новгородскій митрополитъ Григорій благословилъ депутацію отъ Уральскаго казачьяго войска, представлявшуюся къ Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору Александру Николаевичу и Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ въ 1859 году“. Ниже иконы доска, на которой написано: „депутацію составляли полковникъ Андрей Никифоровичъ Кармановъ, есаулъ Патрикей Васильевичъ Мартыновъ, казаки Лаврентій Ивановичъ Аржановъ и Сергѣй Васильевичъ Щелоковъ“.

10) Икона Нерукотвореннаго Образа Спасителя 1713 года, пожертвованная въ 1891 году княземъ Григоріемъ Сергѣевичемъ Голицынымъ Уральскому войску.

11) Образъ въ рѣзномъ позлащенномъ иконостасѣ Николая Чудотворца въ ризѣ и вѣнцѣ мѣдно-позлащенномъ. Этотъ образъ интересенъ тѣмъ, что былъ отобранъ отъ урядника Макарова, который объявилъ его „мироточивымъ“, но продѣлка его была замѣчена и об-

разъ отобрали въ соборъ. Это было приблизительно въ 1858 году.

Въ соборѣ есть много и другихъ пожертвованныхъ образовъ и дорогихъ ризъ. Жертвователями являлись разныя лица. Изъ нихъ наиболѣе выдѣляются слѣдующіе жертвователи[1]): казаки Мухановы—образъ Казан. Божіей Матери въ серебряной ризѣ вѣсомъ 70 золотник.; крестьяне Самсонъ Крюковъ и Стефанъ Кочуговъ—серебряную ризу къ образу Спасителя вѣсомъ 3 фунта 73 зол; крестьянинъ Никита Вяхиревъ—серебряную вызолоченую ризу вѣсомъ 15 фунтовъ на образъ Архистратига Михаила; купецъ Филиппъ Трифоновичъ Мазанцевъ—серебряную ризу вѣсомъ 10 фунтовъ на образъ Іоанна Златоуста; подполковникъ Минъ Петровичъ Выровщиковъ—серебряную ризу вѣсомъ 9 фунтовъ 39 золотниковъ, съ серебрянымъ вызолоченнымъ вѣнцомъ вѣсомъ 2 фунта 30 золот.; купецъ Лука Юрьевъ—серебряную ризу вѣсомъ 12 фунтовъ на икону Божіей Матери: купецъ Климентій Авдѣевъ—серебряную ризу вѣсомъ 13 фунтовъ на образъ святителей Гурія и Варсонофія, казанскихъ чудотворцевъ; крестьянинъ Нижегородской губерніи деревни Дубенокъ Павелъ Ефимовичъ Ванюшинъ—икону Спасителя съ серебряною ризою въ 1 фунтъ $18^1/_2$ зол. и къ ней иконостасъ (въ 1881 г.); крестьянинъ Симеонъ Крюковъ—образъ Іоанна Предтечи съ серебряной вызолоченой ризой 2 ф. 73 зол.; наказный атаманъ Урал. каз. войска генералъ-маіоръ Давыдъ Бородинъ—образъ Воскресенія Іисуса Христа въ серебряной вызолоченной ризѣ вѣсомъ 7 фун-

[1]) Церковная опись Мих.-Арх. собора 1898 г.

товъ. Пожертвовалъ въ 1830 году. Купецъ Евсевій Пищевиньинъ—ризу серебряную вѣсомъ 7 фунтовъ на образъ Преображенія Господня; церковный староста Андрей Васильевъ Мастеровъ—икону Архистратига Михаила въ кіотѣ съ позлащенною рамою, и много другихъ жертвователей.

Особенную же цѣнность храма представляютъ богослужебныя книги, ихъ всего вмѣстѣ съ евангеліями 70 штукъ—книги большею частію глубокой старины. Есть евангеліе, печатанное при патріархѣ Іовѣ, т. е. въ 1589 году (въ настоящее время передано въ Бударинскую церковь), есть Октоихъ, печатанный въ Москвѣ въ 1596 году, почти съ колыбели Уральскаго войска!

На одномъ изъ евангелій, имѣющемъ серебряную окову вѣсомъ 15 фунтовъ 75 зол., время печати опредѣлено слѣдующимъ образомъ: „Божіею помощью сія боговдохновенная книга начата печатаніемъ въ лѣто 7152-го (1644 г.) генваря въ 22 день на память св. Тимофея и св. преподобнаго мученика Анастасія Персіянина въ богохранимомъ и царственномъ градѣ Москвѣ при державѣ его благовѣрнаго и христолюбиваго великаго Государя Царя и великаго князя Михаила Θеодоровича все Руси въ 31 лѣто богохранимаго царствованія его и при сынѣ его Государѣ нашемъ благовѣрномъ Царевиче князѣ Алексѣе Михайловичѣ“.

На другомъ евангеліи въ обложѣ зеленаго бархата съ серебряною оправою, безъ пробы, написано, что печатаніе этого евангелія „совершено бысть въ лѣто 7148 мѣсяца генваря“ во время царствованія „Богомъ из-

браннаго и святымъ іелеомъ помазаннаго крѣпкаго хранителя и поборника святыя христіанскія вѣры, благовѣрнаго, и благороднаго, и христолюбиваго, Богомъ вѣнчаннаго, и Богомъ почтеннаго, и Богомъ превознесеннаго и благочестіемъ всея вселенныя въ концѣхъ возсіявшаго великаго Государя и великаго князя Михаила Ѳедоровича Самодержца".

На одной книгѣ Минея мѣсячная (іюль мѣсяцъ), напечатанной въ московской типографіи въ 1627 г. при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и патріархѣ Филаретѣ, имѣется на первомъ листѣ чернилами слѣдующая надпись: „ЗРПД Декабря въ 1 день великій господинъ святѣйшій Іосафъ патреархъ Московскій и всеа россіи сию книгу, глаголемую Минея, мѣсяца Иуля, далъ вкладу Пресвятыя Богородицы честного и славнаго ея Покрова Вхотковскій дѣвичій монастырь[1]) по радателехъ преподобнаго отца Сергія Родонежскаго чудотворца по отцѣ его иноки Кириле, да по матери его инокини Маріи на вѣчный поминъ, а истого монастыря тои книги ни куда ни отдати".

На книгѣ уставъ или Типиконъ церковный, напечатанный въ Московской типографіи при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ и патріархѣ Іосифѣ 7148 г. съ 1 листа чернилами по листамъ слѣдующая надпись: „Лѣта ЗРН (7150) Іулія 19 въ садовники за Москву рѣку въ церкви Божія во имя чудотворцевъ Козьмы и Доміана и приложена къ церкви Козьмы и Даміана". Эта церковь существуетъ въ Москвѣ и теперь.

[1]) Моск. губерн. Дмитріев. уѣзда, близъ Троицко-Сергіевской лавры, гдѣ почиваютъ мощи свят. родителей преподобнаго Сергія, Кирилла и Маріи.

Присутствіе въ соборѣ этихъ двухъ послѣднихъ книгъ можно объяснить только тѣмъ, что когда при патріархѣ Никонѣ старыя книги подвергались гоненію и когда стали отбирать ихъ, тогда монастыри, чтобы не подвергнуть ихъ уничтоженію, стали распродавать эти книги ревнителямъ „древняго благочестія“, каковыми были тогда почти всѣ яицкіе казаки.

Въ соборѣ имѣется еще одна очень интересная книга—это диптикъ. Онъ былъ переписанъ со стараго диптика (подлиннаго же не сохранилось) въ 1800 г., что видно изъ надписи въ началѣ его: „переписалъ церковный сторожъ Стефанъ Латухинъ 1800 г. марта 23-го“. Въ этомъ диптикѣ записаны цари съ Ивана Грознаго до царя Михаила Ѳедоровича, въ немъ среди разныхъ именъ записаны между прочимъ имена убитыхъ при Петрѣ Великомъ подъ Азовомъ казаковъ. Было въ соборѣ одно интересное евангеліе, печатанное въ первые годы появленія типографіи въ Москвѣ, т. е. приблизительно въ 1550 годахъ. Но въ этомъ древнемъ евангеліи, къ сожалѣнію, имя „Іисусъ“ было написано черезъ два *и*, т. е. какъ принято въ православной церкви. Это и погубило, если можно такъ выразиться, евангеліе. Узнавъ объ немъ, мѣстные миссіонеры, вступая въ диспуты со старообрядцами, брали изъ собора его съ собою, какъ доказательство справедливости ихъ доводовъ о правильномъ писаніи „Іисусъ“ черезъ два *и*...и- зачитали это евангеліе; до сихъ поръ соборный причтъ не можетъ добиться возврата его,—господа миссіонеры не знаютъ, гдѣ оно:—одинъ передалъ другому, этотъ третьему, а кому послѣдній и кто былъ по-

слѣдній—неизвѣстно. Такъ суждено было исчезнуть изъ собора этому, въ буквальномъ смыслѣ слова, безцѣнному памятнику старины. И это былъ памятникъ не одного собора—а памятникъ всего войска!..

Имѣется въ соборѣ также въ богатой серебряной вызолоченой оправѣ евангеліе, пожертвованное войску Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ въ 1891 г. въ память 300-лѣтія службы войска, съ его собственноручною подписью. Серебряная оправа его вѣситъ 36 фунтовъ.

Есть въ соборѣ и интересныя облаченія: одно изъ нихъ—риза, даръ князя Волконскаго, Оренбургскаго губернатора, дана имъ въ 1803 году; другая, какъ говорятъ,—риза, подаренная Пугачевымъ, но это послѣднее едва ли вѣроятно.

Хранятся въ соборѣ и старинные казачьи знамена и значки, всѣхъ ихъ тамъ 38 штукъ.

Не такъ давно въ этомъ соборѣ находилась у южной стѣны его такъ называемая „гробница“. Много писали о этой гробницѣ, но еще болѣе ходило о ней всевозможныхъ легендъ. Одни говорили, что тамъ во время Пугачева были спрятаны старинныя грамоты, атаманская булава и другіе знаки атаманскаго достоинства; другіе говорили, что тамъ похороненъ священникъ, отказавшійся вѣнчать Пугачева на Устиньѣ Кузнецовой. Но кто былъ этотъ священникъ—точно никто не зналъ. Одни говорили, что это былъ протоіерей Дмитрій Петровъ Протопоповъ, другіе—что священникъ Іосифъ Андреевъ, что будто бы оба они отказались признавать Пугачева за Петра III. Оба эти священника дѣйстви-

тельно служили въ соборѣ и записаны съ ихъ родами въ вѣчный поминъ въ соборный диптикъ, но по документамъ соборнымъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на совершенный ими подвигъ и даже гдѣ они погребены и въ которомъ году, хотя въ диптикѣ записано не мало „убіенныхъ“ лицъ мужского и женскаго пола и младенцевъ во время Пугачевской осады. Одинъ родственникъ священника Андреева, умершій 100 лѣтъ отъ роду, разсказывалъ одному священнику г. Уральска, что Андреевъ погребенъ внѣ собора, а именно около южной стѣны противъ того самаго мѣста, гдѣ стоитъ гробница въ соборѣ [1]). По разсказу-же нынѣ служащаго въ соборѣ священника I. Карнаухова, эта могила, по словамъ его бабушки Домники Карнауховой (умершей въ 1869 и мать которой была подруга Устиньи Кузнецовой), подъ этой „гробницей“ похороненъ соборный протоіерей Василій Зубовъ, который отказался вѣнчать Пугачева на Устиньѣ Кузнецовой, что онъ былъ молодъ и имѣлъ русые волосы. Такимъ образомъ по преданіямъ оказывалось три священника, повѣшенныхъ Пугачевымъ за одно и тоже дѣло.

Говорили также, что эта „гробница“ была мѣстомъ для наложенія плащеницы, т. к. въ старину какъ престолъ, такъ и возвышеніе для плащеницы дѣлалось изъ кирпича.

Однимъ словомъ о „гробницѣ“ ходили самые разнообразные слухи и удивительнѣе всего, что въ документахъ собора и въ лѣтописи собора—нигдѣ не было даже и намека о существованіи этой „гробницы“ да и

[1]) „Урал. Войск. Вѣд.“ 1881 г. № 2.

самый причтъ соборный не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о ней. Наконецъ въ январѣ этого года ввиду незначительной, едва замѣтной трещины, появившейся въ стѣнѣ собора у „гробницы“ была назначена особая комиссія для освидѣтельствованія фундамента собора и для вскрытія „гробницы“, мѣшавшей этому осмотру.

Комиссія для вскрытія этой гробницы состояла подъ предсѣдательстомъ отставного генералъ-лейтенанта Г. П. Любавина, изъ членовъ причта и попечительства древняго Михайло-Архангельскаго собора: настоятеля собора священника І. Корнаухова, священника Н. Живетина, діакона Н. Доеничева, церковнаго старосты И. В. Вяхирева, попечителей: С. А. Русакова, И. Григорьева и Н. С. Стулова и членовъ комиссіи: Уральскаго полиціймейстера В. С. Петрова, областного инженера И. Н. Небаронова, и. д. войскового архитектора инженера И. М. Желѣзнова, и. д. старшаго члена в. х. правленія, войскового старшины Мартынова, войскового врача В. С. Клименко, есауловъ Казаркина, Карпова и Сладкова, а также представителей со съѣзда выборныхъ послѣдней сессіи. Комиссія въ полномъ составѣ собралась въ храмъ къ восьми часамъ и приступила къ работѣ. Къ этому же времени къ собору стала сходиться любопытная публика. Вся эта публика, въ большинствѣ, была допущена въ соборъ и присутствовала при вскрытіи гробницы. Лишь въ 4 часа вечера комиссія наткнулась на глубинѣ 4 аршинъ на полуистлѣвшій гробъ, въ которомъ оказались кости человѣка и полуистлѣвшіе куски эпитрахиля. У черепа сохранились русые волосы, видно, что это былъ еще молодой человѣкъ. Несмотря

на тщательные поиски въ истлѣвшемъ гробу не найдено ни креста, ни евангелія, которые кладутся въ гробъ умершаго священника; но это можно объяснить тѣмъ, что крестъ могъ быть положенъ деревянный, какіе употреблялись въ старину даже при богослуженіяхъ, а евангеліе, вѣроятно, было не положено совсѣмъ, за неимѣніемъ таковаго въ запасѣ въ древнемъ, тогда стоявшемъ далеко отъ остальной Россіи, Яицкомъ городкѣ.

Эти раскопки продолжались съ восьми часовъ утра до пяти часовъ вечера, съ небольшимъ промежуткомъ отдыха для обѣда рабочимъ.

При осмотрѣ фундамента оказалась любопытная подробность: заложенъ онъ на глубинѣ $2^3/_4$ арш. отъ уровня пола, на твердомъ глинистомъ грунтѣ, нижняя часть фундамента на высотѣ $1^1/_4$ арш. (т. е. какъ разъ до высоты сплошного грунта) выбученъ однимъ мѣловымъ камнемъ на сухо (безъ заливки какого либо другого связующаго матеріала) крупными кусками. Камень свалился прямо въ вырытыя канавы, а не сортировался и не укладывался руками, такъ что между камнями есть большія, ничѣмъ не заполненныя пустоты. Сверхъ забудки идетъ правильная кладка стѣны, безъ обрѣзовъ, кирпичемъ того же сорта и размѣра, какой употребленъ и на кладку памятника.

При раскопкѣ, между прочимъ, оказалось, что гробъ былъ засыпанъ не землею, а строительнымъ мусоромъ: обломками кирпичей, пескомъ, известью и проч., гдѣ между прочимъ попадались куски угля, найденъ осколокъ колокола, старая подковка отъ сапога, большой гвоздь и кусочекъ стекла отъ фонаря.

Всѣ найденныя кости и остатки одежды были тщательно собраны настоятелемъ храма священникомъ Корнауховымъ, священникомъ Живетинымъ и діакономъ Доеничевымъ и уложены въ новый гробъ; послѣ чего была отслужена литія и гробъ съ останками снова установленъ на прежнее мѣсто и засыпанъ вынутой изъ могилы землей. На мѣстѣ бывшаго саркофага надъ могилою войсковымъ архитекторомъ Желѣзновымъ устроена бетонная плита съ крестомъ на поверхности ея.

Подробности этого осмотра имѣются въ актѣ, напечатанномъ въ № 13 „Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостей" за текущій годъ.

Такимъ образомъ развѣялась таинственность, окружавшая „гробницу". Но кто же былъ этотъ священникъ? Отвѣтить на это, за неимѣніемъ данныхъ, пока не представляется возможнымъ.

Много есть въ соборѣ и другихъ, дорогихъ для уральцевъ, памятниковъ. Всѣ они вложены въ него благочестивыми прихожанами и старыми „казаками-лыцарями", сложившими своими руками этотъ старый соборъ, но это было давно, и отъ людей тѣхъ и костей не осталось. Осталась объ нихъ только ихъ громкая слава.

Промчались года, не стало на Яикѣ старыхъ „казаковъ-лыцарей", осиротѣлъ соборъ, стало забывать его молодое поколѣніе и сталъ храмъ разрушаться. Обсыпаются его кирпичныя стѣны, рушатся его наклоненные и перекошенные кресты, вотъ-вотъ упадутъ они и съ грохотомъ полетятъ на холодную землю!

Поржавѣла его старая крыша. Пойдутъ лѣтніе дожди, потечетъ вода въ церковь, испортитъ она его стѣнную живопись и другія историческія картины „изъ жизни Господа нашего Іисуса Христа". Потрескались его старинныя иконы въ иконостасѣ, осыпалась золотая рѣзьба, накренился старый покровъ надъ престоломъ.

Жалкіе гроши даетъ кружечный сборъ. Нѣтъ въ храмѣ ни подписныхъ, ни другихъ какихъ либо денегъ. И стоитъ старый храмъ забытый, затерянный. Стоитъ онъ осиротѣлый и смотритъ съ укоризною своими обсыпающимися древними стѣнами на равнодушно проходящихъ мимо него правнуковъ старыхъ богатырей. Смотритъ своими высокими главами на казацкіе курени и ждетъ отъ нихъ, своихъ прихожанъ, посильной помощи. Но обѣднѣли его прихожане.

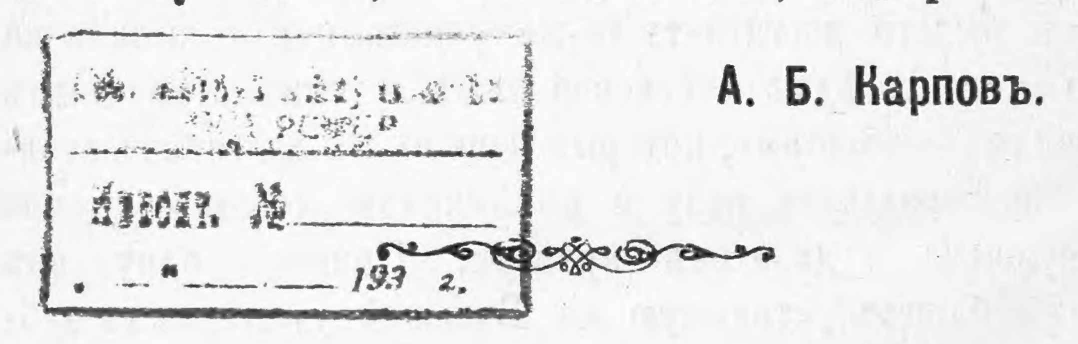
Но вѣдь этотъ славный, старинный соборъ принадлежитъ не однимъ куренямъ—это драгоцѣнный памятникъ всего войска, единственный уцѣлѣвшій памятникъ старины!

Не хочется вѣрить, что и этотъ священный памятникъ былого постигнетъ та-же участь, какая выпала на долю его сосѣдкѣ войсковой избѣ и тѣмъ стариннымъ башнямъ—воротамъ, которыя еще въ 80-хъ годахъ стояли по городскому валу и напоминали собою о давно минувшемъ и далекомъ времени. Помню я одну изъ этихъ башенъ, стоявшую на Большой улицѣ, съ ея зубчатою стѣною, съ ея узкою витою лѣстницею въ толщѣ стѣны и цилиндрическую, сложенную изъ кирпича, посерединѣ ея верхней площадки, сторожевую будку.

Гдѣ эти памятники?! Грубая рука темнаго человѣка не пощадила и эту старину.

Для ремонта собора—этого дорогого казачьяго памятника нужно всего-то пять—шесть тысячъ. Теперь и этого достаточно. Но пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и если оставятъ храмъ въ томъ же печальномъ видѣ въ какомъ онъ находится, то тогда придется затратить гораздо большую сумму.

Работъ въ немъ немного—но всѣ онѣ не терпятъ отлагательства. Говорятъ, что соборъ „не принимаетъ штукатурки“,—но я увѣренъ, что эту басню сочинилъ какой нибудь шутникъ въ давно прошедшее время, одинъ изъ тѣхъ, которые близко стояли къ войсковому сундуку, когда онъ былъ пустъ. Попробуйте отштукатурить—штукатурка пристанетъ какъ нельзя лучше къ его шероховатымъ и вывѣтрившимся стѣнамъ. Неужели въ войскѣ не отыщется эта, сравнительно незначительная сумма, которая нужна для того, чтобы поддержать на многіе годы этотъ великій и единственный въ войскѣ памятникъ казачьей старины. Если ужъ и войско не поддержитъ эту святыню, то кто-же, скажите, поддержитъ ее?!

А. Б. Карповъ.

Г. Уральскъ, Урал. Войск. Типогр., 12 марта 1909 г.

Цѣна 25 коп.

Продается въ книжномъ складѣ при Войсковомъ Хозяйственномъ Правленіи и въ книжномъ магазинѣ Знаніе—Сила.